

ФИНАНСЫ СССР

Под редакцией В. П. Дьяченко

выпуск I

ГОСФИНИЗДАТ 1933
Москва

ФИНАНСЫ СССР

УЧЕБНИК ДЛЯ СТУДЕНТОВ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

СОСТАВЛЕН БРИГАДОЙ РАБОТНИКОВ МФЭИ и НКФ СССР,
ПОД РУКОВОДСТВОМ и РЕДАКЦИЕЙ В. П. ДЬЯЧЕНКО

ВЫПУСК I

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ КУРСА. СУЩНОСТЬ ФИНАНСОВ СССР.
ЭТАПЫ ФИНАНСОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. НАРОДНЫЙ ДОХОД
и ЕДИНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ПЛАН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1933

Отв. редактор В. Дьяченко. Редактор Г. Фридлянд. Техн. редактор А. Оидорова. Выпускающий З. Сулима. Бюро оформления № 178. Тираж 20.000. Главлит № В-65715. ГФИ № 64/к. Формат бумаги $62 \times 94 \frac{1}{16}$. Объем $9\frac{1}{4}$ печ. л. Зн. в л. л. 48.256. Сдано в производство 17/VII 1933 г. Подписано к печати 11/IX 1933 г. Заказ тип. № 2124. Отпечатано в типографии «ГУДОК», Москва, ул. Станкевича, 7.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемая книга должна быть признана первым опытом создания марксистско-ленинского учебника по курсу советских финансов. Нет надобности говорить о неотложной необходимости издания такого учебника, особенно в связи с созданием разветвленной сети специальных финансово-экономических учебных заведений.

До самого последнего времени студенты финансово-экономических институтов должны были с огромнейшей затратой сил подбирать по кусочкам разбросанный по многочисленным источникам материал для того, чтобы иметь возможность проработать хотя бы минимальный круг основных вопросов курса «Финансы СССР». При этом основная трудность проработки курса заключалась не столько в множественности источников, которые не всегда удается достать даже в таких центрах, как Москва и Ленинград, сколько в отсутствии положительной разработки ряда основных проблем данного курса. Кроме богатейшего материала, который мы имеем в работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, в решениях партии и Коминтерна по вопросам советских финансов, в качестве учебных пособий студенты вынуждены были пользоваться либо разрозненными статьями, большей частью дискуссионного (для своего времени) характера, либо заведомо антипартийными, буржуазными и оппортунистическими работами, либо, наконец, официальным материалом и сопровождающими его разъяснениями. Понятно поэтому, что курс советских финансов прорабатывался в учебных заведениях в порядке самостоятельного нахождения правильных ответов на основе высказываний Маркса—Ленина—Сталина и решений партии и Коминтерна путем критического преодоления антипартийных, антимарксистских установок различных авторов. В результате каждый преподаватель был «предоставлен самому себе», что на практике привело к разногласиям; большой же круг вопросов, относящихся к курсу советских финансов, обходился полным молчанием.

Этим определяются задача, которая стояла перед составителями настоящего учебника, и трудности на пути к ее разрешению. Необходимо было создавать совершенно новый курс на основе указаний основоположников марксизма-ленинизма и партии, решительно преодолевая вкоренившуюся уже было «традицию» строить единый курс «финансовой науки», в котором советские финансы рассматриваются лишь как «продолжение» или «трансформация» финансов капиталистических государств (см. курсы Бого-

лепова, Сокольников, Болдырева, Буковецкого и др.). Во-вторых, необходимо было большинство проблем курса не только доработать, но совершенно заново поставить и разрешить.

Разрешение этой задачи стало возможным лишь путем коллективной разработки основных проблем курса, осуществленной работниками НКФ СССР и Московского финансово-экономического института. Составление учебника бригадой авторов и необходимость максимального ускорения всей работы по составлению и изданию учебника могли привести к недостаточной увязке отдельных частей курса и к некоторым повторениям в различных главах, а также к недостаточному стилистическому единству курса. Помимо того, не все проблемы курса на данной стадии можно считать в равной степени разработанными, что также отразилось на данном учебнике. Все эти моменты должны быть учтены при пользовании курсом и при дальнейших его изданиях.

Предлагаемый учебник построен по программе, составленной кафедрой финансов МФЭИ и утвержденной УМС НКФ СССР, с некоторыми отклонениями в части группировки материалов по главам. Учебник должен выйти тремя выпусками. В I выпуске излагаются: 1) предмет и задачи курса и сущность финансов СССР, 2) этапы финансового строительства и финансового планирования и 3) народный доход и его перераспределение в системе единого финансового плана. Литературный указатель с аннотациями на основные источники будет приложен к последнему (третьему) выпуску.

В составлении первого выпуска курса участвовали т.т. **Дьяченко В. П.** (гл. 1), **Точильников Г. М.** (гл. 2 и 3) и **Лупачев И. В.** (гл. 4).

ГЛАВА I

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ КУРСА. СУЩНОСТЬ ФИНАНСОВ СССР

I. Двойственный характер советских финансов

Декабрьский (1930 г.) пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) особо подчеркнул огромное значение финансов в деле завершения фундамента социалистической экономики. Пленум указал на необходимость решительной борьбы с недооценкой роли финансовой системы на современном этапе социалистического строительства, на необходимость дальнейшей борьбы за укрепление советского рубля.

В последующих постановлениях партии и правительства эта директива получила свое дальнейшее развитие в направлении внедрения и углубления хозрасчета, укрепления финансовой и кредитной дисциплины, организации и усиления повседневного финансового и кредитного контроля — **контроля рублем**.

На ряду с общим возрастанием значения финансовой системы усиливается и ее значение для овладения финансовой стороной деятельности хозяйственных организаций, организации контроля над ходом выполнения планов (особенно по качественным показателям), усиления и укрепления хозрасчета и плановой дисциплины. В директивах XVII партконференции по составлению второго пятилетнего плана развития народного хозяйства особо отмечается, как одно из основных условий успешного завершения построения социализма во второй пятилетке, укрепление хозрасчета, непримиримое отношение ко всякого рода «левым» теориям перехода к «продуктообмену», «отмирания денег» уже на данном этапе строительства социализма и максимальное развертывание советской торговли.

Январский (1933 г.) пленум ЦК и ЦКК, определив основные задачи народнохозяйственного плана 1933 г. — первого года второй пятилетки, особенно подчеркнул необходимость и значение борьбы за качественные показатели, за овладение техникой и новыми предприятиями, что на современном этапе означает также и дальнейшее возрастание роли финансов как рычага в деле укрепления хозрасчета.

Тем самым являются совершенно ложными всякие «левацкие» попытки представить дело так, что будто бы во второй пятилетке необходимо и неизбежно уменьшение роли финансов, их «отмирание». По отношению ко всей финансовой системе в це-

лом (что, однако, не устраняет возможности и необходимости ее перестройки в соответствии с конкретными потребностями строительства социализма) полностью применимы замечания, высказанные наркомом финансов Союза ССР т. **Гринько** на XVII партконференции: «Диалектика нашего развития в том и заключается, что, чем крепче мы организуем в настоящее время нашу денежную систему, чем лучше обеспечим ускорение темпов социалистического накопления в нашей стране, чем прочнее сделаем наш червонец..., тем быстрее обеспечим мы построение социалистического общества и похороним все и всяческие категории, оставшиеся нам в наследство от прошлого».

Из сказанного здесь вытекают две внешне противоречивые формулировки сущности финансов СССР: **во-первых**, финансы СССР являются одним из решающих рычагов диктатуры пролетариата в процессе социалистического строительства; **во-вторых**, существование финансов в СССР обусловлено сохранением в советской экономике рыночных категорий.

Некоторые экономисты, не умея сочетать эти два момента, характеризующие существо советских финансов, приходят к двум одинаково ложным, враждебным генеральной линии партии, утверждениям:

Первое — существование финансов в СССР связано с господством товаро-рыночных отношений; финансы СССР суть лишь «разновидность» финансов капиталистических государств и ликвидация «преобладания» частнохозяйственных элементов в советском хозяйстве, усиление роли плана, подчинение всего народнохозяйственного развития планированию должно означать «отмирание» финансов («левые» представления).

Второе — уже в условиях капиталистического хозяйства финансы представляют собою «плановый островок», эта «плановая сущность» финансов как «субъектного хозяйства» («субъект» — государство) не может «развернуться» при капитализме (в условиях в целом «бессубъектного хозяйства»), она «развертывается» лишь в условиях советской экономики, при чем «трансформация» финансов является необходимым условием и сопутствующим моментом процесса «врастания в социализм» (правые «теории»).

В основе обоих этих ложных утверждений лежит вульгарное, позаимствованное из «арсеналов» буржуазной «науки», понимание государства, как «публично-правового союза», и финансов, как «субъектного», «общественного» или «публичного хозяйства» ¹⁾, отрицание социалистического характера пролетарской революции, переход на позиции «эволюционных теорий» (отрицание

¹⁾ «История показала, что люди соединяются в союзы, порождаемые коллективными потребностями. Эти политические союзы приняли различные формы, известные под именем общин, волостей и, наконец, в виде их важнейшей, высшей и всеохватывающей формы — государства. Все они имеют задачей заботиться об общественных и публичных потребностях входящего в их состав населения... Для того, чтобы общественные организации могли выполнять вышеупомянутые задачи в их служении человеческому обществу, они должны для их осуществления приобретать, употреблять и расходовать необходимые для этого «хозяйственные средства», т. е. вести «финансовое

революционных скачков в истории), выхолащивание классового содержания общественных отношений, непонимание двойственной природы переходной экономики, переоценка сил капиталистических элементов и тенденций и недооценка сил революционного пролетариата и его союза с трудовым крестьянством.

Возражая против утверждения Сокольников, будто бы «денежная система СССР проникнута принципами капиталистического хозяйства», т. Сталин на XIV съезде ВКП(б) указал: «Тов. Сокольников не понимает двойственной природы нэпа, двойственной природы торговли в нынешних условиях борьбы социалистических элементов с элементами капиталистическими, он не понимает диалектики развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода, где методы и оружие буржуазии используются социалистическими элементами для преодоления и ликвидации элементов капиталистических. Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономики». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их против капитализма, с успехом используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало быть, что, благодаря диалектике нашего развития, функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются

хозяйство государства или публичное хозяйство», в котором, в отличие от частного хозяйства, «господствует принцип общего возмездия, сообразно платежеспособности населения» (Ф. Зеберг, «Финансовая наука»). «Одни потребности мы удовлетворяем сами единоличными усилиями, другие — совместно с другими лицами, для чего история выработала союзы людей (государства, общины и т. д.)... Союзы публичного характера — государства, общины — для выполнения лежащих на них задач нуждаются в материальных средствах, и они добывают себе эти средства... Финансовая наука изучает финансовое хозяйство, т. е. совокупность отношений, которые возникают на почве добывания союзами публичного характера материальных средств» (И. Х. Озеров, «Финансовая наука»), «Деятельность государства, направленная на приобретение, управление и расходование материальных благ и личных услуг, необходимых для удовлетворения государственных нужд и потребностей, составляет государственное или, как принято называть, финансовое хозяйство» (Меньков, «Основные начала финансовой науки»). «Денежные и такие материальные средства государства или иного публично-правового союза, которые могут быть переведены на деньги, составляют его финансы» (Г. И. Болдырев, «Лекции по финансовой науке»). «Публично правовые союзы возникают для удовлетворения коллективных потребностей... Публично-правовым союзом в первую очередь является государство... Совокупность материальных ресурсов, которыми располагает публично-правовой союз для удовлетворения коллективных потребностей своих сочленов, является его финансовым хозяйством... От момента своего возникновения и до сих пор предмет финансовой науки остается одним и тем же; изучение общественных отношений, возникающих в сфере хозяйства публично-правовых союзов» (А. И. Буковецкий, «Введение в финансовую науку»). Сравни: «Финансовая наука... должна изучать общественные отношения, возникающие на почве добывания этим обществом или его ответвлениями средств материального характера, необходимых для существования его государственных организаций» (Д. Боголепов, «Краткий курс финансовой науки»). (См. ст. Д. Бутков «За марксистско-ленинскую теорию финансов» — «Финансовые проблемы» № 3/4 за 1931 г.; А. Ляндю, «Сущность и задачи финансового плана» — «Финансовые проблемы» № 1/2 за 1931 г.).

принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма в ущерб капитализму»¹⁾). Это указание определяет также и своеобразие советских финансов в целом, основы их существования и развития, их задачи и роль в процессе социалистического строительства.

Принципиальное, коренное изменение содержания «прежних», по видимости, категорий и инструментов определяется прежде всего характером пролетарской революции. — завоеванием пролетариатом политического и экономического господства, организацией диктатуры пролетариата и захватом экономических командных высот. Тем самым с момента пролетарской революции осуществляется не процесс «трансформации» или «отмирания» финансов капиталистического государства, а процесс ломки, ликвидации капиталистических финансов, организации, укрепления и, в меру успехов и потребностей социалистического строительства, перестройки особой, принципиально отличной от капиталистических финансов, системы отношений.

2. Сущность финансов капиталистических государств

В условиях товарно-капиталистического хозяйства существование финансов определяется, **во-первых**, наличием классов, классовой борьбы и государства, являющегося «продуктом непримиримости классовых противоречий», аппаратом насилия со стороны господствующего класса в целях сохранения, укрепления и расширения своего господства и подавления сопротивления угнетенных и эксплуатируемых классов и, **во-вторых**, наличием товарно-денежных, рыночных отношений.

Определяя финансы как «совокупность способов и методов получения средств публично-правовым союзом для удовлетворения коллективных потребностей его членов»²⁾, буржуазные экономисты преследуют задачу завуалировать классовое содержание, классовую сущность финансов: государство рассматривается как «надклассовая» организация, преследующая цели «общечеловеческого характера», необходимая вечно в интересах «обеспечения порядка» и «удовлетворения коллективных потребностей людей», поскольку «порядок» необходим и «коллективные потребности» существуют в любом «цивилизованном» обществе.

Это выхолащивание классовой сущности, «увековечение» государства и финансов нужно буржуазии для того, чтобы «оправдать» капитализм, «оправдать» существование и укрепление аппарата насилия над пролетариатом и трудовым крестьянством, отвлечь пролетариат от революционной борьбы за свержение капиталистического строя, направить эту борьбу по ложному пути — по линии устранения «недостатков» капитализма. При этом передовой отряд контрреволюции — социал-фашисты (**О. Бауэр, Гильфердинг, К. Каутский** и др.) «убеждают» рабочих в том, что капитализм можно «изжить мирно» посредством завоевания боль-

¹⁾ XIV съезд ВКП(б), стенографический отчет, стр. 496. Изд. 1926 г.

²⁾ Получается, что, например, царская армия, жандармерия, царский суд, содержащиеся на средства государства, «православная церковь» и т. д. — все это представляло собою «удовлетворение потребностей»... рабочих и крестьян со стороны Николая Кровавого.

шинства мест в буржуазном парламенте и частичной перестройки буржуазной финансовой системы, поскольку государство — «общечеловеческая организация», а финансы — «публичное», т. е. находящееся под «контролем» масс, «демократическое» «хозяйство»¹⁾.

Маркс установил, что финансовая система капитализма возникла в мануфактурный период, т. е. в период возникновения и развития капиталистических производственных отношений²⁾, при чем сама финансовая система, в формах государственного кредита и налогового обложения, являлась одним из существеннейших методов первоначального капиталистического накопления. «Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал»³⁾. При этом дело не меняется от того, что часть налогов и платежей взималась в натуральной форме; в целом, возникновение и развитие финансовой системы капитализма связано с развитием товарных отношений — с превращением продуктов труда в товары и деньги, денег — в капитал с возникновением и развитием капиталистических производственных отношений.

Хотя государство (его форма, организация) и финансовая система (формы и методы взимания и расходования средств, структура доходов и расходов и т. д.) и оказывают огромное влияние на возникновение и развитие капиталистических производственных отношений (отношений капиталистической эксплуатации), но они не определяют собою и не могут существенно, в основных чертах, изменить содержание и направление развития капиталистического хозяйства, не могут устранить противоречий капитализма (наоборот, при известных условиях способствуют крайнему обострению этих противоречий), не могут предотвратить неизбежный крах капиталистической системы хозяйства⁴⁾.

¹⁾ Влияние этих «теорий финансов» явно сказывается в работах Кузовкова, Боголепова, Сокольников и т. д., «открывающих» финансы еще в древнем Египте и пытающихся построить «единую теорию» и «единую схему развития» финансов, начиная от древнего Египта и кончая социализмом. Этим же увлечением «мировыми схемами» были заражены и работники финансовой кафедры Ленинградского ФЭИ (Дитман, Марголис, Орлов и др.). См. ниже материалы московского совещания 1931 г. по вопросу «Предмет и метод финансов».

²⁾ «Так как государственные долги опираются на государственные доходы, на счет которых должны покрываться годовые проценты и т. п. платежи, то современная налоговая система возникла как необходимое дополнение системы национального кредита» («Капитал», изд. 1930 г., т. I, стр. 607).

³⁾ Маркс, «Капитал», изд. 1930 г., т. I, стр. 606.

⁴⁾ Государство — эта «новая самостоятельная сила в общем и целом должна следовать за движениями производства, но она оказывает также опять-таки воздействие на условия и ход производства в силу присущей ей или, вернее, однажды полученной и постепенно развивающейся дальнейшей относительной самостоятельности». «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальное является лишь пассивными факторами. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце-концов проявится. Государство, например, оказывает влияние при помощи покровительственных пошлин, свободы торговли, хорошего или дурного состояния финансов». «Экономическое движение в общем проложит себе путь, но должно испы-

Капиталистическая финансовая система является **надстройкой** над совокупностью капиталистических производственных отношений¹⁾. Состояние финансов как надстроечной категории может ускорить или замедлить развитие капитализма, но не может устранить или даже существенно изменить основные законы развития капитализма. Всякая попытка «использовать» финансы как абсолютно самостоятельную силу, способную будто бы «предотвратить» кризисы капитализма, неизбежно вызывает лишь дальнейшее обострение кризисов, безжалостно разбивающее все надуманные «теории создания» стабилизированного «процветания». Законы капиталистического развития пробивают себе путь, как стихийная сила, как слепая необходимость, и чем больше препятствий она встречает на своем пути, тем более разрушительно ее действие.

Это значит, что определение капиталистических финансов, как «субъектного хозяйства», как «планового островка» в капиталистическом мире анархии, является совершенно ложным. Под обманчивой «формой плановости» (определение наперед объема и структуры доходов и расходов бюджетов) скрывается действие стихийного закона стоимости и самая «плановость» ограничивается здесь более или менее «удачным» предвосхищением (предвидением) действия стихийных законов. История бюджетов капиталистических стран подтверждает это с совершенной бесспорностью. Только в условиях ликвидации капиталистической собственности на основные средства производства, в условиях планового советского хозяйства бюджет становится действительным планом, но тогда он уже обладает совершенно новым, качественно отличным содержанием.

Являясь оружием в руках организованного в государство класса буржуазии, соответствуя основным отношениям капитализма (а **не соответствовать им в целом она не может**, так как ее «организатором» является буржуазия и ее развитие в общем следует развитию капиталистического способа производства), финансовая система капитализма является (и **не может не являться**) дополнительным орудием капиталистической эксплуатации в интересах расширенного воспроизводства и укрепления отношений капитализма. Всеми своими «частями» она направлена против эксплуатируемых, усиливая эксплуататоров и заставляя пролетариат, крестьянство, колониальные народы оплачивать расходы по сохранению, упрочению и расширению системы эксплуатации. Даже те налоги и платежи, которые буржуазное государство «взимает» с буржуазии, в конечном счете путем изменения цен производства, заработной платы, рыночных цен товаров и посредством всякого рода «помощи» капиталистическим предприятиям и объединениям со стороны государства перелаживаются на плечи пролетариата и мелких товаропроизводителей.

тывать на себе также и обратное действие от политического движения, которое оно само для себя создало и которое обладает относительной самостоятельностью» (Энгельс). «Налоги могут в лучшем случае видоизменить во второстепенных пунктах, а не в основе, отношения распределения, основывающиеся непосредственно на буржуазном производстве» (Маркс).

¹⁾ См. «К критике политической экономии», предисловие.

Все это показывает, что нельзя рассматривать государство и финансы оторванно от экономической структуры данного общества. Финансы и государство необходимо анализировать со стороны их специфических особенностей в пределах и в связи с данным, исторически-обусловленным способом производства, при чем непосредственно существо финансов определяется существом, типом и содержанием господства. Отсюда, далее, следует, что нельзя выводить закономерности развития советских финансов из закономерностей развития финансов капитализма.

Финансы капиталистического государства представляют собою надстройку, при помощи которой государство буржуазии присваивает и перераспределяет (дополнительная эксплуатация) общественный продукт для воспроизводства себя, как аппарата классового господства, классового насилия над пролетариатом, для сохранения, укрепления и расширения всей системы капиталистической эксплуатации. Содержание финансовых категорий переходной экономики, принципиально отличное от содержания финансов капитализма, не «вытекает» из последнего, а составляет качественное своеобразие, обусловленное особенностями государства пролетариата и всей экономической структуры советского хозяйства.

3. Основы существования финансов в СССР

Советское хозяйство — хозяйство переходного от капитализма к социализму типа. Это значит, что в советском хозяйстве наряду с укрепляющимися и возрастающими элементами социализма сохраняются еще несоциалистические элементы; при этом задача пролетариата, установившего и упрочившего свою диктатуру, заключается в том, чтобы преодолеть эту двойственность, полностью устранить несоциалистические элементы, завершить построение социалистического общества.

Это требует, **во-первых**, организации связей и отношений внутри социалистического сектора народного хозяйства, обеспечивающих его укрепление и расширенное воспроизводство, **во-вторых**, организацию таких связей и отношений социалистического сектора с другими, которые обеспечивали бы ограничение, вытеснение, ликвидацию капиталистических элементов и переделку мелко-товарного сектора. При этом форма и содержание этих связей и отношений являются не произвольными, а определяются соотношением классовых сил и социально-экономических укладов на каждом этапе социалистического строительства.

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — писал **Маркс** в «Критике готской программы», — лежит период революционного переустройства одного в другое. Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме революционной диктатуры пролетариата». Задачу построения социализма «нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму, и потому, что перестройка производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому,

что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе¹⁾). При этом в отдельных странах длительность переходного периода, количество переходных ступеней, которые должна пройти социалистическая революция, различны в зависимости от ряда моментов, прежде всего от уровня развития производительных сил. «Нет сомнения, что социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно не нужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство»²⁾).

Двойственность положения мелкого земледельца-производителя (крестьянина) определяет особое отношение к нему со стороны пролетариата, необходимость особой политики, не экспроприирующей мелкой собственности крестьянина-труженика, но обеспечивающий переделку мелкотоварного уклада, развития его по социалистическому пути, ибо сохранение частной собственности, сохранение мелкотоварного уклада означает сохранение «питательной почвы» для капитализма, сохранение возможностей развития капиталистических отношений. Такая политика должна сочетать интересы трудового крестьянства с интересами строящего социализм пролетариата под гегемонией пролетариата, обеспечить возможность «зацепиться» за крестьянство, идти к социализму вместе с ним, переделывая крестьянскую экономику, направляя ее развитие по пути социализма. Это означает не непосредственный переход от капитализма к социализму, а переход, опосредствованный рядом переходных мер, доступных и понятных крестьянству. Это означает **необходимость допущения рыночных форм связей, торговли, денежного обращения.**

В СССР, где в начале переходного периода единоличное крестьянство составляло большинство населения, являлось основным производителем сельскохозяйственных продуктов, вопрос об установлении правильных отношений с ним составлял **коренной вопрос пролетарской диктатуры**, непосредственно определял переход к новой экономической политике и необходимость относительно-длительного периода подготовки к социалистическому наступлению по всему фронту.

Однако этим не исчерпывается причина перехода к нэпу и невозможности в СССР на рельсах нэпа сразу перейти в наступление по всему фронту. Переход к нэпу, как единственно правильной политике победившего пролетариата в **любой стране**, обусловливается, кроме того, необходимостью такой организации деятельности предприятий социалистического сектора, которая обеспечивала бы максимальный рост производительности труда, устранение всяких «излишеств», максимальное ускорение темпов социалистического накопления. До тех пор, пока не завершена социалистическая реконструкция всего народного хозяйства, не

¹⁾ Ленин, т. XXIV, стр. 314.

²⁾ Ленин, изд. 2-е, т. XXVI, стр. 237.

ликвидированы классы и классовые различия, не обеспечена возможность перехода к непосредственно трудовому учету и всестороннему удовлетворению возрастающих в огромных размерах потребностей членов общества (сначала — на основе прямого соответствия количеству и качеству затраченного ими труда, а затем — в соответствии с принципом «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям») — до тех пор единственно правильной организацией управления социалистическими предприятиями **является хозяйственный расчет**. Хозрасчет устанавливает правильные финансовые взаимоотношения между социалистическим предприятием и государством как целым, обеспечивает наиболее быстрые темпы развития производительных сил, вовлечение всей массы трудящихся в ряды активных строителей нового общества и на этой основе постепенную переделку, перевоспитание людей.

В СССР в виду большой отсталости производительных сил к моменту революции, кроме того, стояла особая задача — обеспечение индустриализации страны, создание мощной социалистической промышленности, способной повести за собой крестьянство.

Это определяло необходимость первых этапов нэпа, предшествовавших социалистическому наступлению по **всему фронту, ибо «если нет цветущей крупной промышленности, способной организоваться так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием под руководством и контролем государства, — никакого иного пути нет»**¹⁾.

Таким образом, существо нэпа заключается в установлении таких форм связей внутри социалистического сектора и между ним и мелкотоварным сектором, которые, обеспечивая возможность развития производительных сил крестьянского хозяйства в условиях, наиболее соответствующих его мелкотоварной природе, обеспечивают в то же время возрастание и укрепление социалистического сектора, усиление его господствующей роли во всем народном хозяйстве, усиление его влияния на мелкотоварный сектор, социалистическую переделку мелкотоварного сектора, ликвидацию основ капитализма. Установление таких форм связей (торговля, деньги, кредит, хозрасчет) и является **основой существования советских финансов**.

Но допущение рыночных форм связей означает вместе с тем допущение условий существования капиталистических отношений, допущение известного развития капитализма, изменение форм и методов борьбы между социалистическими и капиталистическими элементами. «Весь вопрос — кто кого опередит? Успеют ли капиталисты раньше организовать — и тогда они коммунистов прогонят и уже тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого? Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь

¹⁾ Ленин, т. XXVII, стр. 125.

на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направить капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему... Организуем ли мы мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, поддерживая это развитие пролетарской властью, или подчинят его капиталисты, — от этого зависит исход борьбы»¹⁾).

Эта борьба таила в себе опасность тем более, что она велась методами товарной экономики, что в ней пролетариат должен был, овладев оружием капиталистических элементов, направить его против них же.

Условиями победы пролетариата в этой борьбе являются всемерное укрепление его диктатуры, сохранение, упрочение и расширение объема и удельного веса социалистических командных высот, установление и закрепление экономического союза с крестьянством, ограничение возможностей возникновения и развития капиталистических элементов. Эти условия и были обеспечены нэпом. «Подавляющая масса средств производства в области промышленности и транспорта остается в руках пролетарского государства. Вместе с национализацией земли это обстоятельство показывает, что новая экономическая политика, не изменяя существа рабочего государства, изменяет, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом, на почве удовлетворения через рынок многомиллионного крестьянства»²⁾).

При этом не может быть никакой речи о допущении полной свободы торговли, полного развязывания рыночных отношений. «Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм и порядка и т. д.), частной торговли и частного хозяйственного капитализма»³⁾). Таким образом, допущение рыночных форм связей в интересах строительства социализма обязательно предполагает изменение их содержания и их роли в развитии производительных сил. Вместе с тем **принципиально, коренным образом** меняется и **содержание финансов.**

4. Сущность финансов СССР

Диктатура пролетариата является неременной, обязательной предпосылкой и условием построения социализма. Социализм не «вызревает» в недрах капитализма, а может быть построен лишь после захвата власти и основных командных высот пролетариатом, лишь при условии напряжения воли, решительности, сил пролетариата и трудового крестьянства. Закон построения социализ-

¹⁾ Ленин, т. XXVII, стр. 41—44.

²⁾ Ленин, т. XXVII, стр. 147.

³⁾ Ленин, т. XXVII, стр. 148.

ма — определяющий закон переходной экономики — не действует «стихийно», «самотеком», а лишь через активное, сознательное творчество миллионов трудящихся, лишь в меру осознания пролетариатом задач социалистического строительства, в меру осуществления пролетариатом правильной, основанной на учении Маркса—Ленина, экономической политики, опираясь на социалистические командные высоты, постоянно их усиливая и укрепляя, подавляя всякое выступление враждебных социализму элементов.

Без правильной экономической политики, укрепляющей диктатуру пролетариата, без вовлечения в осуществление этой политики широчайших масс трудящихся нет движения к социализму. А так как финансовая политика СССР является одним из существеннейших участков экономической политики пролетариата, то **этим определяется и общее значение финансов СССР**. Тогда как при капитализме состояние финансов может лишь изменить общественное развитие в частностях, в СССР финансы — как элемент экономической политики, как орудие диктатуры пролетариата — являются одним из моментов, определяющих в существенных пунктах самое содержание и направление развития советской экономики.

Это означает, **во-первых**, что подобно тому, как государство пролетариата, непосредственно опираясь на социалистический сектор народного хозяйства (на государственную его часть — в первую очередь), является организацией производственного характера в возрастающей степени, включается непосредственно в отношения производства, обмена и распределения, так и экономическая политика пролетариата, а также и **финансы СССР являются не только надстройкой, ибо они включают в себя, определяют собою в значительной части деятельность государственных и кооперативных предприятий**. Этот момент находит свое отражение в возрастании объема и удельного веса в бюджетах СССР расходов по финансированию народного хозяйства, социально-культурного строительства и доходов от предприятий социалистического сектора. Этим обусловливается необходимость построения и прохождения курса «Финансы СССР» как органической части общей теории советского хозяйства.

Отсюда следует, **во-вторых**, что **финансам СССР, в отличие от финансов капитализма, необходимо присуща действительная плановость**, ибо они опираются непосредственно на государственный сектор народного хозяйства, являются одним из орудий и методов организации, планирования и регулирования социалистического сектора и всего народного хозяйства в целом. Поэтому бюджет СССР или кредитный план Госбанка и т. д. являются не выражением стремления предугадать возможные результаты стихийного соотношения сил, а выражением задач социалистического строительства и методов их разрешения, элементами единого народнохозяйственного плана.

Отсюда следует, **в-третьих**, коренное отличие финансов СССР от финансов капиталистических государств по объему и по степени охвата отношений воспроизводства. Финансовая система СССР непосредственно включает в себя не только государственный бюджет и местные бюджеты, но и все другие финансовые,

кредитно-денежные рычаги, находящиеся в распоряжении пролетарского государства — кредит, денежное обращение и т. д. Единство всех этих институтов и рычагов обусловлено сосредоточением всех их в руках единого «субъекта» — государства и ведущей ролью, а затем преобладанием социалистического сектора в народном хозяйстве, **единством финансовой политики СССР**. Поэтому, если при капитализме, напр., регулярные банковые операции регулируются **стихийным** соотношением спроса и предложения на денежном рынке, а денежное обращение — потребностями товарооборота, изменяющимися под влиянием стихийных процессов ценообразования (рыночная цена и цена производства), то в СССР кредит является лишь особым, на ряду с бюджетным финансированием, методом организации деятельности и расчетов предприятий социалистического сектора и воздействия на другие секторы народного хозяйства, а состояние и развитие денежного обращения определяются плановым развертыванием товарооборота, выполнением планов отраслей народного хозяйства, заданиями в области кредитования и финансирования, их выполнением и т. д. Этим обуславливается необходимость теснейшей связи между курсами, изучающими финансы, деньги и кредит СССР. **Финансы СССР, являясь оружием в руках организованного в государство пролетариата, одной из его командных высот, целиком направлены против капиталистических элементов и способствуют усилению мощи пролетариата, укреплению союза пролетариата с трудовым крестьянством, ускорению темпов расширенного воспроизводства социалистического сектора, перedelки мелкотоварного сектора, ликвидации капиталистических элементов и классов вообще.**

Это означает, что финансы СССР являются (и не могут не быть, пока существуют классы и классовые различия) **классовой** организацией, организацией **господствующего** класса — пролетариата. При этом, как в условиях капитализма налоги с буржуазии не утрачивают классового характера, ибо усиливают позиции организованной в государство буржуазии против пролетариата и в конечном счете перелаживаются на пролетариат и остальные слои трудящихся, так и в СССР финансовые платежи (и обязательные, и добровольные), уплачиваемые пролетариатом и трудовым крестьянством, являются классовыми, ибо укрепляют диктатуру пролетариата и союз с крестьянством, направлены против капиталистических элементов, обеспечивают ускорение темпов строительства социализма и ликвидации классов.

Совершенно ошибочным поэтому являются представления **Д. В. Кузовкова**, что будто бы налоги с буржуазии при капитализме и налоги с пролетариата при диктатуре пролетариата являются не классовыми налогами, а, очевидно, «внеклассовым» самообложением. «Как только мы пытаемся поставить вопрос о возможной роли налога в условиях переходного времени, немедленно встает вопрос, о каком налоге идет речь: о том ли налоге, который падает на все более и более исчезающие остатки прежних капиталистических классов и который обычно классифицируется как классовый налог, или же о тех налогах, которые падают на пролетарские слои городского населения и на трудя-

щиеся слои деревни, которые имеют, несомненно, **совершенно иную социальную природу...** Ни общеэкономическая, ни специальная литература до настоящего времени не нашли и даже не делали попыток найти терминологическое обозначение для этого (второго.—Ред.) типа советского налога в противовес классовому налогу» ¹⁾).

Бесспорно, что социальная природа налогов с буржуазии и налогов с пролетариата различна, но различие это заключается совсем не в том, что первые суть классовые, а вторые — нет. Проведение такого различия, внешне рисуящее как бы «левизну» автора, в действительности враждебно строительству социализма, ибо притупляет классовую мощь и бдительность пролетариата, разрывает связь между платежами пролетариата и успехами в ограничении, вытеснении и ликвидации капиталистических элементов, враждебных пролетариату, враждебных социализму классов.

«Хорошее намерение» автора (изложить различие социального содержания налогов с буржуазии и налогов, уплачиваемых пролетариатом) ведет его, однако, прямой дорогой к правым оппортунистам, ведет именно потому, что, поставив вопрос искусственно, оторванно от всего процесса построения социализма, от всей совокупности моментов, обуславливающих существование и обострение классовой борьбы в СССР, т. Кузовков неизбежно должен был игнорировать основное положение марксизма-ленинизма, что основным вопросом переходной экономики является вопрос организации и укрепления диктатуры пролетариата, которая есть «продолжение классовой борьбы пролетариата в новых условиях», есть «упорная борьба кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная против сил и традиций старого общества, против внешних капиталистических врагов, против остатков эксплуататорских классов внутри страны, против ростков новой буржуазии, возникающих на основе еще не переделанного товарного производства» (**программа Коминтерна**).

Игнорирование (или недоучет, рассмотрение вопроса вне связи с общим характером нашего строя) этого момента ведет к отрицанию неизбежности обострения классовой борьбы по мере усиления социалистического сектора, к теории «притупления», «смягчения» классовых противоречий. «Все желающие быть или казаться стопроцентными марксистами, — пишет далее Кузовков, — часто кстати и даже некстати говорят о «ярко выраженном классовом характере» советских налогов... А между тем в действительности... правильным можно считать как раз обратное положение, что советская налоговая система отличается резко выраженным ослаблением классового характера» ²⁾), повидимому, в силу будто бы «смягчающейся» классовой борьбы.

В действительности более резко выраженный классовый характер советских финансов является бесспорным фактом и составляет одно из отличий их от финансов капиталистических стран. Составляя меньшинство населения, буржуазия всеми ме-

¹⁾ Д. Кузовков, «Перерождение налога в условиях переходного периода» — «Проблемы экономики» № 4/5 за 1929 г., стр. 25. Подчеркнуто нами. — Ред.

²⁾ Там же, стр. 29—30. Подчеркнуто автором. — Ред.

рами стремится завуалировать классовую природу своего государства и своих финансов, что мы уже видели выше, касаясь буржуазных «теорий»; поэтому **классовое содержание отдельных элементов финансовой системы капитализма не всегда является внешне отчетливо выраженным**; только в момент крайнего обострения противоречий, когда ставится вопрос о сохранении власти капиталистов, о самом существовании капиталистического способа производства, буржуазное государство и его финансы сбрасывают с себя лживое покрывало «демократизма». Пролетариат СССР, составляя вместе с трудовым крестьянством подавляющее большинство населения и сознательно ставя своей задачей захват власти, организацию своей диктатуры, социалистическую переделку всего общества, ликвидацию капиталистических классов и вместе с тем классов вообще, не только не заинтересован в «завуалировании» своего господства, но может и должен **постоянно подчеркивать противоположность интересов его и капиталистических элементов, чтобы мобилизовать всю массу трудящихся на борьбу с ними, на построение социализма**. Достаточно одного лишь ознакомления с декретами и распоряжениями советской власти (в частности и по вопросам финансовой политики), чтобы увидеть, насколько неверной является «теория» т. Кузовкова ¹⁾.

В целях организации и упрочения диктатуры пролетариата рабочий класс должен мобилизовать необходимые **ресурсы на содержание государственного аппарата**. Мобилизация этих ресурсов и их экономное расходование является задачей финансовой системы СССР. Однако этим не исчерпывается роль финансов СССР. Более того, по мере успехов строительства социализма все более возрастает роль финансов, как орудия перераспределения общественного продукта по каналам, обеспечивающим расширенное воспроизводство социалистического сектора в целом.

В этом моменте, вытекающим из того, что финансы СССР не являются надстройкой, отражается точно так же коренное отличие советских финансов от финансов капиталистических государств. Определяя (в качестве элемента экономической политики пролетариата) движение переходной экономики, включенные не-

¹⁾ Насколько «чудовищны» по своей надуманности и ложности основы этой «теории», видно из того, что т. Кузовков «всерьез» занялся «открытием «неклассовых» налогов при капитализме. Противопоставляя классовому налогу «самообложение», т. Кузовков пишет: «классический случай такого самообложения, преследующего экономические (но не классовые, очевидно) задачи, представляет в капиталистических странах так называемое «специальное обложение», распространенное в местном хозяйстве капиталистических государств... Подходное обложение в капиталистических странах с его высоким необлагаемым минимумом, освобождающим почти все трудящиеся массы, и с его резко прогрессивными тарифами, следует считать формой самообложения капиталистических классов, вынужденных по тем или иным социально-политическим (классовым? — Ред.) причинам взять на себя часть расходов по содержанию государственного аппарата» (там же, стр. 33). То обстоятельство, указанное еще Марксом, что при капитализме в конечном счете все налоги оплачиваются пролетариатом, от «внимания» т. Кузовкова укрылось. Зато он очень близко подошел к «теориям» социал-фашистов (Бауэр) о возможности «социализации» при капитализме посредством... налогов.

посредственно в отношения воспроизводства, **финансы СССР являются мощным рычагом планового перераспределения ресурсов страны в их денежной форме.**

Однако было бы грубейшим заблуждением противопоставлять расходы на содержание государственного аппарата расходам на финансирование народного хозяйства и социально-культурных мероприятий как принципиально различные моменты и функции финансов. Политическая власть всегда принадлежит тому классу, который занимает господствующее экономическое положение. Насквозь ложными являются «теории» социал-фашистов о том, что пролетариат будто бы может завоевать политическое господство, не экспроприируя буржуазной крупной собственности, а лишь ведя «парламентскую борьбу». Только овладение командными высотами и их закрепление в руках пролетариата (что предполагает установление правильных отношений с крестьянством) обеспечивает существование и укрепление диктатуры пролетариата. Отсюда следует, что не только непосредственные расходы на содержание и усиление аппарата государственной власти, но и расходы по финансированию народного хозяйства, по непосредственному укреплению экономических командных высот господствующего политического класса являются расходами по укреплению диктатуры этого класса, расходами «по классовой борьбе».

Это относится как к СССР, так и к капиталистическим государствам, где также имеют место расходы по финансированию (особенно—замаскированному) капиталистических предприятий. Принципиальное отличие финансов СССР здесь заключается в том, что командные высоты принадлежат пролетариату, находятся в его, как государства, непосредственной (общественной) собственности. Государство непосредственно организует эти командные высоты, развивает их на основе единого планового руководства, в направлении полного охвата всего народного хозяйства и в интересах всех трудящихся.

Тем самым не всегда возможно разграничение расходов на управление и оборону и расходов на финансирование народного хозяйства и социально-культурного строительства. Более того, такое разграничение, по мере успехов строительства социализма и расширения производительных функций государственного аппарата, становится все более условным и экономически необоснованным.

При капитализме же, где государство и финансы являются надстройкой и где производство развивается на основе стихийного закона стоимости, основной и, по мере обострения противоречий капитализма, все более возрастающей функцией финансов является содержание непроизводительного аппарата классового насилия (чиновничество, тюрьмы, армия, церковь и т. д.). Финансовая же поддержка капиталистических предприятий может лишь обеспечить усиление одних капиталистических групп по сравнению с другими (в той же или в других странах), но не может вывести капитализм из кризиса, обеспечить «безостановочное» расширенное воспроизводство капиталистически организованных производительных сил.

Это значит, что перераспределительная функция финансов СССР выше не только количественно (большой удельный вес в народном доходе), но и качественно, ибо природа и содержание этой функции и самих перераспределительных процессов в СССР принципиально иные, чем при капитализме.

Задача финансов СССР — мобилизация и перераспределение средств для финансирования процессов расширенного воспроизводства социалистического сектора народного хозяйства, что предполагает и требует укрепления диктатуры пролетариата, укрепления союза пролетариата с крестьянством, означает расширение и укрепление социалистических командных высот, переделку мелкотоварного уклада и ликвидацию капиталистических элементов. Задача финансов капитализма — мобилизация и перераспределение средств в целях воспроизводства государства как аппарата классового господства, как надстройки над экономическим базисом, что при известных условиях требует «оказания» прямой финансовой «помощи» отдельным капиталистическим группам (косвенная же «помощь» имеет место всегда, поскольку капиталистическое государство обеспечивает условия переложения всех расходов по его содержанию на плечи трудящихся).

Корень этого принципиального различия задач заключается в том, что в недрах капитализма не может «вызреть» социализм и капиталистические отношения не могут «перерасти» в отношения социалистические; поэтому при капитализме вопрос стоит о захвате власти пролетариатом как основной предпосылки и основного условия строительства социализма; в переходный же период (при диктатуре пролетариата) стоит вопрос о сознательном, плановом социалистическом переустройстве всего общества путем обеспечения роста социалистических элементов, активнейшей финансовой поддержкой их и экономическим вытеснением элементов капиталистических, используя как один из рычагов финансы.

Принципиальное отличие финансов СССР от финансов капиталистических государств подчеркнуто в основных партийных и советских документах — в программе ВКП(б) и в Конституции РСФСР. «Финансовая политика РСФСР в настоящий переходный момент диктатуры трудящихся способствует основной цели — экспроприации буржуазии и подготовке условий для всеобщего равенства граждан республики в области производства и распределения богатства. В этих целях она ставит себе задачу предоставить в распоряжение органов советской власти все необходимые средства для удовлетворения местных и общегосударственных нужд советской республики, не останавливаясь перед вторжением в права частной собственности» (**Конституция РСФСР**). «В эпоху начавшегося обобществления экспропрированных у капиталистов средств производства государственная власть перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственными процессами, а начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны, и постольку же государственный бюджет становится бюджетом всего народного хозяйства в целом. При

этих условиях сбалансирование доходов и расходов осуществимо лишь при правильной постановке государственного планомерного производства и распределения продуктов» (программа ВКП(б).

5. Вредительские и оппортунистические «теории» финансов СССР

Принципиальное отличие советских финансов от финансов капиталистических государств игнорируется, затушевывается, искажается в работах вредителей, правых оппортунистов, «левых» загибщиков. Несмотря на разные пути, различные приемы «доказательств» и различие задач, которые ставятся их авторами, все они в конечном счете ведут к одному и тому же — к подрыву диктатуры пролетариата, к задержке темпов социалистического строительства, к ослаблению финансовых рычагов в руках пролетариата, ибо «в условиях обостренной классовой борьбы всяческие разновидности буржуазных или «около» буржуазных теорий не могут не быть в своей основе вредительскими теориями. Поэтому задача финансистов-марксистов заключается в полном разоблачении не только буржуазных, открыто реакционных и вредительских теорий, но и малейших отклонений от марксистско-ленинской методологии в области финансов, хотя бы и прикрываемых флагом революционности» (из резолюции московского совещания 1931 г.)¹⁾.

Действительно, достаточно внимательно ознакомиться с материалами совещания, чтобы убедиться, насколько велика близость ложных, оппортунистических представлений в области финансов, с «защитой» которых выступили работники финансовой кафедры Ленинградского финансово-экономического института с откровенно-реакционными, вульгарными «теориями» буржуазных экономистов.

Позиция этой кафедры нашла оценку в следующих словах резолюции совещания: «(6)... Финансовые категории не есть логически существующие категории, которыми государство «пользуется в зависимости от тех или других моментов». Они суть исторические категории, т. к. их содержание определяется сущностью государства, экономической структурой общества в целом. Поэтому не верно, когда в угоду логической схеме диалектику финансовой системы выводят из ее эволюции, взятой «в самой себе». Диалектика финансовых категорий не есть их «саморазвитие», оторванное от государства, в свою очередь изменяющегося с изменением способа производства. Противоречия финансовых категорий капитализма не вытекают из противоречий, существовавших в эпоху феодального хозяйства: они присущи только данному способу производства, т. е. капиталистическому. Содержание финансовых категорий переходной экономики не вытекает

¹⁾ В дальнейшем везде, где не оговорено иное, цитаты приводятся из тезисов, докладов или выступлений на московском совещании 1931 г. работников финансовых кафедр по вопросу о предмете и методе теории финансов, созданном сектором кадров НКФ СССР.

из развития финансовых категорий капитализма и империализма, а представляет собою качественное своеобразие, обусловливаемое качественными особенностями диктатуры пролетариата и структуры переходной экономики. Отсюда следует невозможность конструирования «всеобщей финансовой теории»...

«(9). В построении марксистской теории финансов необходимо вести непримиримую борьбу со всеми искажениями, возникающими на основе рубинской и богдановской методологии... Конкретным проявлением богдановско-рубинских установок в теории финансов является: 1) стремление построить «мировую схему» развития финансовых категорий на основе их «саморазвития», 2) стремление к перенесению финансовых категорий капитализма и империализма на советскую действительность (теория «трансформации» капиталистических категорий, теория «отмирания» категорий капитализма в переходной экономике), 3) непонимание тесной взаимозависимости между формой и содержанием процессов».

«(10). Стремление установить «мировую схему» развития категории приведет на практике ленинградскую кафедру финансов к механистическому пониманию финансовых категорий, к перенесению закономерностей развития финансовых категорий капитализма на советскую почву, к стремлению вывести финансовые категории переходного периода из эволюции финансовых категорий капитализма, к тезису об отмирании финансовых категорий капитализма в условиях переходной экономики после пролетарской революции (см. тезисы тт. Орлова и Марголиса)».

«(11). Совещание констатирует, что предложение ленинградской кафедры финансов о построении «универсального курса финансов» логически вытекает из всей ее методологически неверной, по существу оппортунистической, позиции в вопросе советских финансов».

Как видно из этой резолюции, основные ошибки ленинградской кафедры финансов сводились к трем: а) механистический разрыв между государством и финансами, с одной стороны, и экономической структурой общества, с другой; превращение финансов в особый, самостоятельный «качественный ряд» и «теория трансформации» этого «качественного ряда», б) разрыв между формой и содержанием процессов в области финансов, перенесение финансовых категорий капитализма в условия переходной экономики, непонимание своеобразия государства и финансов переходного периода, в) идеалистическое утверждение необходимости построения «всеобщей финансовой науки», изучающей нечто общее особого качественного ряда и его «эволюцию» при различных социально-экономических формациях.

Эти ошибки в свою очередь являются следствием отхода от диалектического материализма, подмены диалектики «мировыми схемами», отрицания (или недоучета роли, значения) революционных скачков в истории, сползания на позиции механистического и идеалистического методов, на позиции ложного «историзма», «теории» эволюционности. Непосредственно они сложились под влиянием эклектических «построений» Дитмана, троц-

кистских установок **Дементьева** и правооппортунистических представлений **Бронского** и др.

Дитман «сконструировал» следующую якобы диалектическую, по существу же совершенно механистическую, антимарксистскую «мировую схему» развития финансов: а) в эпоху феодализма и в период первоначального капиталистического накопления существовало государственное хозяйство (тезис); б) в период первоначального капиталистического накопления начинает образовываться финансовая система, получившая полное развитие в эпоху классического капитализма и отрицающая собою государственное хозяйство эпохи феодализма (антитезис); в эпоху империализма и особенно в переходный от капитализма к социализму период развивается государственное хозяйство как отрицание отрицания финансовой системы капитализма (синтез); процесс заканчивается слиянием государственного и народного хозяйства в условиях социализма.

Основное в этой схеме — отождествление финансовой системы и процессов перераспределения, рассмотрение этих «перераспределительных процессов» независимо от их определенного классового содержания. Именно в этом, «очищенном» от специфики классовых отношений, «перераспределительном процессе» и видел Б. Дитман основание для «выделения **особого** качественного ряда в **общей** системе общественных отношений каждой данной экономической формации», при чем задача теории финансов заключается «в установлении диалектической противоположности этих рядов внутри единства процесса развития» (тезисы), т. е., проще говоря, в сопоставлении «особых качественных рядов» (финансов) различных социально-экономических формаций в целях, очевидно, определения закономерностей развития этих «рядов» на протяжении «веков».

«Исторически исходным периодом в развитии финансовых систем является период первоначального капиталистического накопления. В этот период мы имели специфическую форму государственного хозяйства, в системе которого впервые обособляются процессы перераспределения...

«Распад доминиального хозяйства, развитие формы **регалей**, развитие принципа **пошлинного обложения**, зарождение первичных **налоговых форм**, принудительные займы и пр. — все эти категории представляют собой формы, в которых процессы устанавливаемого государством перераспределения общественного дохода обособляются в самостоятельную систему... В период капиталистический совокупность распределительных (т. е. субстанционально-производственных) отношений, адекватных капиталистическому способу производства, обособляется от конструируемой государством системы перераспределения национального дохода... Третий и последний период в развитии финансовых систем — период переходный к социализму... В процессе обобществления народного хозяйства происходит постепенно сближение процессов общественного распределения и перераспределения, получающих полный синтез в **регулируемой системе цен** обобществленного хозяйства. **Единый финансовый план СССР**, как единство процессов распределения и перераспределения, яв-

ляется отрицанием бюджетной системы капитала и историческим синтезом развития финансовых систем» (Дитман).

Единый финансовый план как синтез финансов периода первоначального капиталистического накопления (одного из существеннейших орудий экспроприации мелких собственников, отделения рабочих от средств производства и концентрации капитала в руках «третьего сословия») и финансов капитализма (орудия сохранения, укрепления и расширения системы наиболее уточненной эксплуатации) — навряд ли можно придумать что-либо более соответствующее буржуазным представлениям в области финансов.

Буржуазный «объективизм»¹⁾, отказ от классового анализа (у буржуазных экономистов — средство «спрятать» классы и классовую борьбу)²⁾ приводит к струвианской трактовке государства и финансов (аппарат, система, по существу, «объективная», но используемая классами в политических целях), к непониманию того, что каждый господствующий класс строит аппарат своего господства как специфически соответствующий его месту и роли в процессе производства; что государство пролетариата и его орудие — финансы являются не государством и финансами «вообще», а организацией, аппаратом, орудием ликвидации классов, построения социалистического общества. Отсюда же теория «трансформации» категории капитализма в переходном периоде³⁾.

Исходя из троцкистского отрицания социалистического характера Октябрьской революции, основываясь на механистической концепции двойственности переходной экономики («раздвоение»), выражая троцкистское неверие в силы пролетариата, **Е. Преображенский** писал о советских деньгах: «Эволюцию наших денег за период нэпа можно разделить на два периода: 1) период временного приближения наших денег, главным образом по форме, но отчасти и по существу, к бумажным деньгам и неразменной банкноте капиталистических стран, 2) период нарастания в нашем хозяйстве элементов, которые должны были повернуть этот процесс в другом направлении, а именно в направлении какой-то оригинальной трансформации наших денег

¹⁾ «Теоретическое исследование этого вопроса (переложения налогов) необходимо начинать с изучения процесса ценообразования, при чем этот процесс надо брать таким, как он объективно (очевидно независимо от классов, классовой борьбы) складывается в результате динамического взаимодействия рыночных сил» (Дитман, «Переложение налогов», 1930 г.).

²⁾ «Можем ли мы сказать, что классовая борьба есть тот процесс, который мы вскрываем за внешними формами финансовых категорий... В такой форме не можем. Классовая борьба есть понятие общее для всех общественных наук. Это есть то общее, что лежит в субстанции любой общественной науки» (Дитман, заключительное слово на заседании кафедры финансов ЛФЭИ).

³⁾ «Мы могли писать о налогах в восстановительный период, так как это были действительно налоги, в них отражалось определенное классовое отношение, определенная социальная связь, а теперь совершенно другое, теперь мы можем говорить, что это не налоги. Это — процесс трансформации, который несколько не отражает механического совмещения капиталистических элементов с социалистическими» (Дитман, из доклада на московском совещании 1931 г.).

в новое образование, которое одновременно и является деньгами в обычном смысле этого слова и не является ими». («Под знаменем марксизма», № 4 за 1930 г.).

Дементьев пошел значительно дальше Преображенского. «Мы имеем, — писал он в «Ленинградской правде» (10/XI 1931 г.), — своеобразный досоциалистический переходный период. Наш переходный период не есть «классический» нормальный переходный период, а только исключение, своеобразное искривление, отклонение от классического пути развития... Путь к социализму возможен и в одной отдельно взятой стране; только развитие при этом принимает совершенно ненормальный характер».

Именно исходя из этих антиленинских установок, т. Марголис пришел к «выводу», что «теория советского хозяйства есть только частный случай, есть только конкретная форма проявления в условиях СССР экономики переходного периода» (из заключ. слова на московском совещании). Каковы «нормальные пути» перехода к социализму по т. **Дементьеву**, можно судить по следующему его выступлению в Комкадемии по докладу тов. Гатовского: «Социализм есть, следовательно, в известном смысле переходный период к развернутому коммунистическому обществу... Социализм при этом проходит несколько последовательных стадий своего превращения в коммунизм. Но у нас, в СССР, вследствие недоразвития экономики капитализма... мы имели еще один переходный период, переходный к социализму, досоциалистический переходный период. Между прочим, Ленин и империализм считает в известном смысле переходным периодом к социализму».

Таким образом, двумя «основами» дементьевской «теории» является отрицание нормальности советского хозяйства как переходного к социализму и признание «начала» переходного периода (повидимому, «нормального») в условиях империализма в империалистических странах.

Исходя из этих «основ», нельзя не прийти к выводу, что финансовые категории в СССР есть результат «ненормальности» советской экономики и что «нормально» было бы «браться» за построение социализма тогда, когда в недрах империализма закончится процесс «отмирания» финансовых категорий. «Верно то, что у нас за ценой, за деньгами имеется уже новое содержание, имеется уже, если угодно, плановое социалистическое содержание, но в то же время наша советская экономика не развита еще в смысле полного социалистического развития, еще далеко не является в целом последовательно-социалистической категорией... и вследствие этого недоразвития социалистического содержания наших экономических отношений ценностные категории и деньги на известный период сохраняются». (**Дементьев**, из выступления на московском совещании).

При этом, как и во всех других случаях, оппортунистические «рассуждения» облачаются в марксистскую фразу, к ним прилегаются замечания, высказанные Марксом совершенно в иной связи и по иному поводу. По **Дементьеву** оказывается, что, говоря о «родимых пятнах капитализма», Маркс имел в виду также и советские финансы. С помощью такой подтасовки **Дементьеву**

«удается» превратить финансы СССР из орудия диктатуры пролетариата в показатель... слабости диктатуры пролетариата. Более того, оказывается, что и само «пролетарское государство есть... своеобразный пережиток буржуазного способа производства в ряде других пережитков».

В «Энциклопедии права и государства» (т. III) в ст. **Бронского** читаем: «Финансовая система СССР существенно отличается от финансовых систем, существующих в др. странах, так как ей свойственны функции, чуждые последним... Наша финансовая система берет на себя те функции, которые в других государствах принадлежат свободному рынку капиталов, главным образом бирже и банкам, функции перераспределения капиталов, т. е. перевода их из тех отраслей народного хозяйства, где их оказывается относительный избыток, в те, где наиболее остро чувствуется их недостаток. Тем самым расширяется плановость государственного и всего народного хозяйства, и финансовая система является техническим проводником этой плановости». Таким образом, отличие финансовой системы СССР сводится к тому, что она выполняет также и функции... капиталистических бирж.

Следует подчеркнуть, что в основе этого вульгарного представления лежит буржуазное представление, что государственные финансы при капитализме являются «плановым хозяйством». У Бронского получается, что наша финансовая система отличается от систем капиталистических государств лишь «большим размахом» плановости.

Такое же понимание государственного бюджета как «плановой ячейки» при капитализме лежит в основе особой «теории» **Кузовкова**, который различает «государственное хозяйство» и «финансовую систему», при чем под первым разумеет капиталистические финансы (именно потому, что они, в отличие от всего хозяйства капитализма, «планируются»), а под второй — финансы СССР (поскольку здесь уже нет основания противопоставлять «плановое» государственное хозяйство — финансы всему народному хозяйству), и бюджет капиталистического государства рассматривает как «план государственного хозяйства» ¹⁾.

¹⁾ «Когда появляются крупнейшие предприятия: тресты, синдикаты, комбинаты и т. д., присоединяются еще новые звенья в виде финансовых органов, финансовых организаций этих предприятий, трестов, синдикатов и т. д., связанных теснейшим образом с кредитной системой, — они вместе образуют ту систему, которая стихийно функционирует так же, как стихийно функционирует система товарно-капиталистического производства в целом. Эта стихийно функционирующая система отграничена от той системы, которую мы пока условно обозначили, как госуд. хозяйство, регулируемое государством... Многие считают, что в этом государственном хозяйстве не существует никакого плана, никакого регулятора, и что поэтому противопоставлять одно другому, как регулируемую систему стихийно функционирующей системе, не имеет никакого смысла. Конечно, это просто смешение некоторых моментов» (**Кузовков**, из докл. на моск. совещ. 1931 г.). «Я вынужден предложить термин «государственное хозяйство» для периода эксплуататорского государства и термин «финансовая система» для периода переходного к социализму» (там же). Однако т. Кузовков недостаточно и сам уверен в существовании своего «госуд. хозяйства». «Что такое экономическая основа государства? Это — система распределения.

Это же представление использовалось вредителями для того, чтобы извратить теорию и практику финансового планирования, доказывая, что финансовое планирование в России началось со времени... Сперанского (**Юровский**). Это же представление воспринято т. **Дементьевым** и его последователями как «база» построения «мировой схемы» развития финансов ¹⁾.

Эта же «идея опосредствования планом» стихийных закономерностей (в ее основе лежит бухаринский «закон трудовых затрат») развернута **Бронским** в его работе «Финансовая политика СССР» (1928 г.) и в ряде журнальных и газетных статей. «Важнейшая задача экономической политики в исполнении основной задачи строительства социализма — это заменить **стихийные законы развития** капиталистического хозяйства плановым началом. Регуляторы капиталистического хозяйства, которые через кризисы, депрессии и высокие конъюнктуры разрешают противоречия капиталистического хозяйства, ведя его по линии развития, должны быть систематически ослабляемы и заменены плановым началом... Задача нашей экономической политики и сводится к тому, чтобы... стихийные элементы капиталистического хозяйства заменить плановым началом» ²⁾.

Как известно, вредительство в планировании в своей существеннейшей части как-раз и сводилось к тому, чтобы ограничить роль плана пределами «предвидения» и «предвосхищения» стихийных тенденций, т. е. тенденций реставрации капитализма, ибо в условиях переходной экономики стихия есть основной враг социализма, есть выражение классовых сил, враждебных социализму. Отсюда делались «научные открытия» всяческих «нормальных» соотношений, нарушение которых будто бы непременно повлечет за собой «срыв» хозяйственного строительства.

У **Бронского** этот момент фигурирует как положение о приоритете «равновесия» (богдановско-бухаринский «закон равновесия»). Принципу и задаче «сохранения равновесия» **Бронский** подчиняет экономическую и финансовую политику пролетариата: в необходимости «сохранения равновесия» он видит содержание нашей финансовой и денежной системы. «Для того, чтобы можно было правильно и целесообразно производить перераспределение ежегодно нарастающего национального дохода, не нарушая равновесия производительных сил народного хозяйства, необходимо до того момента, когда исчезнут (как и по-

дающая материальные средства для существования этого государства. Я... под госуд. хозяйством отнюдь не понимаю хоз-во, я понимаю определенный элемент распределения, являющийся экономической базой осуществления госуд. функции этого аппарата».

¹⁾ «Полигэкономия капитализма... изучает стихийную закономерность капиталистического хозяйства. Финансы и в условиях капиталистических представляют собою такую систему, при которой мы имеем субъект данных финансов, мы имеем элементы сознательной организации. Разумеется, отождествление этого с планированием и т. д. будет упрощением, но в известном смысле, как и всякая ошибка, это отождествление имеет под собою почву. Характер закономерностей в финансах иной, чем характер закономерностей в стихийном капиталистическом хозяйстве (**Дементьев**, из выступления на московском совещании 1931 г.).

²⁾ **Бронский**, «Финансовая политика СССР», стр. 17—19.

чему исчезнут? — **Ред.)** источники капиталистической стихийности в советском государстве, опираться на денежную систему, которая обеспечивала бы устойчивое мерило **ценности** товаров, а вместе с тем и исполняла бы все другие функции денежной системы» ¹⁾. Отсюда — «кулацкая философия советского рубля», требующая подчинения интересов социалистического строительства интересам кулацких верхушек деревни. Отсюда же требование замедлить темпы социалистической индустриализации, равнения на узкие места ²⁾.

6. Право-«левацкие» извращения в вопросах теории советских финансов

«Процесс экономического развития на различных ступенях развития общества должен быть рассматриваем нами как процесс единый. Весь исторический процесс образует некоторое единство, некоторое общее, и задача науки сводится к тому, чтобы она установила внутренние законы, внутреннюю закономерность развития категорий в едином историческом процессе... Несмотря на то, что противоположные экономические формации наиболее характерны именно своими противоположными свойствами, мы тем не менее обязаны подчеркнуть то общее, что имеется между всеми экономическими формациями» (**Марголис**).

Эта «методология», воспринятая работниками ленинградской кафедры финансов в 1931 г. под влиянием указанных «теорий», находится в прямом противоречии с методом Маркса. В «Критике политической экономии» **Маркс** писал: «Общее определение является абстракцией, имеющей научный, реальный смысл только постольку, поскольку оно действительно выдвигает общее, фиксирует его и тем избавляет нас от повторений». Но «определения, приложимые ко всякому производству вообще, как раз и должны быть отброшены, чтобы за единством не были забыты существенные различия».

Это сказано Марксом в связи с изучением капиталистического способа производства в целом. Еще в большей степени это относится к таким надстроечным категориям, как финансовые, которые вообще утрачивают всякую реальность, как только мы начинаем их рассматривать «вообще». Делая ударение на «общем», нельзя не отвлечься от классовой борьбы; и хотя работники ленинградской кафедры и подчеркивали, что они в финансах видят прежде всего классовую категорию, у них классы и классовая борьба оказались бессодержательными, так как рассматривались вне зависимости от того, какие классы, ради каких интересов, какими формами и методами, против каких других классов ведут борьбу. А именно конкретное содержание классовой борьбы и определяет собою существо, содержание финансов.

¹⁾ **Бронский**, «Финансовая политика СССР», стр. 26.

²⁾ Хозяйственные затруднения 1925/26 г. **Бронским** объясняются тем, что было намечено «чересчур увеличенное промышленное строительство, которое не совсем соответствовало материальным ресурсам страны», а товарный голод — ростом денежной массы в обращении (стр. 41).

Что же, однако, является «общим» для всех специально-экономических формаций, что должно стать содержанием «особых качественных рядов» и предметом «общей науки»? Оказывается, этим «общим» является «расхождение между видимостью и сущностью». «Это расхождение... является тем единством, которое присуще различным, противоположным общественно-экономическим формациям» (**Марголис**). Такое целиком идеалистическое, антимарксистское положение сочетается далее с вульгарно-материалистической, механистической идеей о «материальной силе государства» как «всеобщем содержании особого качественного ряда». «Государство, являющееся организацией господствующего класса, нуждается в определенной материальной силе для проведения политики этого класса. Эта материальная сила, именуемая государственными финансами, является предметом исследования теории финансов. Правомерность существования финансовой науки обуславливается наличием особого качественного ряда, не изучаемого другими науками» (**Орлов**).

Вульгарность этого положения сводится именно к отсутствию в нем всякой «определенности». «Материальная сила» каждого класса не может рассматриваться вне общественных, классовых отношений, следовательно, она не представляет собою чего-то общего для любых классов и в любых условиях. Оторванная от специфического классового содержания, «материальная сила» становится беспредметной, бессодержательной.

С другой стороны, «материальная сила» государства не ограничивается только финансами. Сила господствующего класса заключается не только в тех доходах и расходах, которые осуществляет государственная машина, но и в обладании основными командными высотами. Сила капиталистического государства не только в армии, тюрьмах и т. д., а и в том, что капиталисты являются монополистами-собственниками средств производства; не капиталистический способ производства обуславливается политическим господством буржуазии, а наоборот, ибо государство буржуазии — надстройка, которая оказывает огромное влияние, но не определяет характера и законов развития капиталистического хозяйства.

В тезисах т. **Орлова** мы имеем совершенно очевидный разрыв между государством, финансами и экономической структурой общества. В целях затушевания этого разрыва и восполнения «недостатка» схемы, который заключается в отсутствии всякой классовой ее определенности, т. Орлов выдвинул тезис, что решающее значение для этого «особого качественного ряда» имеют госрасходы. «Типичным для государственных финансов является «особое», заключенное в государственных расходах». В этом тезисе т. **Орлов** усматривал «разрыв» с буржуазными финансистами, которые ставили ударение на государственных доходах. В действительности же и в данном случае т. Орлов оказывается на поводу у буржуазной «науки», ибо в духе последней, вопреки марксизму-ленинизму, разрывает единство доходов и расходов государства.

Это особенно ярко отражается в классификации госрасходов, которую выдвинули работники ленинградской кафедры. «Основ-

ные виды государственных расходов: а) расходы по классовой борьбе внутри страны, б) государственная помощь капитализму, в) расходы по государственному хозяйству». В зависимости от того, какой «вид» расходов берется за определяющий, можно «приспособить» под такую «классификацию» любое немарксистское определение финансов. Так, если в центр внимания поставить третий вид расходов, а первые два считать «побочными», получим «теорию», почти целиком совпадающую с «теорией, государственного хозяйства» Кузовкова; если ударение сделать на втором «виде» расходов, получится почти стопроцентная «концепция воспроизводства» Дитмана, устанавливающая «возможность» абстрагироваться от классовой борьбы, так как она — общее для предмета всех наук и теорий «явление». Но также ложным является и утверждение, что «основным видом являются расходы по классовой борьбе, которые поглощают главную массу средств во все периоды существования капиталистического государства... Качественный ряд, именуемый государственными финансами капитализма, представляет систему расходов по классовой борьбе, осложненную наличием расходов помощи процессам капиталистического воспроизводства и финансированием собственного хозяйства государства» (Орлов).

Выше (см. стр. 19) мы говорили о ложности противопоставления расходов на содержание госаппарата расходам на финансирование народного хозяйства. Здесь следует подчеркнуть, что эта ложная классификация является основой построения «универсального курса финансовой науки». Отрыв «расходов на классовую борьбу» от всех других расходов и от доходов государства, «отвлечение» от специфического классового содержания государственных доходов и расходов приводит к совершенно ложному пониманию финансов СССР. Оказывается, что **во-первых**, сущность финансов СССР можно понять лишь на основе анализа финансов... классического капитализма¹), **во-вторых**, финансы СССР — суть трансформирующиеся (или отмирающие) финансы капитализма²), **в-третьих**, наиболее правиль-

¹) «Для выяснения действительной сущности категории госрасходов необходимо избрать такой период в развитии государства, в котором действительная их суть была представлена в наиболее чистом, неосложненном и неискаженном посторонними влияниями виде. Таким периодом, выявляющим наиболее чисто, неосложненно сущность государственных финансов, является эпоха классического капитализма» (Орлов).

²) «В любой социально-экономической науке, которую мы изучаем в условиях пролетарской диктатуры, мы обязаны проанализировать, как отмирают капиталистические категории, как они превращаются в законы социалистического хозяйства... Мы обязаны перейти к более широким обобщениям, рассматривая категории финансов, их специфические законы в различных общественно-экономических формациях на общеполитическом фоне. Мы должны рассмотреть последовательное развитие финансовых институтов на различных ступенях становления капитализма и экономики переходной от капитализма к социализму. Унифицированный курс финтеории должен не только изучать финансы капитализма рядом с финансами диктатуры пролетариата, должен не только охватить различные экономические формации, но и должен быть космополитичным... Унифицированный курс должен быть построен так, чтобы особенно рельефно там выступали моменты перехода финансов капитализма в финансы переходного периода» (Марголис).

ным методом познания является не диалектический материализм, а «сравнительный метод» ¹⁾, **в-четвертых**, все различие финансов СССР от финансов капиталистических государств сводится к иной структуре расходов и к иному соотношению между доходами и расходами ²⁾ и т. д.

Эти ложные моменты сочетались в позиции работников ленинградской кафедры финансов с утверждениями о «плановом» характере финансов капитализма. Оказывается, что «отличие особого качественного ряда (финансов. — **Ред.**) от общего экономического процесса заключается прежде всего по линии субъектности первых и бессубъектности вторых» (**Орлов**). Таким образом, в качестве дополнительного аргумента, подтверждающего наличие «особого качественного ряда», вытаскивается вульгарная, враждебная пролетариату «теория субъектного хозяйства».

Ложная позиция ленинградской кафедры привела отдельных ее работников (**Марголиса**) к «левацкому» загибу. В этом последний раз подтверждается родство всех оппортунистических отклонений от генеральной линии партии. Обычный ход рассуждений «левых» загибщиков сводится к следующему: наличие финансовых и рыночных категорий в СССР показывает слабость диктатуры пролетариата, господство стихии. На первых ступенях развития советского хозяйства содержание этих категорий в основном капиталистическое; по мере усиления роли плана эти категории «видоизменяются», «трансформируются»; господство плана (последний этап) ведет к полной ликвидации этих категорий или, по крайней мере, к выхолащиванию из них всякого экономического содержания; категории либо «отмирают», либо становятся «номинальными», одной видимостью. В области денег такую «теорию» в 1929 г. построил **Козлов** («теория номинализма советского рубля»). В области финансов задачу построения такой «теории» взяли на себя работники ленинградской кафедры.

¹⁾ «Рассматривая ту или иную категорию финансовой науки, мы неизбежно наталкиваемся на необходимость разрешения вопроса о судьбе данной категории, например, налогов на различных ступенях развития исторического процесса. Для этого необходимо в процессе научного анализа противопоставлять различные общественно-экономические формации, пользоваться сравнительным анализом... Ни одну категорию финансов капитализма и переходной экономики мы не поймем в их историческом своеобразии, если будем изучать финансы эпохи капитализма изолированно от финансов других общественно-экономических формаций» (**Марголис**).

²⁾ «Финансовая система государства переходного периода составляет особый качественный ряд, природа которого определяется особым социально-экономическим характером строя пролетарской диктатуры. Благодаря иному качеству пролетарской диктатуры соотношение между видами госрасходов иное. Если в буржуазном государстве расходы были в основном непроизводительными, то в условиях пролетарского государства, при сохранении категории расходов по классовой борьбе, значительно возрастают производительные расходы по финансированию народного хозяйства». «Расходы пролетарского государства не определяют доходов таким же, как в условиях капитализма, образом... Мы имеем некоторое ограничение наших расходов со стороны доходов (как-будто буржуазное государство может расходовать беспредельно! — **В. Д.**)... Может быть сформирована особая диалектическая двусторонняя зависимость между госдоходами и госрасходами» (**Орлов**).

Согласно установкам этой кафедры финансовые категории развиваются по своим особым законам и связаны с государством, но не с экономической структурой данного общества в целом; типичными для финансов являются «расходы на классовую борьбу» или «функции перераспределения» и, наконец, государство и финансы в СССР суть лишь «родимые пятна капитализма», развитие которых определяется «саморазвитием» их на протяжении различных социально-экономических формаций. Отсюда делается вывод, что в СССР в период вступления в социализм, не может не происходить процесса «отмирания» этих «родимых пятен»¹⁾.

«Когда рисуют картину различия между категориями переходного периода и капитализма, то забывают, что финансы не имманентны социалистическому хозяйству, а являются лишь родимыми пятнами капитализма, которые остаются на теле переходного периода, пока этот переходный период от капитализма к социализму не завершится. Поэтому мы говорим о том, что мы переживаем сейчас процесс отмирания буржуазных финансов» (Марголис).

Чем обусловлены эти грубейшие ошибки работников ленинградской кафедры, их «теории», находящиеся в резком противоречии с решениями партии и с высказываниями **Ленина и Сталина**? Объясняются они тем, что, находясь в плену буржуазной, антимарксистской методологии, эти работники не сумели понять двойственности нэпа, двойственности рыночных категорий.

Выше мы видели, как характеризовал эту двойственность **т. Сталин** на XIV съезде партии. Работники ленинградской кафедры финансов поняли эту двойственность совершенно иначе — механистически. По их мнению, двойственность переходного периода налагает «отпечаток двойственности и в области государственных финансов», при чем этот отпечаток состоит в том, что, «с одной стороны, государственные финансы пролетарского государства выступают обычной силой господствующего класса, направленной против реакционных попыток реставрации старых отношений, т. е. являются расходом по классовой борьбе; с другой стороны, государственные расходы становятся все более категорией иного порядка — финансами народнохозяйственными» (Орлов). Такая «двойственность» в действительности есть исключительно плод идеалистических и механистических установок, ибо здесь производится лишь наиболее примитивная «операция» отрыва отношений классовой борьбы от отношений строительства социалистического хозяйства.

7. Задачи курса «Финансы СССР»

В приведенных выше выдержках из программы ВКП(б) и Конституции РСФСР указаны общие на протяжении всей переходной экономики задачи финансовой политики пролетариата. Од-

¹⁾ «Единый финансовый план, бумажные деньги, которые мы эмитируем, кредиты, которые присущи экономике переходного периода, государственные расходы, налоги в той или иной форме — все это... родимые пятна капитализма» (Марголис).

нако это не снимает вопроса об этапах развития финансовой системы СССР и об изменении задач и роли ее на различных этапах социалистического строительства. Конкретные задачи финансовой политики на каждом этапе переходной экономики определяются непосредственно задачами, поставленными пролетариатом и его партией в области экономической политики, в конечном счете—соотношением классовых сил в стране.

При этом следует особо твердо уяснить, что, во-первых, изменения финансовой системы СССР по этапам не представляют собою ни процесса «трансформации», ни процесса «отмирания» финансовых категорий **капиталистического** государства; во-вторых, что финансы СССР ни на одном этапе социалистического строительства не соответствовали финансам капиталистических государств ни по содержанию, ни по форме.

Утверждение, что на начальных этапах нэпа наши финансы, отличаясь от финансов капиталистических государств по содержанию, были тождественны с ними по форме, является не менее ошибочным, чем и утверждение, что на первых этапах нэпа финансы СССР были капиталистическими и по форме, и по содержанию, так как оно механически разрывает форму и содержание социальных отношений.

Поэтому совершенно неверными являются следующие мысли, высказанные **т. Бутковым** на московском совещании и повторенные им в своей статье в «Финансовых проблемах» № 3/4 за 1931 г. «В этой «финансовой науке» очень крепко засели враждебные, чуждые, а потом, как выяснилось, и вредительские концепции буржуазных представителей... Достаточно известно, что советская система финансов строилась в основном по капиталистическим образцам. На начальных стадиях переходного периода противоречие это не сказывалось особенно резко, но с переходом к развернутой программе социалистического строительства противоречия между сложившейся финансовой системой и теми требованиями, которые предъявляет к ней социалистическое строительство, это противоречие приняло вопиющие размеры. Началась известная полоса реконструкции финансовой системы, но на пути этой реконструкции финансовой системы возникли исключительные трудности, обусловленные отсутствием марксистско-ленинских основ этой реконструкции».

Преследуя задачу показать влияние буржуазной профессуры и вредителей, **т. Бутков**, однако, пришел к совершенно ложному обобщению. Получается, что либо финансы капиталистического государства допускают возможность их «использования» в интересах строительства социализма, либо в начальный переход нэпа мы не имели социалистического строительства. В противном случае совершенно непонятно, почему мог существовать такой «вопиющий» разрыв между формой и содержанием.

В процессе и в меру успехов социалистического строительства происходят изменения роли, задач, содержания финансовых отношений, что непременно выражается и в изменении форм этих отношений. В отдельных случаях может быть некоторая задержка в необходимой переделке форм или могут быть допущены отдельные формы, недостаточно соответствующие зада-

чам, поставленным партией и пролетариатом, но абсолютно немислимо такое положение, когда на всем участке финансового фронта или хотя бы на решающих его участках имеется, хотя бы на несколько месяцев, несоответствие между формой и содержанием, ибо это означало бы, при сохранении прежних форм, неприменное изменение содержания.

Задачи, пути, содержание перестройки финансовой системы СССР определяются партией и пролетариатом; в этой перестройке принимают участие миллионы трудящихся и в этом заключается гарантия полного соответствия задач, содержания и форм финансового строительства задачам социалистического переустройства общества. Вредительство или отдельные ошибки могут оказывать влияние на отдельные, частные формы финансовых расчетов, платежей и институтов, могут тем самым замедлять темпы социалистического строительства, но не они определяют общие формы, содержание и задачи финансового строительства.

«Финансы СССР являются орудием диктатуры пролетариата, методом опосредствования и воздействия на экономические связи внутри социалистического сектора и между социалистическим и остальными секторами народного хозяйства, рычагом планового распределения и перераспределения материальных ресурсов в форме планового распределения и перераспределения денежных средств на основе осуществления контроля рублем в целях расширенного воспроизводства социалистических отношений, переделки мелкотоварного сектора и ограничения, вытеснения и ликвидации капиталистических элементов и классов вообще»¹⁾.

Задачи и содержание курса «Финансы СССР» заключаются не в проведении «аналогий» между советскими и капиталистическими финансами и не в построении «мировой схемы» развития финансов, не в определении «всеобщих» закономерностей финансов. **Задача и содержание курса «Финансы СССР» заключается в том, чтобы, во-первых, определить задачи и закономерности развития советских финансов на различных этапах социалистического строительства; во-вторых, установить классовую определенность и обусловленность содержания и организационных форм советских финансов; в-третьих, изучить роль совет-**

¹⁾ Вредители прилагали все усилия к тому, чтобы использовать финансы в качестве орудия, содействующего развитию частнокапиталистических элементов и стихийных моментов вообще. Для этих целей ими выдвигались «теории пассивности» финансов, как-будто бы простой технической, денежной формы управления: «Дайте нам хорошую экономику, а хорошие финансы приложатся к этому» (Юровский). Для этих же целей сооружались «теории», согласно которым советские финансы должны преследовать задачу «сохранения равновесия развития производительных сил» (понимая под этими «производительными силами» кулацкие хозяйства в деревне и т. д.), должны содействовать «свободному проявлению хозяйственных интересов и тенденций» (т. е. интересов и тенденций развития капиталистических элементов). Для этих же целей Юровским устанавливалось, что финансовая политика СССР периода военного коммунизма является логическим продолжением финансовой политики... царского и Временного правительств («Денежная политика советской власти»). В этих же целях принимались и меры прямого вредительства (саботаж и искривления в проведении директив партии и правительства) и т. д.

ских финансов в строительстве социализма как орудия диктатуры пролетариата, метода воздействия на экономические связи, рычага планового перераспределения ресурсов страны; в-четвертых, выяснить перспективы развития советских финансов в свете перспектив завершения задач переходной экономики.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Чем характеризуется содержание финансов капиталистических государств и почему является ложной «теория» выведения закономерностей развития советских финансов из закономерностей развития финансов капиталистических государств?
2. Что является основой существования советских финансов и чем определяется их общее значение в деле строительства социализма?
3. Чем определяются содержание и сущность советских финансов? В чем их принципиальное, коренное отличие от финансов капиталистических государств?
4. Какие моменты лежат в основе ложных «теорий» финансов буржуазных экономистов, троцкистов, правых и «левых» оппортунистов и каково содержание этих «теорий»?

ГЛАВА II

ФИНАНСЫ В ПЕРИОД ОКТЯБРЯ И ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

1. О необходимости поэтапного изучения советских финансов

Принципиально иной характер экономических закономерностей в СССР по сравнению с капитализмом, глубоко принципиальное различие между буржуазным государством — паразитической недостройкой над экономическим базисом буржуазного общества, и пролетарским государством — руководящим процессом построения социализма не может не означать **глубочайшего принципиального разрыва между советскими финансами и финансами капиталистического хозяйства**. Как мы уже видели, грубым извращением сущности наших финансов является трактовка их как «трансформирующегося», «линяющего» капиталистического наследства. **Наша финансовая политика — органическая, неотъемлемая часть экономической политики пролетарского государства, генеральной линии партии**. Следовательно, специфичность советских финансов выражается в том, что они представляют собой категорию, рожденную Октябрьской революцией, обусловленную в своих закономерностях общими законами движения переходной экономики.

Советские финансы — один из важнейших рычагов строительства социализма во всем сложном механизме рычагов экономической политики государства. Отсюда следует, что изучение процессов развития советских финансов возможно только на основе правильного, базирующегося на позициях марксистско-ленинской методологии, изучения общих закономерностей революционной переделки советской экономики в экономику социалистического общества.

Стремление отыскать какие-то особые законы в развитии советских финансов, попытки выявления специфики финансовых категорий, открытия особого «качественного ряда», обусловленного в своем движении особыми «финансовыми» закономерностями, приводят к механистическому противопоставлению и отрыву нашей финансовой политики от всей системы экономической политики пролетарского государства, используются буржуазными экономистами для провозглашения «примата» финансов над экономической политикой для подчинения «принципу» финансового (рыночного) равновесия.

Не менее ошибочными и вредными являются попытки рассматривать советские финансы независимо от этапов социалистического строительства, беря переходный период как нечто неизменное, как самостоятельную общественно-экономическую формуляцию, отвлекаясь от переходов внутри переходного периода. В основе таких попыток лежит игнорирование революционного характера переходной экономики.

Общей задачей переходного периода является обобществление всех средств производства, уничтожение классов и классовых различий, превращение всех трудящихся в сознательных и активных строителей бесклассового коммунистического общества. Однако эта задача для своего окончательного осуществления требует ряда мер, и соответственно ряда переходов внутри переходного периода, при чем число и характер таких переходов обуславливаются соотношением классовых сил социально-экономических секторов внутри переходной экономики. Рассматриваемый в целом процесс социалистического строительства представляет собой неразрывную цепь переходов от одного этапа к другому, при чем ленинское учение о звене требует ясного и четкого очертания каждого этапа экономической политики пролетарского государства. «Вся политическая жизнь, — говорит Ленин, — есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев. Все искусство политики в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звено, которое меньше всего может быть выбито из рук, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звена обладание всю цепью».

Но каждый этап в экономической политике пролетарского государства знаменует собой также и определенный сдвиг в развитии советских финансов. Характеризуя советские финансы как важнейший рычаг строительства социализма, мы этим определяем единство этой экономической категории на всем историческом отрезке, охватываемом переходным периодом. Но за этим единством не следует упускать тех количественных и качественных сдвигов, которые происходят в наших финансах на разных этапах развития советской экономики. Наши финансы являлись рычагом строительства социализма, и в период военного коммунизма, и на первом этапе нэпа, и в первые годы социалистической реконструкции нашего народного хозяйства они являются важнейшим орудием развернутого социалистического наступления на нынешнем, последнем этапе нэпа. Но как действовал этот рычаг на каждом этапе, в каком сочетании с другими рычагами экономической политики, каковы его роль и удельный вес во всей системе мероприятий пролетарского государства, — все это может быть понятно лишь в том случае, если советские финансы, как экономическую категорию переходного периода, мы будем рассматривать в связи с задачами экономической политики пролетариата на каждом этапе переходной экономики. Ибо в пределах такого «большого скачка», как весь революционный переходный период, имеют место существенные сдвиги, переходы, количественно и качественно отражающие продвижение по пути

к социализму. Только исходя из своеобразия каждого этапа, только путем выявления его специфического содержания мы сможем определить, какую часть исторического отрезка, именуемого переходным периодом, мы уже прошли и сколько нам еще осталось непройденного пути для полного завершения социалистической стройки.

Игнорирование этапов обычно приводит к механистическим, схоластическим построениям; утрачиваются не только связь и логическая последовательность системы революционных мер и методов перестройки общества, но и возможность понять их действительное содержание и значение; категории, формы, методы начинают рассматривают, как нечто застывшее, смазывается их революционное содержание, устраняются возможности определения, направления и характера их изменения вместе с изменением характера и условий социалистического строительства. Отсюда следует, что этапы развития советских финансов нельзя рассматривать, как оторванные друг от друга исторические отрезки, а лишь как отдельные части единого процесса, выявляя роль и место финансов в общей системе мероприятий по революционной перестройке общества. Изучая методы и организационные формы финансовых отношений, теоретически обобщая конкретику финансов, обусловленную революционной практикой на разных этапах социалистического строительства, выявляя то специфическое, то особое, что выделяет данный этап по всей линии развития переходной экономики, мы не должны разрывать исторический процесс на отдельные кусочки, а должны охватить его в целом.

Конкретные задачи финансовой политики на каждом этапе переходной экономики определяются общими задачами, поставленными партией и пролетариатом на данный отрезок переходного периода, содержанием экономической политики пролетариата на данном этапе социалистического строительства. Отсюда следует, что и при изучении развития финансов СССР мы можем установить те же основные этапы, что и в курсе теории советского хозяйства, а именно — краткий период от Октября до военного коммунизма, военный коммунизм и нэп; период нэпа, в свою очередь, расчленяется на восстановительный этап, реконструктивный этап и период социалистического наступления по всему фронту (последний этап нэпа).

Особое значение имеет изучение содержания роли и значения финансов на современном (последнем) этапе нэпа, как необходимое условие усиления активности всей советской финансовой системы в осуществлении финансовых задач второй пятилетки.

Но именно для того, чтобы глубже и ярче оттенить специфические черты финансов на новом этапе, чтобы глубже уяснить задачи, которые выдвигаются сейчас на финансовом фронте, и пути их осуществления, необходимо проследить развитие советских финансов на предыдущих этапах социалистического строительства.

2. Финансы дооктябрьской России

История советских финансов не имеет своей «предистории» в финансовой политике дооктябрьской России. Но первые этапы развития того нового качества, которое заложено в социальной сущности наших финансов, характеризуется еще обилием в ней обломков старого. «Настоящий интерес эпохи больших скачков, — говорит Ленин, — состоит в том, что обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует умения выделить самое существенное в линии или цепи развития»¹). Именно лишь под этим углом зрения и интересуют нас финансы дооктябрьской России. С другой стороны, беглое ознакомление с ними дает нам представление о тех условиях, которые сложились к моменту начала строительства советских финансов²).

Накануне войны финансовое положение царской России с внешней стороны казалось «блестящим». Государственный бюджет давал превышение доходов над расходами, и свободная наличность казначейства к 1 января 1914 г., по данным М. Боголепова, равнялась 514,2 млн. руб.³). Золотой запас Государственного банка почти на 100% обеспечивал выпущенные в обращение кредитные билеты. Золотой запас России за границу за пятилетие, предшествовавшее войне, удвоился и достиг к 1 марта 1914 г. 669 млн. руб. В течение нескольких десятилетий перед войной Россия, как правило, имела активный торговый баланс. За 15 лет (1898 — 1913 г.) актив торгового баланса составил 4,1 млрд. руб. Все это показывало как бы вполне устойчивое финансовое положение царизма.

Однако за этой внешнею скрывалась нищета народных масс, и само «благополучие» в значительной части основывалось на бюрократическо-канцелярских фокусах. Так, например, показываемая ежегодно «свободная наличность казначейства» достигалась преуменьшенным исчислением доходов к началу года и огромным давлением налогового прессы. Такая политика давала возможность финансовому ведомству блеснуть к концу года «свободной» наличностью, что преследовало цель создания благоприятного впечатления о здоровом финансовом состоянии России у иностранных кредиторов.

Характер царских финансов отчетливо отображается в государственных бюджетах. Так, на 1913 г. государственный бюджет был равен 3.452,5 млн. руб. по доходам при расходной части в 3.382,9 млн. руб. Первое, наиболее почетное место среди доходов занимала водочная монополия, давшая в 1913 г. 900 млн. руб., т. е. более четверти всех доходов. Даже кадет Шингарев вынужден был признать «пьяный» характер царского бюджета. «Благополучие казны, — писал он, — было связано с пьянством и несчастьем народа»⁴). Далее, сохранение высоких железнодо-

¹) Ленин, т. XXII, стр. 466.

²) Этим, конечно, не снимается задача всестороннего марксистского исследования царской финансовой системы.

³) «Основы финсистемы СССР» под ред. Г. Я. Сокольникова, стр. 9, Госфиниздат. 1930 г.

⁴) А. И. Шингарев, «Финансы России во время войны».

рожных тарифов усиливало с каждым годом в царском бюджете роль доходов от железных дорог, дававших примерно 30% всех бюджетных поступлений. Остальные 45% доходов в основной своей массе падали на налоги, всей своей тяжестью обрушивавшиеся на широкие массы трудящихся города и деревни. Основой царской налоговой системы были косвенные налоги, носящие в системе капиталистического хозяйства, как известно, резко регрессивный характер. Налоги на капитал, землю и торгово-промышленные предприятия в 1913 г. дали всего только 272,6 млн. руб., или 8% общих доходов¹⁾.

Еще более ярко выраженный феодально-империалистический характер имела расходная часть бюджета. Более $\frac{2}{3}$ государственных доходов довоенной России уходило на вооружение, на погашение государственных долгов и содержание бюрократической машины. За десятилетие, предшествовавшее войне, военные расходы возросли в два раза больше, нежели все другие расходные остатки бюджета. На долю расходов, связанных с социально-культурными нуждами, в 1913 г. приходилось только 11% общей суммы расходов²⁾.

Неимоверно тяжелая податная политика для широких масс трудящихся и паразитическое съедание значительной части народного дохода не могли, конечно, не задерживать развития производительных сил страны. Хиреющая экономика, естественно порождала захудалые финансы, несмотря на показную мишуру бюджетного равновесия. И ослепительный блеск огромного золотого запаса царского правительства, и внешний активный торговый баланс были результатом высокого обложения, спаивания масс и огромного внешнеторгового напряжения экономики страны.

Русская валюта и после реформы Витте находилась всегда под угрозой срыва. Сохранение ее устойчивости достигалось финансовым закабалением российской экономики иностранному капиталу. Рост свободной наличности казначейства сопровождался одновременно ростом государственного долга. Последний составлял на 1 января 1914 г. около 9 млрд. руб., из которых больше $\frac{1}{3}$ приходилось на внешние займы. Ежегодная уплата процентов за границу по государственному долгу и выкачивание дивидендов на вложенные в стране иностранные капиталы обусловили положение, при котором даже активное сальдо по внешнеторговому балансу не могло покрывать резко отрицательного сальдо расчетного баланса. Так, при активном сальдо торгового баланса за период 1908—13 гг. в 2.274 млн. руб. пассивное сальдо расчетного баланса составило 3.486 млн. руб. Такое положение вынуждало усиливать вывоз товаров, руководствуясь лозунгом Вышнеградского: «не доедим, а вывезем», и делать за границей новые займы.

¹⁾ По данным А. Сидорова, «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 40.

²⁾ По данным И. А. Михайлова, «Государственные доходы и расходы в России за время войны».

Вот этот заколдованный круг и заставлял царское правительство накапливать золотой запас, чтобы сохранить устойчивость и авторитет золотой валюты. Устойчивость кредитных билетов Госбанка, подкрепленная 100-процентным золотым обеспечением, обходилась, следовательно, очень дорого народному хозяйству. Буржуазные американские экономисты — Моультон и Посвольский вынуждены были констатировать следующее: «Страх перед возможностью утечки золота в связи с импортом и возможным вследствие этого крушением денежной системы России, а также и ее международного кредита, еще более укреплял сознание необходимости расширения экспорта. Быстрый рост суммы внешней задолженности оказывал давление в том же направлении. Вследствие этого были приняты специальные меры форсирования сбыта продовольственных продуктов с целью использования их в качестве предметов экспорта. Например, чтобы побудить истощенное крестьянство выбросить на рынок известное количество зерна, предназначенного для посевных целей, чиновники по взысканию налога проявляли к концу года необычайную деятельность. Правительство при содействии различных своих агентов имело возможность скупать векселя, которые получались в результате хлебного экспорта, и производить свои платежи за границей, не прибегая к экспорту золота или валюты... Экспортных излишков России обычно нехватало для покрытия процентов и расходов по ее внешним обязательствам, и... этим объясняется постоянная потребность России в займах на внешних рынках»¹⁾).

Война потребовала огромного напряжения экономических сил страны и в первую очередь финансового хозяйства. По исчислениям М. И. Боголепова²⁾, военные расходы России на протяжении 3½ лет составляли 50 млрд. руб. Из каких же источников могла быть покрыта эта огромная сумма, поглотившая примерно трехгодовой народный доход страны?

Таких источников было два: мобилизация внутренних ресурсов страны и заключение иностранных займов. Внутренние ресурсы слагались из обычных доходных статей бюджета (налогов и займов) и весьма интенсивного выпуска бумажных денег. Вследствие продиктованного классовыми интересами российского милитаризма прекращения продажи водки выпала самая эффективная доходная статья бюджета. Правительство старалось восполнить этот пробел усилением налогов, но огромные барыши, которые наживали на войне господствующие классы, оставались неприкосновенными, и возросшие налоги всей своей тяжестью пали на трудящихся. Большое напряжение косвенного налогового обложения не могло компенсировать для государственного бюджета потерь от винной монополии и от ослабления поступлений по ряду других источников (лесной доход, гербовой сбор и др.).

Задача финансирования войны была выполнена в основном за счет эмиссии и займов — внутренних и внешних. По данным

¹⁾ «Русские долги и восстановление России», М. 1925 г.

²⁾ Основы финансовой системы СССР», сборник статей, Госфиниздат, 1930 г.

М. И. Боголепова, этими путями царское правительство «добыло» 26.166 млн. руб., в том числе иностранные кредиты дали 6.353 млн. руб.¹⁾ В результате русский рубль покати́лся вниз — покупательная его сила к моменту Февральской революции составляла примерно $\frac{1}{3}$ довоенной. Внешняя задолженность России выросла до таких размеров, при которых рисовалась картина неизбежного банкротства, что заставило «союзников» России скептически оценивать кредитоспособность России и все настоятельней требовать в качестве обеспечения кредитов золота. Значительная часть золотого запаса России таким порядком уплыла во время войны за границу.

К моменту Февральской революции баланс финансовых «достижений» царизма складывался из обескровленной экономики, бюджетного дефицита, повергнутого в прах «золотого» рубля, колоссального государственного долга. Мы в праве констатировать всеобщее резкое расстройство финансового механизма царизма с резко выявленными симптомами неизбежного паралича.

Экономическая и финансовая политика Временного правительства вела к дальнейшему разорению народного хозяйства. Более того, процесс разрушения народного хозяйства ускорился. Продукция одного рабочего в промышленности по ценам 1913 г. упала с 3.017 руб. в 1916 г. до 2.022 руб. в 1917 г.²⁾ Сократилась посевные площади и резко пало животноводство. Транспорт разваливался. Продовольственное дело находилось в состоянии неминущей катастрофы. Этот общий процесс распада усугублялся финансовой политикой Временного правительства, являвшейся по своему социальному содержанию прямым продолжением финансовой политики царизма.

Единственная крупная кредитная операция Временного правительства — «Заем свободы», давшая казначейству свыше 3 млрд. руб., покрыла 17% расходов, достигших в 1917 г. колоссальной цифры в 22 млрд. руб. Наиболее эффективным источником оставалась эмиссия. На 1 марта 1917 г. в обращении было 10.044 млн. руб., на 1 ноября 1917 г. — 19.577 млн. руб.

Буржуазный идеолог Юровский, объясняя этот процесс ускоренного распада валюты усилением регулирования народного хозяйства Временным правительством³⁾ и «намекая» при этом, что такую политику правительство проводило под нажимом Советов рабочих и солдатских депутатов, тем самым стремится свалить ответственность за расшатанную финансовую систему на пролетариат. Однако, если бы Временное правительство оказалось действительно способным подчинить государственному регулированию хищнические аппетиты промышленников, помещиков и банковской плутократии, обложить их разбухшие от инфляции кошельки, то оно сдержало бы инфляционную волну и добилося бы известной, хотя бы относительной, стабилизации рубля. Даже сам Юровский вынужден признать, что в период Временного правительства регулирование и «плановое распреде-

¹⁾ «Основы финансовой системы СССР», сборник статей, стр. 38.

²⁾ По данным И. Воробьева, «Вестник статистики» за 1923 г.

³⁾ Юровский, «Денежная политика советской власти», М. 1923 г.

ление» сделали больше успехов в декларациях и законах, чем в практической жизни. В народном же хозяйстве устанавливался все больший хаос. Но он умалчивает о виновниках этого хаоса. Хозяйственную разруху он объясняет весьма туманно тем, что «разрушительная работа проводилась одними сознательно для того, чтобы направить революционный процесс к дальнейшему его фазису и через него до того предела, которого он, как оказалось, мог достигнуть в существовавшей исторической обстановке, другими оно проводилось полусознательно, а третьими бессознательно. в предположении, что ими совершается уже не деструктивное, а конструктивное дело»¹⁾. Другими словами, по мнению вредителя Юровского, во всем виноват «революционный процесс». В действительности же, как правильно указал т. Цыперович, «совершенно жалкий вид имели попытки царского правительства в России, продолжавшиеся после Февральской революции Временным правительством, использовать методы государственной монополии для предотвращения военного, политического и социального краха, подготовленного еще задолго до войны дружными совместными усилиями помещиков и капиталистов»²⁾.

Валютный хаос, дефицитный бюджет, распавшаяся налоговая система, огромный государственный долг (18 млрд. руб., в том числе 9 млрд. внешнего) — таково состояние финансов России к моменту Октябрьской революции. В сентябре 1917 г. министр Временного правительства, злейший враг рабочего класса Проккопович с горечью констатировал: «Мы на границе отчаяния. И уже теперь я, как экономист, могу предвидеть тот месяц, когда мы окончательно экономически развалимся»³⁾.

3. Финансовая программа партии на путях к Октябрю

«Нельзя идти вперед, не идя к социализму» — в этих словах **В. И. Ленина** сформулировано содержание конкретно-исторической обстановки после февраля, как периода перехода от первого этапа революции ко второму, периода перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Этим определялась программа действий и требований, первоначально намеченная в апрельских тезисах, а затем развернутая в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и в ряде других выступлений **Ленина**.

Основной вопрос программы большевиков — переход власти в руки Советов, организация диктатуры пролетариата. «Разъяснение массам, что Советы рабочих депутатов есть **единственная возможная** форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей является, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс **разъяснение** ошибок и тактики. Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения оши-

¹⁾ Юровский, «Денежная политика советской власти», стр. 39.

²⁾ Из предисловия к книге Рудого «Государственный капитализм в России».

³⁾ Из речи на кооперативном съезде в Москве 11/IX 1917 г.

бок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавлялись от своих ошибок» (апрельские тезисы). «Что капитал давит, — говорил Ленин, — что он хищник, что именно капитал есть источник анархизма, в этом мелкий буржуа готов согласиться с пролетарием. Но различие между тем и другим начинается тотчас же: пролетарий признает хозяйство капиталистов хищничеством, **чтобы** вести классовую борьбу против него, **чтобы** всю политику построить на безусловном недоверии к классу капиталистов, **чтобы** в вопросе о государстве отличать в первую голову, какому классу «государство» служит, **какого** класса интересы оно проводит. Мелкий буржуа бывает иногда «бешен» против капитала, но тотчас же возвращается после припадка бешенства к доверию капиталистам, к упованиям, возлагаемым на «государство»... капиталистов»¹⁾.

О регулировании и контроле бубнили, пытаюсь прикрыться этой фразой перед массами, даже политические деятели буржуазных партий, но «весь вопрос заключался в том: «кто кого будет контролировать». «Регулирование и контроль не класса капиталистов над рабочими, а **наоборот** — вот в чем суть. Не доверие к «государству», достойное Луи Бланов, а требование пролетариями и полупролетариями руководимого государства — вот какой должна быть **борьба с разрухой**. Всякое иное решение есть фраза и обман» (Ленин)²⁾.

Регулирование и контроль со стороны Советов, со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства — краеугольный камень всей экономической платформы большевиков. Главнейшие меры контроля должны были выразиться в **национализации банков, национализации синдикатов, отмене коммерческой тайны, принудительном синдицировании промышленников, торговцев и хозяев вообще и в принудительном объединении населения в потребительные общества**. Все эти мероприятия не означали еще «введения» социализма, но, будучи проведены не реакционно-бюрократическим, а революционно-демократическим государством, они означали бы **шаг к социализму**.

Хотя национализация банков не означала «сама по себе ни малейших изменений в отношениях собственности», однако большевистское требование национализации ничего общего не имело с имевшим место еще во время войны «регулированием» экономической жизни и системы обращения в Германии и других странах. Там это регулирование обуславливалось интересами самого капитала и **создавало**, по словам Ленина, каторгу для рабочих; выдвигаемая же партией национализация исходила из необходимости подчинения капитала общенародному учету и контролю под руководством пролетариата. «Банк — фокус **нервов** народного хозяйства. Мы не можем взять банки в свои руки, но мы проповедуем объединение их под контролем Совета рабочих депутатов» (Ленин)³⁾. Национализация банков была одним из эле-

¹⁾ Ленин, т. XX, стр. 463.

²⁾ Там же, стр. 474.

³⁾ Там же, стр. 81.

ментов осуществления контроля над финансами страны и овладения через контроль важнейшими артериями капиталистической экономики. **«Без крупных банков социализм был бы неосуществим»** (Ленин) — и этот великолепный аппарат, созданный в недрах капиталистического хозяйства, надо «вырвать из подчинения капиталистам, от него надо **отрезать, отсечь, отрубить** капиталистов с их нитями влияния, его надо **подчинить** пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным» (Ленин) ¹⁾.

На ряду с национализацией банков выдвигалось требование о национализации страхового дела, т. е. объединение всех страховых компаний в одну, централизация их деятельности, контроль за ней со стороны государства.

По вопросу о налогах, в первую очередь, оставался в силе финансовый пункт программы РСДРП об отмене всех косвенных налогов и установлении прогрессивного налога на доходы и наследства. Но вместе с тем **Ленин** категорически подчеркивал, что введение подоходного налога с прогрессирующими и очень высокими ставками для крупных и крупнейших доходов может остаться «фикцией, мертвой буквой, ибо, во-первых, ценность денег все быстрее и быстрее падает, а, во-вторых, утайка доходов тем сильнее, чем больше источником их является спекуляция и чем надежнее охранена коммерческая тайна» ²⁾. Таким образом, социально-классовую эффективность прямого обложения Ленин ставил в прямую зависимость от отмены коммерческой тайны и мер по оздоровлению денежного обращения, ибо, прикрываясь попыткой ввести прогрессивное обложение капиталистов, Временное правительство другой рукой — инфляцией слагало тяжесть налогового бремени с имущих и целиком перекладывало ее на плечи трудящихся.

Налоговая программа большевиков была органически увязана с проблемой контроля, подчиняющего капитал действительно революционному государственному регулированию. Когда меньшевик — министр Скобелев демагогически заявлял о необходимости увеличения ставок обложения имущих классов до 100% прибыли, Ленин подчеркивал, что «наша партия — гораздо скромнее. Она требует только установления контроля за банками и «постепенного» (слушайте! слушайте! большевики за постепенность!) перехода к более справедливому прогрессивному обложению доходов и имущества», но «сделать вообще сколько-нибудь серьезные шаги к ее осуществлению **нельзя** ни под ручку с 10 министрами из партии помещиков и капиталистов, ни с тем бюрократическим, чиновничьим аппаратом, которым правительство капиталистов (с придатком меньшевиков и народников) вынуждено ограничиться» ³⁾.

Классовое содержание «безмерных обещаний» Скобелева видно из следующей его мотивировки необходимости введения налога. «Если капитал, — говорит Скобелев, — хочет сохранить

¹⁾ Ленин, т. XXI, стр. 260.

²⁾ Там же, стр. 183.

³⁾ Ленин, т. XX, стр. 377.

буржуазный способ ведения хозяйства, то пусть работает без процентов, чтобы клиентов не упускать...»¹⁾).

В вопросе о госкредите программа большевиков требовала аннулирования займов с учетом интересов мелких подписчиков. В брошюре «Политические партии в России и задачи пролетариата», написанной Лениным в форме вопросов и ответов, 17-й вопрос посвящен «Займу свободы», выпущенному Временным правительством.

Приводим полностью его текст²⁾:

17) За «Заем свободы» или против?

А. (правее к.-д.). Б. (к.-д.). Безусловно за, ибо он облегчает ведение империалистической войны, т. е. войны **из-за того**, какой группе капиталистов господствовать над миром.

В. (с.-д. и с.-р.). За, ибо неправильная позиция «революционного оборончества» осуждает нас на это явное отступление от интернационализма.

Г. (большевики). Против, ибо война остается империалистической, ведут ее капиталисты в союзе с капиталистами, в интересах капиталистов».

Здесь с исчерпывающей ясностью вскрыта сущность госкредита в системе буржуазных финансов и намечена позиция большевиков в отношении важнейшего финансового мероприятия Временного правительства. В статье Ленина «К пересмотру партийной программы», написанной в октябре 1917 г., мы имеем вполне определенные высказывания по вопросу о царских займах. Отвечая т. Ларину на его упрек в том, что в части финансово-экономических вопросов в программе почти пустое место и не упомянуто даже об аннулировании займов и государственных долгов царизма, Ленин замечает следующее: «По вопросу об аннулировании государственных долгов (и, конечно, не одного царизма, но и буржуазии) надо тщательно обдумать вопрос о мелких подписчиках»³⁾.

В суммированном виде финансовая программа большевиков нашла свое выражение в резолюциях VI съезда РСДП(б). «В целях борьбы с финансовым крахом необходимы следующие меры: немедленное прекращение дальнейшего выпуска бумажных денег, отказ от уплаты государственных долгов как внешних, так и внутренних с соблюдением, однако, интересов мелких подписчиков, преобразование всей налоговой системы путем введения поимущественного налога, налога на прирост имущества и высоких косвенных налогов на предметы роскоши, реформы подоходного налога и постановка оценки доходов имущества под действительный контроль как в центре, так и на местах».

Таким образом, **финансовая программа большевиков**, как элемент общей экономической программы партии, была **направлена на захват власти пролетариатом, организацию нового типа государства и подчинение капиталистов его контролю**, при чем финансовая политика должна была стать одним из важнейших ры-

¹⁾ Ленин, т. XX, стр. 376.

²⁾ Там же, стр. 141.

³⁾ Ленин, т. XXI, стр. 318.

чагов в организации контроля в строительстве социализма, следовательно, не могла быть «продолжением» финансовой политики дооктябрьской России, хотя бы реформированной. Финансовая программа большевиков намечала **принципиальный разрыв с финансами «старого мира»** и тем самым нащупала то новое социальное качество, которое было влито в наши советские финансы после Октября.

4. Финансы в период от Октября до военного коммунизма

Экономическая политика партии и советского государства после победы пролетарской революции была претворением в жизнь и дальнейшей конкретизацией экономической программы требований в соответствии с задачами, ставшими перед пролетариатом «на другой день после социальной революции». Сущность ее заключалась в развертывании программы действий победившего пролетариата в стране с преобладанием мелкобуржуазной экономики, в условиях временной передышки на фронте отчаянной борьбы с капиталистическим окружением.

«Главной задачей пролетариата, — говорил Ленин, — и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, а следовательно, и в начатой нами 7 ноября (25 октября) 1917 г. социалистической революции в России, — является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся»¹⁾.

Завоевав политическую власть и создав новый — советский тип государства, пролетариат разрешил только часть своей труднейшей задачи. «Главная трудность в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, обобществить производства **на деле**» (Ленин)²⁾.

Задача управления и организации, восстановление разрушенных войной и хозяйничаньем буржуазии производственных сил, экономический подъем страны, — вот в каких мероприятиях видел Ленин «гвоздь» экономической политики пролетарского государства. «На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия» (Ленин)³⁾. Путь к решению такой задачи лежал через укрепление диктатуры пролетариата, овладение основными, решающими ко-

¹⁾ Ленин, т. XXII, стр. 440.

²⁾ Там же, стр. 441.

³⁾ Там же, стр. 443.

мандными высотами, обеспечивающими подчинение капиталистов контролю пролетарского государства.

В области финансовой политики на первом месте по своему удельному историческому весу должен быть поставлен декрет от 14/XII 1917 г. о **национализации банков**. Победивший пролетариат, учтя ошибки Парижской коммуны (она «почтительно остановилась перед французскими банками», — Энгельс), ударил этой мерой по буржуазии, организовавшей сопротивление пролетарскому контролю, подорвав одну из решающих основ экономической мощи эксплуататорских классов. «Одной из первых мер, направленных к тому, чтобы не только исчезли с лица земли русской помещики, но и для подрыва в корне господства буржуазии и возможности гнета капитала над миллионами и десятками миллионов трудящихся была мера к переходу к национализации банков. Банки, это—крупные центры современного капиталистического хозяйства. Тут собираются неслыханные богатства и распределяются по всей громадной стране, здесь нерв всей капиталистической жизни. Это тонкие и сложные органы, они выросли веками, и на них направлены были первые удары советской власти, которая встретила вначале отчаянное сопротивление в Государственном банке» (Ленин)¹⁾.

Объявляя банковое дело государственной монополией, декрет объединял с Государственным банком все частные акционерные банки и банкирские конторы с передачей их активов и пассивов Государственному банку. Декрет был первоначально применен к коммерческим банкам, но затем рядом последующих распоряжений был распространен на все частные и кооперативные кредитные учреждения. Последним был национализирован (декретом от 2/XII 1918 г.) Народный московский банк (центральное кооперативное учреждение), превращенный в Кооперативный отдел Народного банка РСФСР, на который и было возложено все финансирование и кредитование кооперации. Дополнением к национализации банков был декрет от 14/XII 1917 г. о ревизии сейфов. Все деньги, обнаруженные в сейфах, подлежали внесению на текущий счет клиента в Государственном банке, а золото в монете и слитках — конфискации.

Национализация банков составляла один из исходных моментов, обеспечивающих социалистическое преобразование народного хозяйства. «От рабочего контроля мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства. Только эта мера вместе с национализацией банков и железных дорог дает нам возможность приняться за постройку нового социалистического хозяйства»²⁾. «Россия вступила на новый путь осуществления социализма национализацией банков, передачей всей земли полностью в руки трудящихся масс» (Ленин)³⁾.

Второй акт Советского правительства в области финансов — **аннулирование государственных займов** выполнял ту же социальную функцию «свержения финансового ига». «Все государ-

¹⁾ Ленин, т. XXII, стр. 214.

²⁾ Там же, стр. 215.

³⁾ Там же, стр. 217.

ственные займы, — гласил декрет от 31 января 1918 г., — заключенные правительством российских помещиков и российской буржуазией, перечисленные в особо публикуемом списке, аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 г. Равным образом аннулируются все гарантии, данные правительством по займам различных предприятий и учреждений. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы».

Буржуазные экономисты стараются представить дело так, что будто бы аннулирование долгов было не революционным актом пролетариата, а следствием «финансовой нужды», выражением «банкротства государства». В действительности же в декрете даже нет упоминания об экономической «возможности» или «невозможности платить»; это было мероприятие, провозгласившее разрыв с финансовыми категориями капитализма. Именно политическая заостренность этого акта вызвала такое бешенство всего капиталистического мира и такие симпатии мирового пролетариата. Аннулируя дореволюционные долги, уничтожая тем самым вторую (после банков) основу господства финансового капитала, пролетариат обеспечивал удовлетворение интересов малоимущих держателей займов. Ст. 5 декрета предусматривала выдачу малоимущим гражданам, владеющим аннулированными государственными бумагами внутренних займов на сумму не свыше 10.000 руб. по номиналу, именные свидетельства нового займа РСФСР на такую же сумму. Позднее было решено удовлетворить этих держателей путем зачисления соответствующих сумм на их текущие счета в Народном банке РСФСР или на книжки в государственных сберегательных кассах. Декрет предусматривал также неприкосновенность вкладов в сберкассах и замену принадлежащих сберкассам аннулированных займов книжным долгом РСФСР.

Национализация банков и аннулирование долгов как меры, направленные на подрыв экономической мощи буржуазии, дополнились осуществлением соответствующих мероприятий в области налогового обложения. Было декретировано право мест на взимание контрибуций с имущих классов. Однако процесс взимания контрибуций носил неорганизованный характер. Правильному функционированию налогового пресса препятствовало отсутствие организованного на местах финансового аппарата. Если это обстоятельство не могло служить препятствием для проведения таких мероприятий, как национализация и аннулирование займов, то систематическое налоговое давление на буржуазные элементы не могло быть проведено без широко разветвленного, хорошо организованного финансового аппарата, способного проводить политику советской власти; это и было одной из причин широкого распространения наиболее примитивной формы обложения — контрибуций. В. И. Ленин в речи на заседании ВЦИК от 19/IV 1918 г. констатировал, «что даже самый лучший план в настоящее время в области финансовой, самый лучший план сейчас невозможно выполнить, потому что фактически у нас не организован тот аппарат, который выполнит этот финансовый план. Если бы мы пытались провести в жизнь какое-нибудь налоговое обложение, мы сейчас наткнулись бы на то,

что отдельные области в настоящее время проводят налоговое обложение, кто как вздумает, кому как придется, кому как позволят местные условия»¹⁾).

Таким образом, уничтожив господство буржуазии, **революция сломала старую финансовую систему и расчистила путь для организации новых финансовых отношений, адекватных социальной природе пролетарского государства.** На первом этапе эта созидательная работа была направлена по пути создания финансовых отношений, соответствующих задачам осуществления рабочего контроля при пролетарской диктатуре как шага вперед — к социализму.

Какое значение придавал Ленин вопросам финансовой политики видно из его выступления на всероссийском съезде представителей финансовых отделов Советов 18 мая 1918 г. «Не надо забывать, что всякие радикальные реформы нами обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике. От этой последней задачи зависит успех задуманного нами огромного дела социалистического преобразования общества»²⁾. В чем должны заключаться финансовые мероприятия, от которых «зависел успех социалистического преобразования» — это было указано Лениным в упомянутой речи (к сожалению, сохранившейся только в форме газетного отчета). Финансовым же проблемам было много уделено внимания на I всероссийском съезде советов народного хозяйства.

В центре намечавшейся финансовой политики стояли вопросы денежного обращения. Денежная масса в обращении составлявшая на 1 января 1918 г. 25,8 млрд. руб., выросла за 5 месяцев 1918 г. еще на 1,3 млрд. руб., не считая суррогатов в сумме примерно 5 млрд. руб.³⁾, что не могло не привести к дальнейшему обесценению денежной единицы. Задача «организовать строжайший и всенародный учет и контроль за производством и распределением кредитов» (Ленин) требовала решения задачи хотя бы относительной стабилизации рубля. Тов. Ленин выдвигал проект замены старых денежных знаков новыми. Каждый должен сдать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен новые. «Если сумма эта окажется небольшой — он получит рубль за рубль. Если же она превысит норму — он получит лишь часть» (Ленин). Этот путь обеспечивал, следовательно, учет финансовой мощи буржуазии. Развитие этого проекта мы находим в выступлении т. Сокольникова на I съезде совнаркозов, предлагавшего провести при обмене старых знаков на новые принудительное конверсирование части денежных знаков страны в беспроцентные свидетельства Государственного банка или в облигации «Красного займа». Таким путем предполагалось сократить размеры бумажно-денежного обращения в целях относительной стабилизации денег или хотя бы ослабления темпа их падения.

В области внешних отношений намечалась возможность установления, на основе монополии внешней торговли и валютной

¹⁾ Ленин, т. XXII, стр. 428.

²⁾ Там же, стр. 18.

³⁾ Сокольников, «Финансовая политика революции», т. I, стр. 19.

монополии экономических связей — торговых и финансовых. Завязывание финансово-экономических отношений с внешним миром в форме займов мыслилось на основе незыблемости принципов, декларированных в декрете об аннулировании царских займов. Аннулирование царских займов — революционный политический акт советской власти, не связанный с теми новыми формами экономической связи, которые намечались между советским государством и капиталистическим миром. В этом смысле и следует понимать абзац из упомянутой выше речи **Ленина**, в которой, дав наметку основных финансовых мероприятий, он отметил: «Это—последний и решительный бой с буржуазией, который даст нам возможность платить долги иностранному капиталу — пока не пробьет час социальной революции на Западе — и провести необходимые экономические реформы в стране» ¹⁾.

На ряду с вопросами денежного обращения и государственного кредита намечалась также вполне законченная система налоговых мероприятий. Конtribusi сыграли свою историческую роль, и необходимо было перейти к более совершенным методам налогового изъятия. «Я вовсе не противник контрибуций, — говорил Ленин, — ибо прекрасно понимаю, что пролетариат в первое время не мог обойтись без нее. Это — правильная мера переходной власти. Но теперь переходное время кончилось, и мы перейдем к централизованному взиманию подоходного прогрессивного налога с очень частыми сроками. Несомненно, что буржуазия будет пытаться всеми силами обходить наши законы, пускать в ход мелкий обман. Мы будем бороться против этого, чтобы вконец подорвать остатки буржуазии» ²⁾.

На ряду с введением прогрессивно-подоходного обложения Ленин выдвигал необходимость трудовой повинности. «Мы должны ввести трудовую повинность в первую очередь не для бедных, которые без того принесли достаточно жертв на алтарь войны, а для богатых, разбогатевших на войне... Эта мера, повторяю, должна быть проведена в первую голову. Она послужит подготовкой к тому, чтобы тяжесть налогов всецело ложилась, как и следует по справедливости, на богатых» ³⁾.

Кроме системы прямого обложения в форме прогрессивно-подоходного налога, выдвигалась также проблема косвенных налогов. Не находилась ли эта политика в противоречии с программой партии об отмене косвенных налогов? Тов. Гуковский, бывший тогда зам. наркомфином, и т. Сокольников на упомянутом выше съезде совнархозов защищали тезис о необходимости косвенных налогов. О позиции Ленина по этому вопросу интересны воспоминания О. Когана. Автор этих воспоминаний в разговоре с Лениным выяснял его отношение к проекту т. Гуковского. На вопрос Когана, согласен ли т. Ленин с проектом Гуковского, Владимир Ильич решительно ответил: «Разногласий нет. Исидор Эммануилович (Гуковский) прав».

¹⁾ Ленин, т. XXIII, стр. 21.

²⁾ Там же, стр. 19—20.

³⁾ Там же, стр. 20.

— «Да, возражаю я (Коган), но ведь вы всегда были против косвенных налогов на потребление, в частности вы указали что единственно правильным...».

«Владимир Ильич меня перебивает и задает такой вопрос: «Ружье — штука вредная?»

«От неожиданности такого вопроса смущенно отвечаю: «В зависимости от того, кто им владеет».

«Вот именно, — говорит Владимир Ильич, — в зависимости от того, кто им владеет. То же самое с косвенным обложением»¹⁾.

В этих словах Ленина даны исчерпывающие указания для понимания сущности косвенных налогов. Направленные своим острием против трудящихся масс города и деревни в условиях капитализма, косвенные налоги принимают совершенно иные черты, выражают иные по своей природе классовые отношения в условиях диктатуры пролетариата — из орудия эксплуатации трудящихся превращаются в один из методов финансирования социалистического строительства.

Помимо налогов, источником доходного бюджета должны были являться доходы от национализированных предприятий и имущества. Совершенно справедливо заметил т. Сокольников²⁾, что бессмысленным является утверждение, будто доход от национализированного предприятия есть косвенный налог... «Просто казна будет получать часть цены, которая была поставлена. Это будет не прямой налог и не косвенный налог, а это будет доход с народного имущества, особая категория дохода, и я поражаюсь, что их смешивают с косвенными налогами».

Важнейшей предпосылкой для осуществления намечавшейся программы финансовой политики Ленин считал создание финансового аппарата, которому было бы по плечу решение задач, поставленных революцией. «Нами много намечено в этой области, расчищена почва для фундамента, но сам фундамент этого здания еще не создан, ибо должно пройти некоторое время, чтобы найти необходимых для этого работников». Построение финансового аппарата должно было проводиться на основе принципа демократического централизма, укрепления на ряду с центральным бюджетом местных бюджетов, без чего «не будет возможности отстоять финансовые преобразования, при которых каждый гражданин будет иметь кусок хлеба и культурную жизнь» (Ленин)³⁾.

5. Распределительные отношения в период военного коммунизма

«Тактика, принятая классом капиталистов, — говорил Ленин, — состояла в том, чтобы натолкнуть нас на борьбу отчаянную и беспощадную, побуждавшую нас к неизмеримо большей ломке

¹⁾ Приведено по книге «Ленин о финансовых и денежно-кредитных вопросах», Гиз Украины, стр. 35.

²⁾ В его речи на съезде СНХ «Финансовая политика революции», т. I, стр. 30.

³⁾ Ленин, т. XIII, стр. 19.

старых отношений¹⁾. «Всякий иной прием действий означал бы с нашей стороны полную сдачу позиций»²⁾. Под этим углом зрения и необходимо в первую очередь оценивать всю совокупность мероприятий в области экономической политики в период военного коммунизма, которая «предполагала, что произойдет непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах»³⁾. После того, «как нами был испробован ряд мер для постепенного, осторожного перехода к экономическим преобразованиям... логика борьбы и сопротивление буржуазии заставили нас перейти к самым крайним, к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской борьбы»... «штурмовым способом, т. е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным перейти к социалистическим основам производства и распределения»⁴⁾.

Военный коммунизм, следовательно, был вынужден временной мерой, не отвечающей **хозяйственным** задачам пролетариата, но одновременно единственно правильной политикой в условиях наиболее острой гражданской войны и экономической разрухи. Только вульгарный экономист, буржуазный реставратор Юровский, смог усмотреть основную сущность военного коммунизма в том, «что эта система не была продуктом одних военных условий и иных стихийно действующих сил. Она была также продуктом определенной идеологии, реализацией социально-политического смысла, построившего хозяйственную жизнь страны на совершенно новых началах»⁵⁾. Основы этого социально-политического замысла Юровский видит в «Манифесте коммунистической партии» и в учении основоположников марксизма. В осторожных и витиеватых выражениях Юровский пытается изобразить крах этого «социально-политического смысла», как «крах» марксистской концепции переходного периода.

Штурмовой натиск на экономические основы буржуазии означал в первую очередь необходимость решительных мероприятий в области национализации промышленности и сосредоточения в руках государства торгового оборота.

Всеобщая национализация промышленности «в целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой для упорядочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты» (декрет СНК от 20 июня 1918 г.) означала превращение рабочего контроля в рабочее управление; образовывается система главков и центров, объединяемых Высшим советом народного хозяйства.

В области распределения основная тенденция также намечалась в сторону централизма, который должен был осуществляться Комиссией использования, учрежденной при ВСНХ декретом СНК от 21 ноября 1918 г. для составления плана распределения всего того, что производилось и поступало в распоряжение государства. Распределение как вновь создаваемой промышленной продук-

¹⁾ Ленин, т. XIII, стр. 63.

²⁾ Там же, стр. 65.

³⁾ Ленин, т. XXVII, стр. 37—38.

⁴⁾ Там же, стр. 65.

⁵⁾ Юровский, «Денежная политика советской власти», стр. 61.

ции, так и всех материальных запасов проходило в централизованном порядке. Та часть продукции, которая предназначалась к распределению среди населения, передавалась Народному комиссариату продовольствия (Наркомпроду), игравшему наиболее важную роль в системе учреждений эпохи военного коммунизма. Кооперация все больше превращалась в подчиненный Наркомпроду орган распределения. Декрет от 20 марта 1919 г. «о потребительских коммунах» завершил огосударствление кооперации. Все центральные органы, ведавшие только распределением предметов потребления, постепенно концентрировались в ведении Наркомпрода, а те, которые ведали также и вопросами производства, подчинялись Наркомпроду в части своих распределительных функций. Уже к концу 1918 г. был провозглашен принцип монополии государства на большинство продуктов питания. Государство фактически устанавливало монополию на заготовку почти всех продуктов сельского хозяйства и торговлю ими. (Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1918 г. об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства). Однако ряд продуктов сельского хозяйства не был монополизирован государством, чем допускалась возможность продажи этих продуктов их производителями непосредственно потребителям, ограничиваясь пределами узко-местного оборота, обслуживаемого лишь гужевым транспортом. Вместе с тем право массовой заготовки ненормированных продуктов предоставлялось наряду с государственными организациями также рабочим организациям, профессиональным и кооперативным объединениям по ценам, устанавливаемым Наркомпродом.

Специальный декрет Совета народных комиссаров в январе 1919 г. подтверждает «незыблемость советской продовольственной политики и необходимость неуклонного проведения в жизнь государственной монополии на основные продукты питания (хлеб во всех его видах, крупа и зерно, фураж, сахар и изделия из него, чай, соль), а равно как и массовой заготовки по твердым ценам других важнейших продовольственных продуктов». Этими мероприятиями и осуществлением снабжения населения предметами первой необходимости на основе строгой классовой дифференциации (разные пайки для различных социальных групп населения, а также и бронированные пайки для работников ударных, наиболее важных участков работы) обеспечивалось решение одной из основных задач — задачи снабжения революционной армии и рабочих. **«В стране, которая разорена, — говорил Ленин, — первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся»...** «Надо спасти рабочего, хотя он работать не может. Если мы его спасем на эти несколько лет, мы спасем общество, страну и социализм. Если мы его не спасем, то скатимся назад, в наемное рабство. Так стоит вопрос о социализме, который рождается из реальной действительности, из бешеной, отчаянно-жестокой классовой борьбы...»¹⁾. Вопросы распределения здесь решались классовой борьбой. «В обстановке совершенно измученной, разоренной, гибну-

¹⁾ Ленин, т. XXIV, стр. 298.

шей страны классовая борьба неизбежно меняет свои формы». «Это уже классовая борьба не за долю в производстве, не за ведение производства (ибо производство стоит, угля нет, железные дороги перепорчены, война выбила людей из колеи (машины изношены и пр. и т. д....), **а за спасение от голода...**». «Рабочий класс хочет спастись от голода, а для этого надо наголову разбить буржуазию, обеспечить **сначала** потребление, хотя бы самое скудное, ибо иначе **не дотянуть** полуголодного существования, **не додержаться** до той поры, когда можно будет снова пустить в ход производство... «Потребительский коммунизм» — условие спасения рабочего» ¹⁾).

Отсталый характер российской экономики (огромный удельный вес мелкотоварного уклада) обуславливал особенную сложность и трудность этой классовой борьбы за сосредоточение в руках пролетарского государства всех продовольственных и других ресурсов страны в целях их распределения, наиболее соответствующего задачам пролетариата. Даже в период наибольшего напряжения «диктатуры Наркомпрода», наибольшего усиления борьбы «Компрода с Сухаревкой», частный рынок играл значительную роль в бюджетах населения. Так, удельный вес продуктов, полученных городским населением по карточкам, в среднемесечном бюджете питания составлял:

	1919 г.			1920 г.		
	Январь	Апрель	Июль	Октябрь	Январь	Апрель
В губ. гор.	19	31	22	21	20	29
„ уездн. „	27	32	20	19	24	25

По данным же выборочного обследования питания крестьянства с сентября 1919 г. по январь 1920 г. из общего количества продуктов, приобретенных крестьянами, на долю государственного снабжения приходилось от 7 до 13½%, в среднем (по трем губерниям — Новгородской, Владимирской и Симбирской) — 11%. Полулегальный и нелегальный рынок имел большой удельный вес лишь в основных продуктах питания; в других же областях личного потребления (жилище, одежда и др.) и тем более в производственном потреблении соотношения складывались иначе. Так, в полном среднемесечном бюджете рабочего, включая квартиру и пр., государственное снабжение в натуре составляло в 1918 г. 41%, в 1919 г. — 63%, в 1920 г. — 78% ²⁾).

Централизованный и натуральный характер распределения, вытеснение денежных отношений, обострение борьбы с частным рынком и собственнической идеологией, обусловленные задачами борьбы за сохранение пролетарской диктатуры в условиях гражданской войны и экономической разрухи, определили содержание, роль и направление развития финансов за годы военного коммунизма. Развитие финансов отразило в себе стремление к централизованной системе организации распределения с натурализацией

¹⁾ Ленин, т. XXIV, стр. 322.

²⁾ Крицман, «Героический период великой русской революции».

хозяйственных отношений, исключаящих необходимость финансовых связей в народном хозяйстве. С другой стороны, те же задачи мобилизации ресурсов для снабжения армии и рабочего класса в условиях мелкотоварной экономики деревни диктовали необходимость максимального использования финансовых рычагов в деле перераспределения ресурсов частного сектора в целях укрепления материальной базы революции.

6. Налоги и продразверстка

В период военного коммунизма деньги постепенно теряли свое значение, и обесценение их вызвало необходимость перехода к натуральным формам оплаты труда и натурализации хозяйственных связей города и деревни. Но понижение социальной значимости денег вытекало отнюдь не из перехода хозяйства на высшие ступени социалистического строя, когда деньгам, а следовательно, и налогам как методу перераспределения не остается места, а было обусловлено своеобразием форм классовой борьбы в области распределительных и перераспределительных отношений. Налоги поэтому, не теряя своего значения как орудия классовой борьбы, как рычага межсекторного и межклассового перераспределения ресурсов, натурализировались, растворялись в других экономических категориях.

В условиях военного коммунизма денежные налоги не могли играть существенной роли в общей системе экономических мероприятий пролетарского государства. Однако почти на протяжении всего обозреваемого периода проблемы денежного налогового обложения не снимались с очереди, и финансовая мысль при ближайшем участии В. И. Ленина¹⁾ работала в направлении реорганизации и приспособления налогов к новым формам классовой борьбы пролетариата; при этом финансовая мысль руководствовалась тем, что экономические отношения, сложившиеся в период военного коммунизма, были обусловлены своеобразием революционного момента, но что проблема налога сама по себе не теряет своего значения для переходного периода. Отсюда ложность чрезвычайно поверхностного приема ряда исследователей периода военного коммунизма проскакивать мимо этого явления, ограничиваясь общим замечанием об отмирании налогов²⁾. Самой характерной чертой денежных налогов военного коммунизма, как реально проведенных, так и налоговых проектов, является их социально-политическая заостренность против имущих классов. Мы уже выше отмечали, что в своем выступлении от 18 мая 1918 г. Ленин говорил о необходимости перехода от контрибуций к более нормальным формам фискального обложения. Изменившаяся во втором полугодии 1918 г. политическая обстановка снова усилила роль контрибуций, чрезвычайных революционных налогов. Контрибуции получили

¹⁾ См. воспоминания Н. А. Добротрелова, опубликованные в «Финансовой газете» № 93 от 30/IV 1924 г.

²⁾ Крицман, «Героический период русской революции», стр. 112. Юровский, «Денежная политика советской власти», стр. 65 и др.

широкое применение на местах сначала (до конца 1918 г.) без законодательной санкции. К концу 1918 г. местные контрибуции получили законодательную санкцию центральной власти. Декрет Совнаркома от 31 октября 1918 г. о порядке взимания местных контрибуций или единовременных чрезвычайных революционных налогов предоставлял право уездным, городским и губернским советам депутатов устанавливать для лиц, принадлежащих к буржуазному классу, «единовременные чрезвычайные, революционные налоги». Эти налоги должны были взиматься преимущественно наличными деньгами и не освобождали от взыскания причитавшихся с обложенных лиц общегосударственных и местных налогов, а также общегосударственного единовременного чрезвычайного налога. Одновременно был издан декрет ВЦИК (от 30 октября 1918 г.) об единовременном чрезвычайном 10-миллиардном революционном налоге.

Декрет предписывал привлекать к обложению граждан с заработком свыше 1.500 руб. в месяц¹⁾ и исходить из того, «чтобы городская и деревенская беднота были совершенно освобождены от единовременного чрезвычайного налога, средние слои были обложены лишь небольшими ставками, а всей тяжестью налог пал на богатую часть городского населения и богатых крестьян». Кампания по взысканию 10-миллиардного налога в общем закончилась в середине 1919 г. Взыскано было по всей стране к этому времени около 1.500 млн. бумажных рублей. Кроме того, несколько миллионов было списано с текущих счетов и конфисковано (деньгами и прочими ценностями) в сейфах и ссудных кассах в покрытие налога. Хотя и не удалось по единовременному общегосударственному чрезвычайному налогу и по местным чрезвычайным налогам собрать всех назначенных по ним сумм, однако, они, без сомнения, сыграли свою роль как в деле обеспечения революции финансовыми ресурсами, так и в смысле ослабления экономической силы буржуазии.

Дальнейшее проведение (после 1919 г.) налога оказалось невозможным не потому, что полностью уже были к тому моменту экспроприированы финансовые ресурсы классовых врагов революции, как это полагает К. Ф. Шмелев, но в силу того, что в условиях дальнейшего падения покупательной силы денег, вытеснения рыночных товарных отношений привлечение ресурсов налоговым методом затруднялось и необходимо было усилить более эффективные формы и методы изъятия — натуральные сборы и эмиссию денежных знаков.

В области регулярного налогового обложения прежде всего надо отметить **подходный налог**, в который была внесена резкая классовая прогрессивность. Так, для областей, отнесенных к I разряду (Москва, Ленинград и некоторые другие города), декретом от 27 марта 1919 г., максимальный размер оставляемого госдохода, за вычетом причитающегося налога, был оп-

¹⁾ Даже учитывая падение ценности денег, под этот лимит подходили буржуазия и верхушка мелкобуржуазных хозяйств вопреки мнению К. Ф. Шмелева, что этим налогам были обложены довольно широкие слои населения. См. его статью в сборнике «Основы финансовой системы СССР» под редакцией Сокольниковой, стр. 81.

ределен в 72.000 руб. бумажных; все остальное обращалось в казну в качестве налога. Достаточно вдуматься в его прогрессию, чтобы категорически отбросить предположение о наличии здесь какой-то «трансформации» дореволюционных налогов. Декретом от 21 января 1919 г. была сделана попытка привлечь к платежу подоходного налога сельское население, который, однако, реализован не был.

Значительным изменениям подвергалась структура промыслового налога — отмена патентного сбора и замена его регистрационным сбором, введение обложения по обороту. Что касается косвенного обложения, то таможенные пошлины потеряли свое значение в связи с резким падением внешней торговли, акцизы же давали все уменьшающуюся сумму не только в силу резкого сокращения подакцизной продукции, но и вследствие широко применяемого распределения продуктов без производства денежных оценок. Сохранение акцизной формы обложения продукции национализированной промышленности при глубоко идущем процессе натурализации хозяйственных связей мотивировалось (декрет СНК от 21 ноября 1918 г.) необходимостью известного начисления к цене в пользу государства, но даже в этой своей функции они теряли свое значение, и декретом СНК от 17 января 1920 г. были отменены.

В первой половине 1920 г., когда наметился благодаря временной военной передышке переход на мирное строительство, проблема налогового обложения снова всплыла и был разработан проект о едином подоходно-имущественном налоге. Но конкретная обстановка не благоприятствовала проведению этой налоговой реформы. Конец 1920 г. и начало 1921 г. представляют собой ту стадию военного коммунизма, когда тенденции безденежного хозяйства и попытки полной ликвидации «Сухаревки» — этого синонима частной торговли и спекуляции — получили наиболее логическое завершение, что, естественно, сводило на-нет экономическую значимость налогов. Постановлением ВЦИК от 3 февраля 1921 г. приостанавливается взимание всех денежных налогов как общегосударственных, так и местных. В записке, направленной в особую комиссию по проработке вопроса об отмене денежных налогов, В. И. Ленин писал: «Надо побольше вдуматься (и детально изучить соответствующие факты) в условия переходной эпохи. Переход от денег к безденежному продуктообмену бесспорен. Чтобы этот переход был успешно завершен надо, чтобы был осуществлен продуктообмен (не товарообмен). Пока мы не в силах осуществить продуктообмен, т. е. давать крестьянству продукты, до тех пор крестьянство вынуждено оставаться при обломках товарного (а следовательно, и денежного) обращения, при суррогате его. Отменить суррогат (деньги), пока крестьянству не дали еще того, что устраняет потребности его в суррогате, экономически неправильно. Надо это обдумать очень серьезно»¹). Эти замечания т. Ленина показывают, что ликвидацию денежных налогов к концу военного коммунизма нельзя рассматривать как про-

¹) Альский, «Наши финансы за годы гражданской войны и нэпа», стр. 5.

цесс отмирания налогов, обусловленный ликвидацией условий, при которых сохраняется необходимость денег.

Денежные налоги, выполняя известную роль в перераспределении народного дохода, играли второстепенное значение в общей массе народнохозяйственных ресурсов, мобилизуемых государством для обеспечения потребностей военного времени. Большую роль имели натуральные формы изъятий.

В натуральных изъятиях на первый план выдвигалась проблема взаимоотношений города и деревни; пролетариата и крестьянства. Экономическая разруха, обусловленная мировой войной и усиленная гражданской войной, особенно сильно отразилась на состоянии промышленности. Поэтому мобилизация продовольственных ресурсов деревни не могла быть осуществлена в порядке обмена продуктов промышленности на продукты сельского хозяйства. При этом, поскольку денежное обращение (эмиссия) не могла обеспечить этой мобилизации ресурсов, последняя приняла характер натуральных изъятий. Деревня должна была дать тот минимум, без которого в городе не могла бы быть спасена основная производительная сила и обеспечена победа на многочисленных военных фронтах. Борьба за хлеб, за продовольствие стала вопросом жизни и смерти революции. При этом борьба эта была борьбой против кулацкой верхушки, опираясь на деревенскую бедноту, за преодоление колебаний середняка, за привлечение его на сторону революционного пролетариата. «Кулаки знают, — говорил Ленин, — что придет их последний час, когда противник выступит не только с проповедью, со словами и фразами, а с организацией деревенской бедноты. Если мы ее организуем, то одержим победу над кулаками. Кулаки знают, что тут приходит момент самый решительный, самой последней, самой отчаянной борьбы за социализм. Кажется, что это борьба только за хлеб; на самом деле — это борьба за социализм»¹).

Это борьба за хлеб происходила в условиях, когда большая часть производящих с.-х. районов в особо острые моменты гражданской войны была захвачена контрреволюцией, что обуславливало возможность и необходимость применения принудительных методов изъятия продовольственных излишков деревни в натуре.

В качестве основной меры борьбы за хлеб советская власть осуществила хлебную монополию, означавшую безусловное запрещение частной торговли, сдачу излишков хлеба государству, безусловное запрещение утайки хлеба. Мобилизуя у сельского населения его продукты по твердым ценам, правительство принимало меры к снабжению сельского населения изделиями промышленности также по твердым ценам. Однако фонд промышленных товаров, который мог выделить город для деревни, был невелик, ибо примерно половина промышленной продукции поглощалась нуждами Красной армии. Кроме того, распределение этого фонда в деревне не могло представлять и не представляло со-

¹) Ленин, т. XXIII, стр. 87.

бой эквивалента за сданную государству продукцию сельского хозяйства¹⁾).

Природу этого неэквивалентного передвижения материальных ресурсов ярко вскрыл Ленин: «Мы говорим: если страна разорена, если нет топлива и фабрики встали, ты, крестьянин, должен дать хлеб в ссуду. Те бумажные деньги, которые дают тебе в обмен на хлеб, есть свидетельство того, что ты оказал государству ссуду... Всякий крестьянин, который сколько-нибудь развит и из первобытной мужицкой темноты вышел, согласится, что другого выхода нет». «Теперь идет решительная и последняя борьба с капитализмом и со свободной торговлей, и для нас теперь происходит основной бой между капитализмом и социализмом»²⁾).

Являясь одним из методов экспроприации кулачества, продразверстка в отношении середняцкой массы деревни была ссудой пролетариату, без чего не могла бы развернуться впоследствии великая программа социалистической реконструкции сельского хозяйства. Недопустимость смещения в обоих случаях продразверстки с налогом вытекает из того, что наряду с государственными заготовками в конце 1918 г. и в начале 1919 г. государственная власть пыталась взимать особый натуральный налог в виде отчислений части сельскохозяйственных продуктов. Этот налог был окладной и определялся по размерам площади посевов и по количеству голов скота. Его природа подчеркнута в следующих словах декрета ВЦИК от 30 октября 1918 г. о введении натурального налога: «Более состоятельные и богатые крестьяне в местах, в которых не проведены еще законы об уравнительном распределении земли, по-старому владеют большими по размерам и лучшими по плодородию участками земли, из которых они получают не только достаточные для безбедного существования средства, но и большие излишки. Кроме того, государство после четырехлетней тягчайшей войны ощущает крайнюю нужду в продуктах сельского хозяйства, которая заставляет обложить натуральной повинностью наибо-

¹⁾ Отсутствие эквивалента дает повод К. Ф. Шмелеву утверждать, что государственные заготовки сельскохозяйственных продуктов, хотя и связывались с некоторым снабжением деревни промышленными продуктами, однако, по существу, являются принудительными натуральными оборотами с сельского населения (см. статью в сборнике «Основы финансовой системы СССР» под редакцией Сокольников, стр. 59). Повидимому, К. Шмелев считает всякий неэквивалентный обмен, всякое неэквивалентное передвижение материальных ценностей налогом. Ему непонятно (или скорее он сознательно извращает), что проблема эквивалентного обмена определяется соотношением классовых сил и уровнем развития производительных сил города и деревни и что свести весь этот комплекс социально-политических явлений к проблеме налога, в частности в конкретных условиях военного коммунизма, — экономически безграмотно, а политически означает попытку очернить эту героическую эпоху борьбы пролетариата за социализм. Кстати отметим, что в указанной статье К. Шмелев объясняет упадок производительных сил в период военного коммунизма только ломкой старых общественных отношений. «Деревенских кулаков» (этого термина он недолюбливает) он именует «верхушкой мелких крестьянских хозяйств», которые были экспропрированы революцией. Ни слова об исторической роли военного коммунизма как неизбежного этапа пролетарской революции.

²⁾ Ленин, т. XXIV, стр. 409, 410 и 411.

лее обеспеченную часть трудового крестьянства. При таких условиях сохранение прежнего способа обложения сельских хозяйств в пользу государства денежным налогом на одинаковых для всех крестьян основаниях означало бы дальнейшее сохранение за богатыми возможности угнетать малоимущих. Поэтому, стремясь к полному освобождению бедноты от несения податного бремени путем переложения всей налоговой тяготы на имущественно-обеспеченные классы с тем, чтобы в деревне средние крестьяне облагались лишь умеренным налогом, а на кулаков-богачей была возложена главная часть государственных сборов, Всероссийский центральный исполнительный комитет постановил: «Обложить сельских хозяев, обладающих излишками продуктов потребления, натуральным налогом в пользу государства, в виде отчисления части продуктов их производства».

То, что натуральный налог уже в 1919 г. не получил дальнейшего развития, объясняется переходом в этот момент к продразверстке как к единственной форме, обеспечивающей успех заготовкам. Продразверстка характеризуется глубоким государственным вторжением в область распределительных отношений, в которой растворился натуральный налог. Важно подчеркнуть, что декрет СНК от 11 января 1919 г., устанавливающий разверстку зерновых хлебов и фуража, говорит об отчуждении продукции у населения по твердым ценам. В дальнейшем (в 1919/20 г.), когда разверстка получила развитие и распространение на все виды заготавливаемых сельскохозяйственных продуктов, осталась в действии система обязательного товарообмена.

Продразверстка не могла, конечно, служить базой для установления правильных экономических взаимоотношений между городом и деревней, однако она сыграла крупнейшую роль в обеспечении революции ресурсами, обеспечении материальной базы для штурмовой атаки пролетариата на капитал, для политической победы пролетариата, укрепления его политических связей с пролетарскими и полупролетарскими слоями деревни, а тем самым для установления союза с середняцкой массой крестьянства. Огромнейшая роль разверстки иллюстрируется следующими данными: общее количество заготовленного хлеба и зернового фуража составляло в 1917/18 г. 47,5 млн. пуд., в 1918/19 г. — 107,9 млн. пуд., в 1919/20 г. — 212,5 млн. пуд. и в 1920/21 г. — 367 млн. пуд.¹⁾ В 1919/20 и 1920/21 гг. к разверстке хлебо-фуража присоединилась разверстка целого ряда других продуктов сельского хозяйства, почти удвоившая общую сумму изъятий в порядке продразверстки. Значение приведенных цифр еще ярче выявляется, если мы их сопоставим с денежными налоговыми поступлениями в соответствующие годы. По исчислениям С. А. Голованова («На новых путях», вып. II, стр. 10), налоговые поступления составляли в бюджете 1918 г. 153,2 млн. зол. руб., в 1919 г. — 10,2 млн. руб., в 1920 г. з 0,2 млн. руб.²⁾

¹⁾ «Четыре года продовольственной работы» — отчетные материалы Наркомпрода, 1922 г., стр. 132, данные за 1920/21 г.

²⁾ В цифру 1918 г. включен и чрезвычайный революционный налог; дан-

7. Эмиссия и прочие неналоговые доходы

Но натуральными методами изъятия и перераспределения пролетарское государство не могло извлечь всей той доли народного дохода, которая была необходима для финансирования революционной борьбы. На полулегальном и нелегальном рынке обращались значительные товарные ресурсы, и государству необходимо было, ведя борьбу с частными рынками, одновременно максимально использовать имеющиеся в его распоряжении рычаги в целях привлечения этих ресурсов на дело снабжения армии и городских рабочих. Денежные налоги оказались весьма слабыми рычагами для решения этой задачи в конкретных условиях военного коммунизма. Более эффективным инструментом оказалась эмиссия, которую мы можем на этом этапе рассматривать как чисто финансовый метод перераспределения народного дохода. Пока существовала оплата по твердым ценам заготавливаемой государством с.-х. продуктов, продукции, распределяемой государством, а также и услуг государства (транспорт, жилища, коммунальные услуги и т. д.), эмиссия выполняла перераспределительную функцию и на этом участке хозяйственных связей. Однако в силу нарастающего разрыва между твердыми и рыночными ценами¹⁾ сколько-нибудь серьезного эффекта эмиссия в данном случае не давала. В последний же год военного коммунизма, когда заготовка, распределение и предоставление услуг производились без денежной оплаты, перераспределительная роль эмиссии в этой сфере хозяйственных отношений равна была нулю. **Главное значение эмиссии заключалось в ее роли, как рычага перераспределения пролетарским государством ресурсов, обращающихся на полулегальном рынке.**

Снабжая дензнаками государственные органы и предприятия, добавляя к натуральному пайку рабочих и служащих известную сумму денежных ресурсов, государство рассчитывало не на возможную реализацию их в сфере легального государственного оборота, а исходило из того, что дензнаки пойдут на «Сухаревку».

Эффективность эмиссии не исчерпывается только той массой хозяйственных благ, которые были мобилизованы этим орудием бюджетной системы, но должно быть учтено и ее значение в качестве перераспределителя ресурсов в пользу пролетариата. Это означало совершенно противоположную социальную роль эмиссии по сравнению с той, какую она обычно выполняет в системе капиталистического хозяйства. Если раньше так широко исполь-

ные выведены не на основе точного подсчета и в известной степени даже преувеличивают фискальную продуктивность денежного обложения.

¹⁾ Если судить по стоимости пищевого пайка в 2.700 калорий, то волевые цены, по данным Фалькнера («Проблема теории и практики эмиссионного хозяйства», стр. 150—151), превосходили твердые:

в первой четверти	1919 г.	в 7 раз
во второй	» 1919 »	» 12 »
в третьей	» 1919 »	» 14 »
в четвертой	» 1919 »	» 23 »
в первой	» 1919 »	» 46 »

зованная царским и Временным правительством эмиссия всей своей тяжестью обрушилась на трудящихся, то в период военного коммунизма она служила интересам рабочего класса, была острейшим оружием, подрезавшим экономическую мощь буржуазии.

Эффективность эмиссии, т. е. ценность извлеченных материальных ресурсов, по данным Е. Преображенского, выражалась в следующих цифрах (в миллионах довоенных рублей):

	Извлечено путем продразверстки	Извлечено путем эмиссии
В 1918/19 г.	127	523
„ 1919/20 „	253	390
„ 1920/21 „	451	200

Денежная масса обслуживала поток материальных ценностей тройкого рода: оборот внутри социалистического сектора и между ним и населением, легальный рынок в отведенных ему границах местного товарооборота и, наконец, нелегальный рынок. Первую сферу оборота эмиссия обслуживала в 1918/19 г., когда существовала еще оплата по твердым ценам; с конца же 1919 г. и в 1920 г. эту свою роль она утратила. В этот же период эмиссия играет еще известную роль в полулегальном рыночном обороте, но в 1920 г. и в первой половине 1921 г. сфера ее почти целиком исчерпывается связями с нелегальным рынком и внутри последнего.

Из приведенных цифр мы видим, что вся сумма изъятий путем эмиссии составила 1.113 млн. довоенных руб. и превысила примерно на 300 млн. руб. изъятия путем продразверстки. Однако на протяжении рассматриваемого периода роль эмиссии и продразверстки изменилась в противоположных направлениях; если в 1918/19 г. эмиссия дала почти в $4\frac{1}{2}$ раза больше, чем продразверстка, то в 1920/21 г., наоборот, получения по продразверстке в $2\frac{1}{4}$ раза превысили поступления от эмиссии, при чем за 2 года доход от эмиссии упал более чем в $2\frac{1}{2}$ раза, а поступления от продразверстки возросли почти в 4 раза. Сумма реальных ценностей, которые государство ежемесячно извлекало путем эмиссии, может быть иллюстрирована следующими данными (в млн. руб. по индексу статистики труда):

Ноябрь — декабрь	1917 г.	287,7
Первое полугодие	1918 »	62,3
Второе »	1918 »	27,1
Первое »	1919 »	19,3
Второе »	1919 »	18,1
Первое »	1920 »	10,1
Второе »	1920 »	10,2
Первое »	1921 »	5,6

Самая низкая точка приходится на июль 1921 г., когда ценность эмитированных бумажных денег составила всего 2,2 млн. руб.

Таким образом, эмиссия, продразверстка и, в известной сте-

пени, денежные налоги — таковы рычаги, обеспечивавшие материальными ресурсами пролетарскую революцию в один из самых трудных и переломных моментов. Но материальная база революции была гораздо шире этих указанных трех источников. Отразилась ли она полностью в финансовой организации периода военного коммунизма? Ответ на это мы получим, если обратимся к натуральной части государственного бюджета и посмотрим, как отразились в ней распределительные и перераспределительные отношения в государственном секторе народного хозяйства.

О взаимоотношениях, которые складывались между финансовой системой и государственным сектором хозяйства, говорит решение VIII съезда партии: «Что же касается покрытия непосредственных государственных расходов в переходную эпоху, то РКП будет отстаивать переход от системы контрибуции с капиталистов, которая была исторически необходимой и законной в первое время социалистической революции, к прогрессивному подоходному и поимущественному налогу. А поскольку этот налог переживает самого себя в силу широкопроводимой экспроприации имущих классов, **покрытие государственных расходов должно покоиться на непосредственном обращении части дохода от различных государственных монополий в доход государства**» (подчеркнуто нами. — Ред.). Несмотря на то, что бюджетное законодательство стремилось пойти даже дальше, не ограничиваясь только «обращением части дохода от различных государственных монополий», но стремилось и отразить в бюджете валовой оборот в государственном секторе, эти попытки на практике остались незавершенными, и неналоговые доходы бюджета только в незначительной части отражали действительное передвижение ценностей в государственном секторе хозяйства.

Так, в первой половине 1919 г. (сметные правила от 24/V 1919 г.) намечалась необходимость учета в государственном бюджете всех доходов и расходов национализированной промышленности; хотя размер ресурсов промышленности, перераспределенных через госбюджет, трудно установить, так как взаимные расчеты между промышленностью и госбюджетом были не налажены, все же бесспорно, что передвижение значительной части ресурсов в обобщественном секторе ускользало от денежного учета и не находило своего отражения в государственном бюджете. Если же поставить вопрос в плоскости баланса взаимных расчетов между промышленностью и бюджетом, то в общем можно будет констатировать, что, несмотря на падение продукции промышленности до 15 — 20 % довоенного производства, она являлась весьма важным источником для покрытия общегосударственных нужд, при чем весьма важную роль в этом отношении сыграло использование запасов сырья и прочих элементов производства.

Распределение для государственных нужд продуктов промышленности шло зачастую помимо бюджета; с другой стороны, и ресурсы, необходимые для работы промышленности, поступали в большинстве случаев не через бюджетные каналы. Но если удалось бы подсчитать взаимный поток ресурсов, исходя из предпосылки полного охвата бюджетными расчетами, то несомнен-

но получили бы положительное сальдо в пользу бюджета. Иначе говоря, госбюджет в те трудные и напряженные годы не мог играть роли рычага, перераспределяющего народнохозяйственные ресурсы в пользу промышленности. Такое положение вполне естественно, если вспомнить, что задачи расширенного производства не могли быть развернуты пролетарским государством в тот период, а удовлетворение неотложных потребностей гражданской войны в условиях разрухи обуславливало сокращение основных фондов страны.

Другие неналоговые объекты в государственном бюджете, также не поддающиеся учету, играли незначительную роль. Так, огромный национализированный фонд лесных богатств дал возможность широко использовать натуральные заготовки для нужд государственных учреждений и снабжения городского населения топливом и материалами, но в бюджете это не находило никакого отражения. Сельское же население заготавливало строительные материалы и дрова фактически без оплаты государству за использование лесного фонда. Другие отрасли национализированного хозяйства, как железные дороги, морской и речной транспорт, внешняя торговля и пр., в силу глубокого их расстройств и резкого сокращения объема их деятельности не могли пополнить ресурсами государственный бюджет, тем более, что была установлена бесплатность транспортных услуг, при чем движение этих ресурсов не могло быть уловлено бюджетом. Таким образом, невозможно сделать кокой-либо цифровой подсчет неналоговых ресурсов государственного бюджета в период военного коммунизма. Теоретически мы можем исходить из того положения, что все созданные в государственном секторе ценности представляли собой неналоговые доходы бюджета. Одно ясно, что ресурсы государственного сектора участвовали большой долей в общей массе ценностей, определивших материальную базу пролетарского государства.

8. Бюджетное строительство в годы военного коммунизма

Специфические особенности военного коммунизма привели к тому, что финансовые методы перераспределения погружались в общую экономическую систему распределительных отношений. Таким образом, финансовые ресурсы сливались в ряде случаев с понятием народнохозяйственных ресурсов, что накладывало свою печать на всю бюджетную организацию того периода. Если эта тенденция сразу не улавливается в бюджетах этих лет, то ее легко заметить в самом бюджетном законодательстве и в ряде проектов, разработанных, но не реализованных.

За период 1918—1920 гг. были составлены бюджеты полугодовые: на январь—июнь 1918 г., на июль—декабрь 1918 г., на январь—июнь 1919 г., на июль—декабрь 1919 г. и один годовой — на 1920 г.

Бюджетные предположения составлялись обычно ко времени окончания, утверждались же к самому концу или даже после окончания тех периодов, на какие они назначались. Однако, и это

не гарантировало полного охвата доходных и расходных смет народных комиссариатов; в частности расходные назначения не включали широко практиковавшихся сверхсметных назначений. Таким образом, бюджеты периода военного коммунизма далеко не полно отражали денежный оборот в государственном секторе народного хозяйства. Тем не менее нельзя отрицать за бюджетами того периода организационного значения как плана денежного хозяйства, государственного хозяйства республики и финансовой базы государства пролетарской диктатуры. В этих планах неизбежно выражалась раздвоение экономики военного коммунизма на легальную с твердыми ценами и на сферу полулегального оборота с его стихией частных цен. В связи с этим одна часть доходов и расходов, показываемых в бюджете, выражалась в твердых ценах, а другая—в ценах, по которым государство взимало материальные ресурсы из нелегального рынка. По мере углубления натурализации хозяйственных отношений первые резко уменьшались по своей роли в бюджете, вторые же все больше охватывали бюджет, **превращая его в план денежных расходов государства за счет эмиссии бумажных денег.**

Эмиссия бумажных денег все больше превращалась в единственный источник покрытия государственных расходов, и деятельность печатного станка становилась главной функцией финансового аппарата. Выпуском эмиссии ведал вначале Народный банк РСФСР, но понятно, что эмиссия, не будучи обеспечена какими-либо пассивами банка, носила чисто казначейский характер, при чем сам банк перестал быть банком в экономическом понимании этого слова, ибо его функции банковского кредитования были мизерны и сохранялись известное время лишь в отношении кооперации. Логическим завершением явились ликвидация Народного банка в январе 1920 г. и передача его функций в Народный комиссариат финансов. К этому времени бюджетная работа Наркомфина в основном сводилась к распределению денежных знаков. Эта своеобразная функция Наркомфина не была все же совершенно «технической». Денежными знаками не могли быть удовлетворены все ведомства и все их многочисленные заявки. Надо было руководствоваться в деле их распределения такими расчетами, чтобы обеспечить наиболее ударные, с точки зрения того момента, участки военного и хозяйственного фронта. Центр стремился «бронировать» определенные суммы за теми или другими ведомствами, и фактические распределения зачастую сильно отклонялись от кредитов, открытых учреждению, в виду чего открытые кредиты не гарантировали фактического получения дензнаков. Центр рассылал деньги на места вагонами, и здесь местные власти должны были руководствоваться при распределении их принципом ударности и важности отдельных участков для революционной борьбы пролетариата. Эта «борьба» между ведомствами за дензнаки показывает, что эмиссия, несмотря на катастрофическое обесценение денег, представляла собой в известной степени эффективный метод изъятия и перераспределения хозяйственных ценностей и что необходимо было отыскать известный оптимум для удовлетворения за счет эмиссии наиболее насущных потребностей пролетарского государства. Необходи-

димость планирования распределения эмиссии вызвала создание в феврале 1920 г. «Особой междуправительственной комиссии по распределению денежных знаков» из представителей важнейших комиссариатов. Метод «бронирования» охватывал все больше неотложных потребностей, и к 1920 г. почти вся эмиссия предназначалась для таких забронированных потребностей, что, естественно, внутренне отрицало самый этот метод распределения денежных знаков. В середине 1920 г. был отменен метод бронирования, и все дело распределения денежных знаков было централизовано в Народном комиссариате финансов.

Общие итоги доходов и расходов по бюджетным предположениям за 1918—1920 гг. выражаются в утвержденных росписях и сметах в следующих суммах¹⁾ (в миллионах бумажных рублей):

Бюджетные периоды	Расходы	Доходы	Превышение расходов над доходами	Процентное отношение дефицита к общ.м. итогу расходов
Январь—июнь 1918 г.	17.603	2.853.	14.750	83,8
Июль—декабрь .	26.103	16.727	16.376	56,3
Весь 1918 г. . .	43.706	19.580	31.126	66,6
Январь—июнь 1919 г.	50.703	20.350	30.353	59,9
Июль—декабрь .	164.699	28.609	136.090	82,6
Весь 1919 г. .	215.402	48.959	166.443	77,3
1920 г.	1.215.159	159.604	1.055.555	86,9

Известное представление о реальном значении этих цифр можно получить, если перевести бумажные деньги в довоенные золотые рубли по индексу статистики труда (в млн. руб.)²⁾:

Годы	Доходы	Расходы
1918	199,7	594,6
1919	63,1	277,6
1920	19,4	147,8

Эта таблица показывает, что мы имели не реальное использование бюджетов, а сметные предположения, при чем цифры, показывающие превышение расходов над доходами, означали дефицит, который должен был быть покрыт эмиссией бумажных денег. Разработанных материалов, характеризующих исполнение бюджетов, не имеется; приведенные цифры характерны для иллюстрации все возрастающего по годам военного коммунизма удельного веса эмиссии в покрытии денежных расходов го-

¹⁾ Данные позаимствованы из книги «Социальная революция и финансы», сборник к III конгрессу Коминтерна, изд. НКФ, стр. 94.

²⁾ Данные из статьи К. Ф. Шмелева в сборнике «Основы финансовой системы СССР», стр. 90.

сударства. Совершенно справедливо отмечает т. Сокольников, что «если у кого-нибудь явился бы соблазн принять бюджеты 1918—1919 гг. (и, конечно, 1920 г. — **Ред.**) за действительное выражение доходов и расходов всего государственного аппарата, то, конечно, это могло бы повести к величайшему недоразумению»¹⁾, потому что, во-первых, цифровое значение бюджета в бумажных деньгах не дает еще никакого представления о реальном значении ресурсов, охваченных и перераспределенных госбюджетом; во-вторых, денежные доходы слабо улавливали натуральный оборот.

Что же можно считать доходными источниками государственного бюджета периода военного коммунизма? Теоретически к ним можно отнести ресурсы крестьянского хозяйства, которые были изъяты государством в порядке продразверстки; продукцию промышленности и других государственных отраслей народного хозяйства; использование запасов и резервов и, наконец, те реальные народнохозяйственные ресурсы, которые государство получило для покрытия своих общегосударственных нужд посредством бумажной эмиссии.

С такими же трудностями мы сталкиваемся при попытке дать какое-либо цифровое выражение местным финансам периода военного коммунизма. Конституция РСФСР, дающая общие начала бюджетного права, категорически подтверждала существование местных бюджетов. В декабре 1918 г. было издано положение о денежных средствах и расходах местных советов. Но процесс натурализации хозяйственных отношений, уменьшение роли денежных налогов и постепенный переход к бесплатности услуг коммунального хозяйства свели на-нет доходные источники местного бюджета, и последний стал покрывать свои расходы за счет пособий из общегосударственных ресурсов. Эта система делала более целесообразным перенести расходы местного бюджета на общегосударственный бюджет, что было окончательно завершено XI сессией ВЦИК в июле 1920 г., решившей слить систему местных финансов с общегосударственным бюджетом. В какой степени в вышеприведенных цифрах госбюджетов находят отражение и слившиеся с ними местные финансы — выяснить представляется трудным.

Необходимо отметить в бюджетном законодательстве того периода попытки найти новые формы и методы бюджетного строительства. В конце 1920 г. была создана комиссия по выработке схемы и оснований материального бюджета. По ее докладу Советом народных комиссаров 26 января 1921 г. был утвержден ряд принципиальных моментов нового построения бюджета. В комиссии были представлены два течения, охарактеризованные в официальном издании Наркомфина²⁾ следующим образом:

«Одно течение, понимая под бюджетом-брутто совокупность оборотов всех без исключения принадлежащих государству материальных ценностей, придает бюджету-нетто характер исчислений материальных ценностей, только подлежащих потреблению

¹⁾ Сокольников, «Финансовая наука», изд. 1-е, вып. I, стр. 26.

²⁾ «Социальная революция и финансы», стр. 114—115.

и непосредственному использованию в том виде и состоянии, в каком они находятся (готовые к потреблению блага). Все же прохождение материальных благ в стадии обработки и переработки учитывается в оборотных материальных счетах соответствующих ведомств.

«Другое течение рассматривает бюджет, как хозяйственный учет всех происходящих в течение бюджетного периода изменений в составе и стоимости всей хозяйственной массы ценностей, находящихся в распоряжении государства. Таким образом, бюджет входит в систему государственного материального учета как составная его часть и строится как составная часть государственного баланса...».

Эти два течения, таким образом, отражали две точки зрения относительно путей превращения бюджета в народнохозяйственный баланс — путем бюджета-нетто и бюджета-брутто. СНК в указанном заседании дал общие указания в духе позиций построения нетто-бюджета. Эти тенденции не успели получить сколько-нибудь законченного выражения. Последовавший вскоре переход к новой экономической политике выдвинул новые методы и пути построения бюджета.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Почему необходимо изучение этапов развития советских финансов и какое значение имеет изучение финансов дооктябрьской России?
2. Чем характеризуется финансовое положение России за годы империалистической войны и какие требования в области финансов выдвинуты были партией на путях к Октябрю?
3. В чем выразилось принципиальное отличие советских финансов от финансов капиталистических государств в финансовом строительстве после Октября (до военного коммунизма)?
4. Каковы основные методы финансирования гражданской войны в годы военного коммунизма, чем они были обусловлены и почему происходило возрастание роли натуральных форм мобилизации ресурсов?
5. Какое значение и какую роль сыграли за годы военного коммунизма эмиссия и продразверстка и почему нельзя отождествлять последнюю с натуралом?
6. Чем характеризуется бюджетное строительство за годы военного коммунизма?

ГЛАВА III

ФИНАНСЫ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМ И РЕКОНСТРУКТИВНОМ ПЕРИОДАХ НЭПА

1. Переход к нэпу и финансы (XI съезд партии о задачах финансовой политики)

Еще в 1919 г. В. И. Ленин указывал, что «с точки зрения основной экономической проблемы диктатуры пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом». «Основная экономическая сила, — говорил он в 1922 г., — все решающие крупные предприятия, железные дороги и т. п., — они все в наших руках... Экономическая сила в руках пролетарского государства России совершенно достаточна для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму»¹⁾. Однако переход к купле-продаже, при огромном удельном весе в народном хозяйстве мелкотоварного сектора означал создание условий для роста капиталистических отношений, ибо «пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Каждый, внимательно наблюдающий за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последняя держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество. Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны»²⁾.

Таким образом, переходная экономика двойственна по своей природе, ибо она включает в себя и растущие элементы социализма, и преодолеваемые элементы капитализма. Эта двойственность обуславливает особо революционный характер переходной экономики, обострение борьбы между социалистическими и капиталистическими элементами, необходимость мобилизации всех сил и ресурсов на осуществление генеральной линии партии, рассчитанной на ликвидацию капиталистических элементов и социалистическую переделку мелкотоварной экономики, на полную и окончательную победу социализма. Нэп и является единственно-

¹⁾ Ленин, т. XXVII, стр. 244.

²⁾ Ленин, т. XXVI, стр. 46.

правильной политикой пролетариата, обеспечивающей решение этих задач, превращающей возможность победы социализма в действительность, «Россию нэповскую в Россию социалистическую»... Отсюда следует, что нельзя рассматривать нэп с точки зрения какого-либо отдельного его этапа. Нэп представляет собою политику, рассчитанную на **допущение капитализма при наличии командных высот** пролетарского государства, рассчитанную на **возрастание** роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанную на **победу** социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанную на **уничтожение классов**, на постройку фундамента социалистической экономики. Это определение нэпа, данное тов. Сталиным, с классической ясностью вскрывает существо нэпа, ее двойственный характер и ее многогранность, как политики, включающей в себя ряд переходов в зависимости от конкретного соотношения классовых сил в стране.

В первые годы нэпа (в т. н. восстановительный период) основной задачей победившего в гражданской войне пролетариата было восстановление разрушенных в годы империалистической и гражданской войн производительных сил страны на основе укрепления социалистических командных высот, овладения сферой товарооборота, укрепления торговой смычки города с деревней. Тем самым подготовлялись условия перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства и к социалистическому настижению по всему фронту. С точки зрения накопления основ социалистической реконструкции переходного хозяйства, овладения рыночными формами связей, организации и упрочения торговой смычки города с деревней, организации и вытеснения капиталистических элементов в городе и деревне, организации процесса расширенного воспроизводства социалистических командных высот и должны рассматриваться финансы и их роль в этом первом восстановительном периоде нэпа. При этом сюда включается как элемент наступления организация самой финансовой системы.

Если в восстановительный период мы воспроизводили социалистические элементы в народном хозяйстве в основном на старой материально-технической базе, то **в области финансов с переходом к новой экономической политике, мы заново создавали всю финансовую систему.** Как указывалось ранее, финансовая система дооктябрьской России находилась в состоянии полного развала к моменту пролетарской революции. Октябрь окончательно уничтожил ее основы и обусловил необходимость строительства новой советской, принципиально отличной финансовой системы. Условия и задачи периода обостренной гражданской войны не только не обеспечивали решения этой необходимости, но привели к отрицанию финансов, как особой системы рычагов во всем сложном механизме экономической политики пролетарской диктатуры. Вот почему только с переходом к новой экономической политике мы начали работу над созданием советской финансовой системы.

В первые годы восстановительного периода (1921—24 гг.) в центре внимания в области финансового строительства находи-

лись денежная реформа, формирование методов перераспределения и создание финансовых институтов. Исходным моментом здесь является замена продразверстки продналогом, ибо если во всей системе экономических мер пролетариата эта замена является краеугольным камнем нэпа, представляя собою «прежде всего и больше всего вопрос политический, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству» (Ленин)¹⁾, то в области финансов она означает переход от системы распределительных отношений периода военного коммунизма, не оставляющих места финансовым методам изъятий и перераспределения, к новой системе отношений, при которой должны быть широко созданы финансовые рычаги перераспределения народного хозяйства в соответствии с задачами социалистического наступления.

Продовольственный налог представлял собою переходную форму к новой системе экономической политики и соответственно к новой системе налогового отношения. «Продовольственный налог, — говорил Ленин, — представляет собой меру, в которой мы видим и кое-что от прошлого, и кое-что от будущего. Налог — это значит то, что государство берет с населения без всякого вознаграждения... С одной стороны (государство. — Ред.), хочет опереться на налог, определяя его приблизительно вдвое меньше, чем была перед этим разверстка; с другой стороны, хочет опереться на обмен продуктов промышленности на те или иные излишки крестьянского производства. Значит в налоге есть частица прежней разверстки и есть частица того порядка, который один только представляется правильным, именно обмен продуктов крупных социалистических фабрик на продукты крестьянского хозяйства»²⁾. Основная сущность продналога заключалась именно в том, что он открывал пути для новой системы хозяйственных связей города и деревни — на основе рыночного обмена.

На X съезде партии В. И. Ленин следующим образом охарактеризовал эту основную роль продналога: «Разверстка предполагала: изъять все излишки, установить обязательную государственную монополию. Мы не могли поступить иначе, мы были в состоянии крайней нужды. Теоретически не обязательно принимать, что государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма. Как переходную меру в стране крестьянской, которая имеет промышленность, — а промышленность работает, — и, если есть некоторое количество товаров, возможно применить систему налога и свободного оборота. Этот самый оборот — стимул, побудитель, толчок для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес потому, что с него не возьмут излишков, а только налог, который по возможности будет определен заранее. Основное — чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому землевладельцу в его хозяйствовании»³⁾.

¹⁾ Ленин, т. XXVI, стр. 237.

²⁾ Там же, стр. 299.

³⁾ Там же, стр. 247.

Замена изъятий излишков крестьянского хозяйства изъятием только определенной части продукции, при свободе распоряжения остающейся частью продукции, обусловила необходимость изменений в организации управления промышленностью на основе рыночных отношений и переход к опосредствованию народно-хозяйственных связей денежными формами.

Вместе с тем коренным образом меняется вся система распределительных отношений. Финансы приобретают совершенно иную роль во всей системе экономической политики пролетарского государства. Принципиальное изменение роли финансов, необходимость воссоздания целого комплекса финансовых методов, аккумулирующих и перераспределяющих народный доход в условиях новой экономической политики, обусловлено не только восстановлением рынка и свободной торговли, но главным образом тем, что «экономика страны вступала в полосу хозяйственного подъема на базе совершенно отличных методов хозяйственного планирования и руководства. Замена прямого централизованного учета и распределения продуктов восстановлением принципа хозрасчета и платности за услуги в обобщественном секторе плюс рыночная форма связи города и деревни потребовали соответствующей организации и денежного хозяйства» (А. Маймин. «Экономическая жизнь» от 7/XI 1932 г.).

При новых методах хозяйственного планирования и руководства вопросы финансового хозяйства заняли весьма важное, а на первый период даже центральное место. Начиная с середины 1921 г., вопросы финансового строительства отражены в ряде важнейших партийных документов (резолуции XI всероссийской конференции РКП в декабре 1921 и IX всероссийского съезда советов, резолюции XI съезда партии в марте — апреле 1922 г. и т. д.).

Известно также, с каким глубоким вниманием следил В. И. Ленин за созданием советской финансовой системы.

Развернутая конкретная программа финансового строительства, являющаяся одним из основных материалов для уяснения существа советских финансов, была дана XI съездом партии. В резолюции съезда о финансовой политике устанавливается прежде всего необходимость полного преодоления натуральных отношений в народном хозяйстве, которые играли еще весьма заметную роль в первый год новой экономической политики. Достижение этой цели, — говорится в резолюции, — возможно «только при таком урегулировании отношений государства и рынка (мелкобуржуазного и частнокапиталистического), которое обеспечивало бы устойчивое и надежное функционирование снабжения (сырьем, материалами и продовольствием) государственной промышленности, армии и администрации через механизм цен и прекращение обесценения денежных знаков. Прекращение обесценения денежных знаков и стабилизации цен возможны лишь на основе упорядочения всей финансовой системы государства, в частности установления реального бюджета, сведения последнего без дефицита и увеличения товарообмена в стране».

В области финансовой работы резолюция съезда, следовательно, выдвигала на первый план две основные задачи: стабилизацию рубля и ликвидацию бюджетного дефицита. Предпосылкой для разрешения этих задач служило направление всей нашей экономической политики в сторону быстрой ликвидации методов хозяйствования периода военного коммунизма, перевод всего народного хозяйства на рельсы товарно-денежного хозяйства, разгрузка бюджета от чрезмерных расходов путем сокращения государственного аппарата и перевода госпредприятий на хозрасчет.

Снятие с государственного бюджета ряда предприятий не означало устранения зависимости между государственным бюджетом и финансовыми предприятиями. Без укрепления командных высот, в частности промышленности, «невозможно никакое серьезное оздоровление финансов» (резолюция XI съезда) и, наоборот, оздоровление финансов являлось существеннейшей предпосылкой для упорядочения государственного финансирования промышленности и торговли. Но снятие ряда предприятий с госбюджета и перевод их на хозрасчет по-новому устанавливали финансовые связи и обеспечивали рост заинтересованности госпредприятий в финансовых результатах своей деятельности, ликвидацию «иждивенческих» отношений к госбюджету. Эта связь между госбюджетом и предприятиями социалистического сектора характерна для переходной экономики.

Намеченные партией мероприятия должны были подготовить почву для решения основной и важнейшей финансовой задачи — задачи стабилизации рубля путем «сначала сокращения, а затем и прекращения бумажно-денежной эмиссии. Эта важнейшая задача, проведение которой в жизнь должно быть начато немедленно, может быть полностью разрешена только на основе роста производительности труда, увеличения государственных доходов от национализированной промышленности и особенно успешного проведения налоговой политики» (из резолюции XI съезда).

В области налоговой политики XI съезд партии указал двойственную социально-экономическую роль налогов как оружия революционной политики пролетариата в переходную эпоху по отношению к капиталистическим элементам и как важнейшего источника питания государственного бюджета ресурсами. Установив в качестве общей линии развития финансовой системы необходимость, по мере построения налогового аппарата и развития системы прямого обложения, постепенного отказа от косвенных налогов, съезд подчеркнул в качестве ближайшего конкретного мероприятия задачу максимального развития косвенного обложения как более легко осуществимого.

Развитие хозяйства на основе новой экономической политики требовало организации разветвленной кредитной сети во главе с Государственным банком. При этом именно на Госбанк, как центральный кредитный институт, возлагалась непосредственно задача регулирования денежного обращения, а также завоевание прочных позиций во внешней торговле, что являлось одним из важнейших звеньев в цепи мероприятий, подготовлявших прове-

дение денежной реформы. Несмотря на труднейшее положение нашей экономики и финансов, съезд категорически отверг всякие предложения о возможности привлечения иностранного капитала к делу оздоровления советских финансов и стабилизации советского рубля. «Эмиссионное право, — говорит резолюция съезда, — не может быть ни при каких условиях предоставлено иностранным банкам». За Госбанком закрепляется функция единственного эмиссионного центра в стране.

Вся намеченная съездом программа финансового строительства была направлена к тому, чтобы «в кратчайший срок укрепить завоеванную политическую власть, подведя под созданный в процессе борьбы финансовый аппарат прочную финансовую базу». В свете этих решений особенно ясно видна ложность буржуазных и оппортунистических «теорий», рассматривающих задачи финансового строительства при нэпе, как выражение отступления, и сводящих роль финансов главным образом к тому, чтобы «проложить пути», стимулировать развитие государственного капитализма. Так, например, А. Гринштейн следующим образом характеризовал роль финансов государственного капитализма: «В этой системе вопросы финансового порядка заняли одно из самых центральных мест. Если в период старой экономической политики вопрос ставился так, что государственные финансы должны раствориться в общей системе народного хозяйства, то после, при новой экономической политике, вопрос ставился так, что финансовая политика советской власти должна послужить мощным рычагом, при посредстве которого советское государство должно воздействовать на народное хозяйство, должно направить его в русло государственного капитализма»¹). Эта троцкистско-зиновьевская концепция нэпа и роли финансов в переходной экономике смыкается с буржуазно-вредительской установкой Юровского, рассматривавшего советскую экономику как одну из разновидностей капиталистической экономики. Именно как «возврат к капитализму» и расценивалась Юровским постановка задачи укрепления финансов и денежного обращения. «Признание рынка, — писал он, — изменило всю структуру государственного хозяйства. Продукты стали вновь товарами, независимо от того, кто их производит. Производство и распределение товаров стало вновь подчиняться законам обмена. Категория цены, которую в предшествующий период стремились заменить какой-либо иной категорией, опять вступила в свои права. Денежный оборот должен был снова сделаться корелатом товарного оборота. Товарное хозяйство становилось денежным хозяйством. Проблема денежного обращения вновь выдвигалась на первый план»²).

В противовес всем этим реставраторским теориям XI съезд партии установил, что отступление при переходе к нэпу закончено и что задача заключается в том, чтобы перегруппировать силы и начать наступление на капиталистические элементы города и деревни, используя в качестве существеннейшего орудия

¹) В предисловии к книге «Ленин о финансах и денежно-кредитных вопросах», ГИЗ Украины, 1925 г., стр. 23.

²) Юровский, «Денежная политика советской власти», стр. 128—129.

наступления финансовую систему. «Историческая роль первого пролетарского государства—Советской России—будет выполнена тем полнее, чем быстрее она сбросит с себя обессиливающую его нищету, голод и разорение и осуществит свою экономическую и финансовую мобилизацию для дальнейшей борьбы за социализм».

2. Денежная реформа и госбюджет

Как указывалось выше, осуществление программы финансовой мобилизации для борьбы за социализм надо было начинать с решения двух основных задач, представляющих собою две стороны одной и той же проблемы: установления твердой валюты и бездефицитного бюджета. Ликвидация дефицита в бюджете являлась необходимой предпосылкой проведения денежной реформы, и вместе с тем установление твердой валюты должно было способствовать оздоровлению бюджета. Недостаточное развитие налоговой системы и других, помимо эмиссии, методов мобилизации бюджетных ресурсов не позволяло осуществить денежную реформу или хотя бы резко сократить, сведя к минимуму, бюджетный дефицит, покрываемый эмиссией совзнаков, в первые годы новой экономической политики. Только усилением роли бюджета как перераспределителя народного дохода по линии налоговых изъятий, аккумуляции и перераспределения ресурсов обобщественного сектора (неналоговые доходы) и развития займовых операций можно было постепенно сжимать рамки необходимой бумажно-денежной эмиссии и подготовить переход к бездефицитному бюджету. Вместе с тем нужно было провести оздоровление бюджета постепенным освобождением его от натуральных форм изъятий, сохранившихся в первые годы нэпа в форме продналога и трудгужповинности.

При этом задача стабилизации рубля могла быть осуществлена лишь в меру оздоровления бюджета, что и нашло выражение в ходе денежной реформы. Первым актом по линии денежного обращения явилась дважды проверенная (в 1921 и 1922 гг.) «деноминация», т. е. переименование совзнаков: сначала были выпущены дензнаки образца 1922 г., 1 рубль в которых приравнивался 10.000 руб. в дензнаках прежних выпусков, а затем дензнаки образца 1923 г., соотношение номинала которых к дензнакам 1922 г. устанавливалось как 1:100; эти деноминации преследовали, однако, только задачи облегчения счета и денежного обращения. Непосредственно начало денежной реформы было положено декретом от 11/X 1922 г., предоставившим Госбанку право выпускать банковые билеты, обеспеченные на 25% золотом или иностранной валютой, а на остальную сумму краткосрочными векселями или легко реализуемыми товарами. Выпуск банковых билетов (червонцев), воспринятых оборотом в качестве устойчивых денежных знаков, создал систему параллельного бумажно-денежного обращения, ибо госбюджет еще нуждался в совзнаке как средстве покрытия бюджетного дефицита. Сокращение сферы обращения совзнаков, теснимых устойчивыми червонцами, означало неизбежность в этих условиях

огромного ускорения обесценения совзнаков, что угрожало и стабильности червонца. Но как переходная мера, система параллельного совзначно-банкнотного обращения создавала в целом благоприятную обстановку для созревания предпосылок, необходимых для полного завершения денежной реформы, ибо хозяйственный оборот и финансовое хозяйство приобрели в лице червонца устойчивый ценностный измеритель, что способствовало скорейшему переходу к твердой валюте.

Процесс оздоровления госбюджета, как важнейшей предпосылки завершения денежной реформы, дал значительные результаты лишь в 1922/23 бюджетном году. Первый этап борьбы за твердый бюджет — 1921 г. и 9 месяцев 1922 г. — не увенчался ощутимыми результатами. «Ориентировочный бюджет 1922 г., составленный в «золотых рублях» на 9 месяцев, по данным, сообщенным т. Сокольниковым на XI съезде партии, определялся в 1,8 млрд. рублей, дефицит же в этом бюджете был равен 1 млрд. руб. «С таким бюджетом, — говорил т. Сокольников, — конечно, жить нельзя. Выпустить в течение 9 месяцев на 1 млрд. золотом бумажных денег, реальная покупательная способность которых ничтожна, это — задача, которую, конечно, никакому титану, никакому Гознаку при всех усовершенствованиях его техники выполнить не под силу»¹⁾.

Борьба за твердый бюджет требовала жесткого сокращения смет решительно всех наркоматов и снятия с государственного бюджета ряда учреждений, перенесения с государственного бюджета значительной части расходов на местный бюджет и ряда других мероприятий в направлении реализации вышеприведенных решений XI съезда партии. Лишь в 1922/23 и 1923/24 гг. удалось построить бюджеты с относительно сокращающимся по сравнению с общей суммой расходов дефицитом. Огромное значение здесь имело внедрение червонца как устойчивой валюты. Бюджет 1921 г. был составлен в падающих совзнаках, что не обеспечивало возможности его реального осуществления. Девятимесячный бюджет 1922 г. впервые был исчислен в золотых рублях, но фактически он выполнялся в падающей валюте, при чем попытки учесть темпы падения покупательной силы совзнака посредством установления «официальных курсов рубля» не могли устранить отрицательные последствия, представляя, по меткому выражению т. Сокольникова, «систему костылей, на которых ковылял государственный бюджет того времени»²⁾.

Появление червонца позволило перевести все бюджетные расчеты в дальнейшем на червонные рубли. Двойственность в исполнении и исчислении бюджета не исчезла полностью, ибо совзнаки приходилось переводить по курсу червонца; однако здесь была внесена большая устойчивость во все расчеты, ибо червонец не был только условной, абстрактной единицей исчисления, а представлял собой реально обращающуюся валюту, непосредственно соприкасающуюся со всеми элементами хозяйственного и бюджетного строительства.

¹⁾ Сокольников, «Финансовая политика революции», т. I, стр. 145.

²⁾ «Финансовая наука», вып. I, стр. 30.

Анализ бюджетов 1922/23 и 1923/24 гг. характеризует основные направления и результаты процесса оздоровления бюджета. На первом месте необходимо отметить процесс формирования налоговых методов привлечения ресурсов бюджета.

Как было отмечено выше, IX съезд партии на ближайший период установил необходимость введения наряду с прямыми налогами и косвенных налогов. Последние в форме акцизов и таможенных пошлин были введены в действие в течение 1922 г. Одновременно в порядке замены трудгужналога были установлены два прямых налога — общегражданский и денежный налог и введены пошлинные обложения в виде гербового сбора. В общей сложности в 1922 г. в действии находилось 25 видов налогов (кроме продналога), из которых 6 прямых, 13 косвенных и 7 видов пошлин. На ряду с этим шел процесс установления местных налогов.

Этот период строительства налогов характерен экстенсивным ростом налоговой системы с перенесением в новые условия старых форм и методов. Незавершенность налогового строительства, помимо необходимости в дальнейшем перестроить налоговые формы и методы в соответствии с задачами и с социальными отношениями переходной экономики, выражалась еще в сохранения в налоговой системе натурального элемента продналога. По мере развертывания торговли, денежного обращения, рыночных форм связей вставала все настоятельнее задача быстрой ликвидации продналога, замещения его новой формой обложения, исключающей всякие остатки натуральных отношений. В качестве предварительной меры, прощупывавшей возможности этой замены и одновременно проложившей пути для развития советского госкредита, был выпуск I хлебного займа летом 1922 г. Заем носил краткосрочный характер (8 месяцев), был выпущен на 10 млн. пудов хлеба, имел податное обеспечение: принимался в уплату продналога осенью 1922 г. Эта кредитная операция имела значительный успех. В уплату налога поступило облигаций на 6,3 млн. пудов, что показало возможность перевода продналога — основного прямого платежа крестьянства — на рельсы денежного налога. В 1923 г. эта операция была повторена в более крупном масштабе. Второй хлебный заем был выпущен на 100 млн. пудов, сроком на 4 месяца (с 1/XI—23 г. по 1/III—24 г.). Его успех был еще более велик, при чем значительная часть его поступила в уплату уже сельскохозяйственного налога, сменившего в мае 1923 г. прежний продналог.

Вначале сельскохозяйственный налог лишь в части районов был установлен как денежный налог, в остальных же районах он исчислялся в натуральной форме с предоставлением, однако, права налогоплательщикам погашения налога либо натурой, либо деньгами по выбору. Помимо этой задачи постепенного перехода к денежному налогу, введение сельхозналога преследовало также задачу унификации платежей крестьянства. Сельхозналог объединил трудгужналог, общегражданский сбор и подворно-денежный налог, не считая некоторых местных налогов. Несмотря на то, что единый сельхозналог имел громоздкую, сложную структуру и объекты обложения улавливались им в

весьма грубой и неточной форме, все-таки он сыграл значительную роль в подготовке завершения денежной реформы.

Сельхозналог являлся орудием ограничения накоплений у кулацкой части крестьянства и улучшения положения беднейшего крестьянства. Соответствующую роль в городе выполнял подоходно-поимущественный налог, которым облагался не только получаемый доход, но и имущество, не приносящее дохода. Поимущественный характер этого налога мотивировался тем, что новая буржуазия превращала свои доходы в имущество и наоборот, налог же должен был улавливать не только нетрудовые доходы, но и накопления. Развитие частной торговли и денежных отношений дало возможность уже в 1924 г. реформировать его в просто подоходный налог.

Роль подоходно-поимущественного налога в качестве регулятора и перераспределителя накоплений нэповской буржуазии была особенно важна в первые годы нэпа, когда позиция частного капитала в экономике была еще относительно велика. Достаточно указать, что валовая продукция частной и концессионной промышленности составила в 1923/24 г. 1.467 млн. черв. рублей, 25% всей валовой продукции Советского союза¹⁾. Еще больший удельный вес (41%) занимал частный капитал в сфере обращения, в особенности в розничном обороте. Частному сектору принадлежала также значительная часть жилищного фонда страны. Подоходный налог настигал в известной мере и трудовые доходы городского населения, но в силу своей резкой прогрессии он основной и абсолютной своей массой ложился на нетрудовые доходы.

Из других прямых налогов значительной фискальной эффективностью обладал промысловый налог, которым облагались обороты предприятий. Промысловый налог — первый денежный налог, введенный после перехода к нэпу — имел вначале весьма примитивную конструкцию. Он складывался из двух сборов: патентного и уравнительного, при чем патентный сбор зачитывался в счет налога с оборота, являясь как бы авансом, который вносило предприятие в определенные сроки. Впоследствии этот налог подвергся значительным реформам. Далее, в первые годы промысловый налог в большей своей части поступал от обложения частного торгового оборота, являясь также весьма важным регулятором доходов нетрудовых элементов. В то же время через этот налог перераспределялись накопления, образуемые в государственном и кооперативном обороте.

Подведя общий итог налогового строительства до завершения денежной реформы, мы можем установить, что в соответствии с решением XI съезда партии налоги выполняли задачу регулирования процессов накопления, являлись орудием ограничения капиталистического накопления и вытеснения частника на основе развертывания государственной и кооперативной торговли. Усиление этой роли налоговой системы в последующие годы восстановительного периода нэпа является одним из методов реализа-

¹⁾ По данным Т. Рейнгольда, «Основы финансовой системы СССР», сборник статей, стр. 128.

ции решений XIII партконференции относительно вытеснения частного капитала из сферы торговли. «В этой области (в области торговли, — **Ред.**) росту частного капитала должен быть поставлен предел путем усиления хозяйственной роли кооперации и государственной торговли и приспособления их к потребностям и условиям торгового оборота страны... Должен быть принят ряд мер, которые сделают кооперативные организации действительным орудием вытеснения частного капитала».

Среди этих мер указывается и соответствующее воздействие налоговым прессом на нэповские элементы.

Общая эффективность налоговых методов мобилизации бюджетных ресурсов характеризуется следующими цифрами. В бюджете 1922/23 г. налоговые поступления составили 407,3 млн. черв. руб., или 30% всего бюджетного итога, а в 1923/24 г. они дали 633,1 млн. руб., или 39,5% всей массы бюджетных поступлений¹⁾. Большая и возрастающая роль налогов в первых бюджетах нэпа облегчала задачу ликвидации бюджетного дефицита и тем самым ускоряла переход к единой твердой валюте.

Оздоровлению бюджета и ликвидации дефицита содействовали и доходы от государственных предприятий и имуществ в результате перевода их на рельсы хозрасчета. Доходы транспорта составили в 1922/23 г. 364 млн. руб., а в 1923/24 г. — 630,4 млн. руб., лесной доход соответственно — 14,6 млн. руб. и 34,8 млн. руб., вся сумма неналоговых поступлений — 441,4 млн. руб. в 1922/23 г. и 806,9 млн. руб. в 1923/24 г.; удельный вес неналоговых доходов государственного бюджета заметно возрос и в 1923/24 г. достиг 42,1%.

Среди неналоговых доходов наибольший темп прироста в 1923/24 г. по сравнению с 1922/23 г. дали доходы государственных предприятий и имуществ (кроме лесов) — с 9,3 млн. руб. до 61,2 млн. руб. или в 5½ раз. Хотя эта цифра в своей абсолютной величине невелика, однако, она говорит о том, что государственная промышленность стала уже к тому времени на ноги, и принцип хозрасчета уже оказался глубоко внедренным в государственном секторе народного хозяйства. Это оздоровление бюджета путем увеличения в нем неналоговых доходов свидетельствовало о подготовленности почвы для завершения денежной реформы не только со стороны госбюджета, но и со стороны всего хозяйственного оборота.

Существенную роль сыграли также займовые операции государства: в 1922/23 г. — первый выигрышный заем 1922 г. и в 1923/24 г. — второй выигрышный заем 1924 г. Применение принудительных методов размещения займов среди нетрудовых элементов истолковывается рядом экономистов как показатель того, что в этот период наши займы были скорее видом налогового обложения, нежели госкредитом в подлинном смысле этого слова. Однако своеобразие данного этапа развития нашего госкредита заключается отнюдь не в «налоговой сущности» наших первых займов, а в том, что государство вынуждено было прибегать

¹⁾ Данные из обзора работы НКФ СССР за период с 1/X—23 г. до 1/IV—25 г., стр. 31—32; отсюда же и последующие данные о бюджетах 1922/23 и 1923/24 гг.

к методам принудительного размещения, особенно в отношении тех социальных групп, которые, имея накопления, не хотели вливать их в русло государственного кредита для укрепления бюджетных позиций пролетарского государства. Уже через год облигации этих займов обращались в качестве выгодного объекта помещения сбережений и накоплений, а спустя несколько лет их продажа населению была совершенно прекращена. При помощи займов государство аккумулировало в период подготовки денежной реформы около 200 млн. руб. (чистое сальдо по займам), что сыграло существеннейшую роль в борьбе за ликвидацию бюджетного дефицита. В итоге всех этих мероприятий в области доходов бюджета роль эмиссионного источника значительно сократилась. Если в 1922 г. больше половины бюджетных поступлений составляли доходы от эмиссии совзнаков, то в 1922/23 г. эмиссионный доход сократился до 394,1 млн. руб. при общей сумме бюджетных поступлений в 1.312,8 млн. руб., т. е. удельный вес его определялся только в 30%, а в 1923/24 г. (год завершения денежной реформы) в общей массе доходов в 1.917,4 млн. руб. эмиссия составила только около 8%.

Задача оздоровления бюджета и завершения денежной реформы требовала, как мы уже отмечали, весьма жесткой политики в расходовании государственных средств. Наиболее показательные цифры для иллюстрации этой политики дали бы сопоставление расходов бюджетов 1922 и 1922/23 гг. Однако в силу отсутствия исчерпывающих и вполне сопоставимых данных за эти годы, мы ограничимся сопоставлением 1922/23 и 1923/24 гг.

Расходы по административно-хозяйственным ведомствам, составившие в 1922/23 г. 165,6 млн. руб., или 11,2% общего расходного итога, остались почти стабильными и в 1923/24 г. — 175,4 млн. руб., но их удельный вес снизился до 9,1%. Ту же тенденцию обнаруживают и расходы административно-культурных ведомств: они составили в 1922/23 г. 92,2 млн. руб., или 6,2% к итогу расходов, а в 1923/24 г. — 113,9 млн. руб. со снижением удельного веса до 5,9%. Эти цифры показывают, что интересы оздоровления бюджета и завершения денежной реформы требовали проведения весьма сдержанной политики даже в области финансирования социально-культурных нужд страны.

Резкий скачок дали в бюджете расходы по операциям государственного казначейства (покупка золота и платины и платежи по займам) — с 22,2 млн. руб., или 1,5% общего итога в 1922/23 г., до 120,1 млн. руб., или 6,3% в общем итоге в 1923/24 г. Накопление золотого резерва было непосредственно связано с задачей проведения денежной реформы.

Расходы, связанные с финансированием отдельных отраслей народного хозяйства, остались в своих абсолютных размерах стабильными на протяжении этих двух бюджетных годов, составив в 1922/23 г. 229,2 млн. руб., а в 1923/24 г. — 222,5 млн. руб., при снижении удельного веса их в 1923/24 г. до 11,6% против 15,4% в предшествующем бюджетном периоде. Объяснение этому мы находим в той огромной роли, которую начал играть Государственный банк как кредитный центр народного хозяйства, что обусловило увеличение значения кредитного метода перерас-

пределения денежных ресурсов и позволило относительно сжать роль бюджетных методов финансирования. Однако госбюджет и в эти годы выступал в роли основного перераспределителя народного дохода в пользу социалистического сектора народного хозяйства. Расчетный баланс между бюджетом и промышленностью, включая электрификацию и строительство, дает большое положительное сальдо в пользу промышленности, которое грубо определяется в сумме, превышающей 200 млн. руб. Следует подчеркнуть, что это сальдо главным образом покрывалось за счет эмиссии денежных знаков, что является показателем того, как на путях к завершению денежной реформы эмиссия совзнаков использовалась для создания условий ликвидации самих падающих совзнаков. На ряду с госбюджетом особо важную роль для решения задач, поставленных в области нашей финансовой политики XI съездом партии, сыграл Госбанк. На Госбанк возлагалась задача стимулировать развитие производительных сил страны, способствовать развитию производства и торговли, обеспечить условия, необходимые для стабилизации денежного обращения. Аккумулируя свободные денежные ресурсы быстро растущей промышленности и товарооборота, являясь органом, осуществляющим эмиссию устойчивых банковских билетов в порядке своих краткосрочных кредитных операций, Госбанк выступал в роли крупнейшего организатора сферы обращения. Общая роль Госбанка в восстановительном периоде охарактеризована т. Абэгаузом следующим образом: «В этот период Госбанк по отношению к сфере товарооборота и денежного обращения должен был осуществить соревнование между социализмом и капитализмом и на данном участке разрешить ленинский вопрос «кто — кого», поставленный перед пролетариатом при переходе к новой экономической политике»¹⁾.

Выступая в роли важного кредитного фактора в народном хозяйстве как в сфере обобществленного сектора, так и в сфере оптового и розничного оборота в целом и заготовок, Госбанк укреплял позиции социалистических элементов и обеспечивал перераспределение значительной доли народнохозяйственного накопления в сторону расширенного воспроизводства социалистических командных высот. Достаточно указать, что на 1 октября 1924 г. задолженность народного хозяйства Государственному банку составила уже 525 млн. руб. (в том числе промышленность группы «А» — 115,4 млн. руб., группы «Б» — 163,7 млн. руб., кустарно-промысловая и потребительская кооперация — 101,8 млн. руб., госторговля — 99,3 млн. руб.), чтобы определить значение банковского кредита для роста хозяйства страны и завершения на этой основе денежной реформы, начатой выпуском червонцев в конце 1922 г.

Из других важнейших условий, обеспечивающих завершение денежной реформы, необходимо особо указать на активность торгового баланса. Она была достигнута в 1922/23 г. (в сумме свыше 100 млн. руб.), с одной стороны, в результате благоприятного урожая и возможности экспорта значительного количества хлеба, а с другой, посредством задержки роста импорта.

¹⁾ «Известия ЦИК и ВЦИК» от 19 июня 1931 г.

В итоге к 1924 г. были налицо все условия, обеспечивающие завершение денежной реформы как по линии общехозяйственных предпосылок, так и по линии бюджетно-кредитной.

Подводя итоги этому периоду хозяйственного строительства, XIII партконференция (январь 1924 г.) особо отметила успех первого этапа денежной реформы. «Чрезвычайно важным для осуществления основных задач нашей хозяйственной политики достижением XIII конференция РКП считает введение устойчивой валюты — червонца и превращение его в основную валюту страны. Из общей массы денежного обращения к началу 1924 г. в 350 млн. руб. банковые билеты составляли уже 270 млн. руб., т. е. около $\frac{4}{5}$. На основе червонного обращения, — говорится в резолюции конференции, — стал возможным рост промышленности, сельского хозяйства, торговли; банковское кредитование этих отраслей хозяйственной деятельности достигло значительных размеров, достигнуто увеличение доходов госбюджета с постепенным сжатием эмиссионного источника, облегчена возможность учета и планового руководства как хозяйством в целом, так и отдельными его отраслями. «Дальнейшая политика партии должна заключаться в сохранении устойчивости червонца и завершения денежной реформы. Интересы широких масс требуют завершения денежной реформы, т. е. замены падающего совзнака твердой валютой. Завершение денежной реформы должно стать одной из основных задач советской власти на предстоящий период»¹⁾.

Непонимание интересов трудящихся, непонимание необходимости и путей закрепления политического и экономического союза рабочего класса с крестьянством привело троцкистов к отрицанию необходимости завершения денежной реформы. Троцкисты полагали, что мы можем идти дальше по пути использования «эмиссионного инструмента» для целей индустриализации, что логически вытекало из всей концепции троцкизма о «сверхиндустриализации», о неизбежном разрыве союза рабочего класса и крестьянства, о невозможности построения социализма в СССР. В противовес троцкистам партия последовательно осуществляла в вопросах денежного обращения политику, указанную В. И. Лениным в его выступлении на IV конгрессе Коминтерна. «Что действительно важно — это вопрос стабилизации рубля. Над этим вопросом работают лучшие наши силы, и этой задаче мы приписываем решающее экономическое значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать этот рубль — значит мы выиграли»²⁾.

Денежная реформа была завершена в первой половине 1924 г. Законодательное оформление денежной реформы получила в декретах от 5 февраля 1924 г. о выпуске казначейских билетов, от 22 февраля 1924 г. о выпуске серебряной и медной монеты и в постановлении Совнаркома СССР от 7 марта 1925 г. о выкупе совзнаков.

К моменту проведения денежной реформы подавляющая часть денежного обращения состояла из банкнот Госбанка, самая

¹⁾ Из резолюции XIII партконференции.

²⁾ Ленин. Сочинения, т. XXVII, стр. 346

мелкая купюра которых была равна 10 руб. золотом. Необходимо было выпустить в обращение твердые деньги, более мелких купюр — 5, 3 и 1 руб., что можно было сделать двумя путями: либо предоставить Госбанку право выпускать мелкокупюрные банкноты, либо выпускать дензнаки со стороны казначейства. Избран был последний путь, во-первых, потому, что бюджет 1923/24 г. был еще дефицитным и часть новых выпусков необходимо было обратить на покрытие этого дефицита, во-вторых, необходимо было предотвратить возможность обесценения червонцев в случае, если новые дензнаки не удастся стабилизировать.

Денежная реформа была завершена с полным успехом, что явилось выражением огромнейших успехов хозяйственного строительства на рельсах нэпа. XIII съезд РКП(б), собравшийся в мае 1924 г., констатировал, «что ЦК партии своевременно провел широко задуманную денежную реформу, имеющую громадное значение для всего хозяйственного строительства социалистического пролетариата. Твердое проведение этой крупнейшей реформы послужит основой оздоровления всей хозяйственной жизни Союза ССР».

Таким образом, в середине 1924 г. в основном было закончено строительство советской финансовой системы. Завершение денежной реформы, организация налоговой системы, первые шаги в области советского государственного кредита, организация и укрепление советского госбюджета как могучего перераспределителя народного дохода, создание разветвленной системы банковского кредитования — таковы основные итоги финансового строительства за первые 3—3½ года новой экономической политики.

На основе этих результатов, достигнутых в первые годы развития наших советских финансов, осуществляется дальнейшее финансовое и хозяйственное строительство, ибо денежная реформа, выразившая в концентрированном виде достижения на финансовом фронте, явилась «одной из существенных предпосылок для необходимого усиления согласованности между отдельными частями народного хозяйства и впервые дала реальную основу для действительного планового руководства хозяйством» (из резолюции XIII конференции РКП(б)).

3. Финансовое строительство после денежной реформы

Социалистическое наступление не могло не сопровождаться новыми сдвигами в соотношении классовых сил в стране. Допущение свободы товарного оборота для мелких товарных производителей способствовало классовой дифференциации крестьянства, выделению кулацко-капиталистических слоев как в деревне, так и в городе. Необходимо было обеспечить ограничение и вытеснение капиталистических элементов, ускорение темпов развития социалистического сектора народного хозяйства, укрепление экономического союза пролетариата с трудящимися деревни. Итоги восстановительного периода в части решения этих задач следующим образом охарактеризованы XV съездом ВКП(б): «Если к началу новой экономической политики государственная промышленность почти бездействовала, в области товарооборота

государственные и кооперативные органы сами прибегали к частному посредничеству, и частный капитал, имея все преимущества быстрого оборота, играл относительно крупную роль, то на пороге перехода от восстановительного к реконструктивному периоду социалистическая промышленность и другие командные высоты играют уже решающую и ведущую роль во всем народном хозяйстве; государственная и кооперативная торговля обнимают собою подавляющую часть общего товарооборота страны, обобществленный сектор народного хозяйства определяет собой общее направление развития, вытесняя частный капитал, беря на буксир и постепенно преобразуя хозяйство простых товаропроизводителей — крестьян». «Удельный вес рабочего класса повысился, его связь с основной массой крестьянства возросла, диктатура пролетариата укрепилась».

В системе рычагов экономической политики пролетарского государства, которые обеспечили широкий масштаб социалистического наступления в восстановительный период, видную роль играла финансовая система. Укрепление командных высот пролетариата, возрастание их ведущей роли означали вместе с тем рост роли плана в хозяйственной жизни страны. В последние годы восстановительного периода была уже обеспечена возможность перехода и был осуществлен переход от системы отдельных плано-регулирующих предприятий к систематическому планированию развития всего народного хозяйства в целом. Бюджетное планирование в годы проведения денежной реформы было важнейшим моментом подготовки этого перехода, а после денежной реформы являлось до построения первых контрольных цифр выражением самого перехода, составляло законченную часть синтетического народнохозяйственного планирования.

Эта огромная роль финансов в восстановительном периоде непа, отражающая вместе с тем и социально-экономические сдвиги в нашей экономике, нашла наиболее яркое выражение в области налогового строительства.

XI съезд РКП(б), как указывалось выше, ставил перед нашей налоговой политикой задачу регулирования процессов накопления и одновременно задачу фискального значения как важнейшего доходного источника в государственном бюджете. После завершения денежной реформы под углом зрения осуществления этих связанных между собой задач и происходила дальнейшая перестройка налоговой системы. Одним из решающих моментов этой перестройки был вопрос организации правильных отношений между рабочим классом и крестьянством. Вопросы перестройки единого сельхозналога — основного вида обложения деревни — ставились неоднократно на обсуждение партийных съездов, конференций и пленумов, ибо сельхозналог должен был служить одним из основных рычагов борьбы с кулачеством, укрепления союза с середняком, организации деревенской бедноты, регулирования с.-х. производства. Основной принцип этого регулирования кратко сформулирован в решениях XV съезда ВКП(б) следующим образом: «Вся политика пролетарского государства — финансовая, налоговая, кредитная, экономическая политика вообще — направлена к тому, чтобы поддерживать всеми доступными ме-

рами бедняцкие и середняцкие слои деревни и в зависимости от условий по-разному ограничивать эксплуататорские стремления сельскохозяйственной буржуазии».

Эта общая принципиальная установка, определявшая принципы обложения деревни в восстановительный период, реализовалась при помощи разных форм и методов построения и взимания прежде всего единого с.-х. налога, в зависимости от конкретных условий классовой борьбы, достигнутых успехов в области хозяйственного строительства, стоящих задач в области дальнейшего социалистического наступления.

«В период, непосредственного последовавший за введением новой экономической политики, установившей правильную основу сочетания между крупной государственной индустрией и мелким деревенским производителем, командные высоты пролетариата были крайне ослаблены, частный капитал находился в периоде своего первоначального накопления и наступал, мелкобуржуазная стихия представляла крупнейшую мелкособственническую угрозу для дела социалистического строительства, ибо крестьянин на опыте не имел еще доказательства успехов социалистического строительства и правильной организации товарообмена между социалистической индустрией и крестьянским хозяйством». (из резолюции XV съезда партии по докладу т. Молотова). Соответственно этому и строилось налоговое обложение деревни. Налоги, направленные основной своей массой против кулацких элементов, однако, еще не ставили перед собой задачи резкого наступления на эти элементы, ибо относительная слабость командных высот не обеспечивала еще возможности взять на буксир мелкого производителя. Налоговая политика в деревне должна была подготовить в этот период укрепление позиций середняцкой и бедняцкой массы крестьянства, способствовать организации смычки через кооперацию крестьянства с социалистическими командными высотами и одновременно обеспечить поступление в распоряжение государства необходимых продовольственных и сырьевых ресурсов.

В следующий период мы имеем «перегруппировку сил и хозяйственных форм в сторону усиления роли социалистических элементов. Роль командных высот (госпромышленность, банки, транспорт, госторговля и т. д.) поднялась, хотя еще не настолько, чтобы достигнуть прочного союза с середняком и решительно повести его за собою, сорвав его от кулака. XIV партконференция и XIV партсъезд пошли на ряд мероприятий, чтобы достигнуть прочного союза с середняком» (из резолюции XV съезда партии). Соответственно этому в период с XIV до XV партийных конференций были проведены существенные структурные изменения в системе сельхозналога, направленные на достижение прочного союза с середняцкой массой, на отрыв ее от кулацкого влияния.

В итоге этого периода с точки зрения классов,—отмечает XV съезд,—партия может констатировать рост и консолидацию пролетариата, укрепление на основе решений XIV конференции и XIV съезда его союза с середняком и усилившееся наступление на частный капитал, что обеспечивает переход «к более решительному наступлению на кулака на основе достигнутых успехов по

закреплению **союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком**». В области обложения деревни это должно было выразиться в большем заострении налогового режима против кулачества. С момента перехода в 1924 г. на рельсы денежного налога сельхозналог подвергся ряду изменений в 1924/25 г., главным образом в отношении снижения платежей крестьянства (так в 1923/24 г. от налога было освобождено $\frac{1}{2}$ млн. хозяйств, в 1924/25 г. — 4,5 млн. хозяйств, или около 20%). Но особо серьезной реформе он подвергся в 1926 г. на основе развернутых директив, данных апрельским (1926 г.) пленумом ЦК ВКП(б). В основном реформа исходила из необходимости приблизить сельхозналог к типу подоходного налога, охватывающего все объекты дохода крестьянского хозяйства, и более четкого выражения в нем классового момента, в соответствии с намечающимся курсом решительного наступления на кулака. Элементы прогрессивности в сельхозналоге в течение 1926 г. и последующих лет возрастают, процент налогового изъятия по отношению к облагаемому доходу в 1925/26 и 1927/28 гг. снижается для категории с доходом на едока до 50 руб. и очень резко повышается для категории с доходом свыше 140 руб., достигая для категории с доходом в 300 руб. 20,9% против 12,62% в 1925/26 г. Процент освобожденных от с.-х. налога хозяйств повысился с 25% до 35,9% в 1927/28 г., чем было достигнуто освобождение от налога не только всей бедняцкой массы, но и хозяйств маломощных середняков. Вместе с тем республикам было предоставлено право повышать ставки налога для некоторой категории зажиточных хозяйств путем особой надбавки, а также применять по отношению к кулацким элементам деревни метод индивидуального обложения, которое могло превышать в 2 раза доход этого хозяйства, исчисленного по нормативам.

Будучи направлен основной своей массой против кулацких элементов, сельхозналог тем самым должен был обеспечить развитие производительных сил в сельском хозяйстве, в соответствии с общим поступательным движением нашей экономики, на основе роста валовой продукции и товарности производства трудового крестьянства. Если принять условно чистый доход крестьянского хозяйства в 1924/25 г. за 100, то в 1925/26 г. он составляет уже 127,1%, в 1926/27 г. — 134,6, а в 1927/28 г. — 140,8%. Еще большие темпы прироста дают денежные доходы крестьянского хозяйства. Большой рост за эти годы мы имеем по линии посевных площадей и количеству рабочего скота.

Таким образом, **в восстановительный период сельхозналог был одним из важнейших инструментов экономической политики пролетарского государства в деле закрепления политического и экономического союза рабочего класса и крестьянства на основе сплочения бедноты вокруг пролетариата, закрепления союза с середняцкой массой и ограничения капиталистических элементов деревни**. Сельхозналог представлял собой одно из важнейших звеньев в общей системе мероприятий советского государства, направленных на преодоление процессов дифференциации в деревне. Общая оценка этих мероприятий была охарактеризована следующим образом т. Сталиным в докладе об итогах XIV партконференции:

«Дифференциация не может принять прежних размеров, середняк остается основной массой крестьянства, а кулак не может возыметь прежнюю силу хотя бы потому, что земля у нас национализирована, она изъята из обращения, а наша торговая, кредитная, **налоговая**, кооперативная политика направлена на то, чтобы ограничить эксплуататорские стремления кулачества, поднять благосостояние широчайших масс крестьянства и выравнять крайности в деревне. Я уже не говорю о том, что борьба с кулачеством идет у нас не только по старой линии организации бедноты против кулачества, но и по новой, по линии укрепления союза пролетариата и бедноты с середняцкими массами крестьянства против кулака».

Эта роль налоговой политики в отношении крестьянства подвергалась неоднократно «обстрелу» и со стороны троцкистов, и со стороны правых оппортунистов, и со стороны буржуазных экономистов-вредителей. Троцкисты пытались направить нашу политику в области сельхозналога в сторону такого налогового нажима на кулака, который не соответствовал общим темпам развитого наступления на капиталистические элементы и неизбежно выразился бы в усилении нажима на середняцкое хозяйство (которое троцкисты отождествляли с кулацким), тем самым срывая решение задачи усиления союза пролетариата и бедноты с середняцкими массами крестьянства против кулака. Как налоговая политика партии является одним из элементов генеральной линии экономической политики, так и троцкистская налоговая платформа органически вытекает из всей капиталистически-реставраторской концепции троцкизма, говорящей о «невозможности» сохранения союза рабочего класса и крестьянства.

Правооппортунистическая «критика» налоговых мероприятий партии в деревне в восстановительный период смазывала кулацкую опасность в деревне, максимально «ограждала» кулака, который должен был мирно «врасти в социализм», от остродействующего классового оружия пролетариата — налогов. В частности правые резко выступали против индивидуального обложения кулачества. Этим самым правые оппортунисты непосредственно смыкались с требованиями буржуазно-вредительских элементов, утверждавших, что «было бы в высокой степени опрометчиво создавать сугубое и резко прогрессивное обложение более крупных крестьянских хозяйств. Последние, выбрасывая в усиленных размерах хлеб на рынок, осуществляют высокоположительную роль экономического характера и содействуют увеличению экспортного фонда, а это важнее тех прибытков, которые могли бы получиться от их более усиленного обложения» ¹⁾. Ратуя за привлечение иностранного капитала, даже ценой превращения нашей страны в колонию, за отмену монополии внешней торговли, за продолжение политики Витте и Вышнеградского в вопросе экспортной политики, они требовали «не трогать курицу, приносящую золотые яйца», т. е. кулаков в деревне и нэпманов в городе.

И в городе в системе средств социально-экономического воздействия советской власти на частный капитал огромную роль

¹⁾ П. Гензель, «Социалистическое хозяйство» № 9—10 за 1923 г., стр. 87.

играли в восстановительный период методы налогового нажима. По имеющимся подсчетам, частный капитал в промышленности в 1927 г. исчислялся в размерах около 500 млн. руб. и в торговле около 600 млн. руб. Подоходный налог должен был улавливать и срезать в пользу пролетарского государства заметную долю народного дохода, попадавшего частному капиталу, не только в силу того, что он по объему капиталов еще играл известную роль в производстве и торговле, но и в силу его исключительной приспособляемости и гибкости, умения использовать перебои в работе предприятий социалистического сектора, в отдельных случаях еще недостаточно овладевших рыночными методами.

Являясь оружием ограничения и вытеснения частного капитала, налог вместе с тем должен был стимулировать развитие кустарно-ремесленного производства, направлять это развитие в русло кооперирования. В отношении же рабочих и служащих подоходный налог затрогивал только наиболее высокие доходы и преследовал исключительно фискальные цели. Эта спецификация советского подоходного налога, направленного к ограничению и вытеснению капиталистических элементов и на форсированное развитие кустарно-ремесленной и других видов производственной кооперации, выражена в самой системе построения налогов; в нем установлена двойная прогрессия: во-первых, в зависимости от классовой принадлежности плательщиков налога (особые списки, особый характер и различная шкала прогрессии) и, во-вторых, в зависимости от высоты доходов. Достаточно указать, что из суммы подоходного налога в 190 млн. руб., поступившей в 1926/27 г., на долю рабочих и служащих приходилось только 11 млн. рублей.

Другой элемент налоговой системы в городе — промысловый налог, по своей природе приближавшийся к универсальному акцизу, после ряда изменений был в 1928 г. радикально реформирован в сторону его значительного упрощения. Поскольку его природа, как налога на торгово-промышленный оборот, не обеспечивала ему достаточной эластичности для прямого межклассового перераспределения, он косвенно разрешал эту задачу путем меньшего обложения оборота, обслуживающего потребности масс, большего изъятия из той категории торгово-промышленных предприятий, которые обслуживали потребности в предметах роскоши, и т. д. Социально-регулирующая роль промналога особенно проявилась в тех **льготах, которые он предоставлял кооперации**. Поощряя кооперативные формы против частнохозяйственных, промысловый налог был направлен своим острием против частного капитала, хотя и в менее гибкой и осязательной форме, чем подоходный налог.

Недостаточную его гибкость в этом отношении дополнял введенный в 1926 г. **налог на сверхприбыль**. Имея своей целью улавливать спекулятивные прибыли нэпманов, обусловленные их способностью «социальной мимикрии», он наряду с промысловым налогом содействовал **вытеснению частного капитала**.

Не останавливаясь на характеристике других налогов, менее важных по своему количеству и качеству, как орудия перераспределения, необходимо при оценке роли налогов в восстановительный период остановиться еще на проблеме косвенного обложения.

В годы после денежной реформы роль косвенных налогов неуклонно повышалась в общем итоге налоговых доходов государственного бюджета (с 45% в 1925/26 г. до 50% в 1927/28 г.). В сопоставлении с царским бюджетом эти цифры показывают резкое снижение косвенных налогов. Однако это сравнение, весьма показательное для иллюстрации глубокого различия между советским бюджетом и бюджетом царской России, а также и любой капиталистической страны, очень мало определяет особое содержание косвенного обложения в условиях СССР и рост его удельного веса. Весьма распространенным в нашей финансово-экономической литературе в тот период был взгляд, что роль косвенных налогов у нас высока в силу еще недостаточно сильных позиций неналоговых доходов в бюджете и что, следовательно, с ростом последних будет сжиматься значение косвенных налогов в бюджете. Необходимо отметить, что в основе этого взгляда лежит чисто формальный момент. Не говоря уже о том, что сама структура косвенных налогов у нас была глубоко отлична от их структуры в системе капиталистического хозяйства, функции и содержание их в системе советского хозяйства принципиально иные. В связи с ростом потребления широких масс трудящихся и резким преодолением большой дифференциации в области денежных доходов, остающихся в распоряжении различных социальных групп населения (инструментом прямого обложения в большой мере срезалось накопление нетрудовых элементов), косвенные налоги утратили свой резко-регрессивный характер, какой они имеют в условиях капиталистической экономики. Это изменение содержания косвенных налогов, как указывалось выше, было отмечено В. И. Лениным.

Таким образом, за годы восстановительного периода была успешно решена задача, поставленная XI съездом партии по организации налоговой системы как регулятора процесса накопления. Вместе с тем была реализована и другая директива XI съезда партии — достигнуть значительного фискального эффекта налогов в нашей бюджетной системе. Налоговые поступления составили в бюджете 1926/27 г. 2.833,7 млн. руб., или 50,4% к общему итогу бюджетных поступлений, и 3.232,2 млн. руб. в 1927/28 г., или 48% всей массы бюджетных доходов. Несмотря на это, удельный вес налогов в советском бюджете оставался ниже роли налогов в капиталистических бюджетах, ибо одновременно происходил быстрый процесс роста неналоговых доходов. Уже к моменту завершения денежной реформы (в 1923/24 г.) неналоговые доходы в бюджете достигли почти миллиардной суммы и сыграли существенную роль в деле бездефицитного сбалансирования бюджета. Завершение денежной реформы обеспечило еще более быстрые темпы роста неналоговых доходов. Среди них по темпам роста на первом месте стояли доходы от госпромышленности, торговли и банков: в 1923/24 г. они составляли — 47,9 млн. руб., в 1924/25 г. — 120,7 млн. руб., в 1926/27 г. — 305,3 млн. руб., и в 1927/28 г. — 378,1 млн. руб., т. е. за три последние года восстановительного периода увеличились почти в 6 раз. Большой прирост дал также лесной доход — с 53,5 млн. руб. в 1923/24 г. до 221,3 млн. руб. в 1926/27 г. и 245,7 млн. руб. в

1927/28 г. Доходы от транспорта и связи, составлявшие кругло 650 млн. руб. в 1923/24 г., к 1927/28 г. выросли до суммы свыше 1.800 млн. руб., т. е. более чем удвоились.

Нередко можно встретить в финансовой литературе утверждение, что рост неналоговых доходов в нашем госбюджете есть следствие лишь количественных изменений в сфере государственного хозяйства. В действительности же большая роль неналоговых доходов в нашем госбюджете выражает собой органическое единство советского госбюджета и народного хозяйства в целом, является показателем принципиальных особенностей советской экономики. Это относится также и к третьему важному элементу доходной части бюджета — к государственному кредиту.

В первые годы нэпа, до завершения денежной реформы, проблема госкредита была в первую очередь подчинена задаче догнания бездефицитного бюджета. На основе заложенного фундамента в последующие годы восстановительного периода была возведена в основных чертах вся система советского государственного кредита. В этот период была нащупана социальная база советского госкредита — **сбережения трудящихся масс, аккумулируемые государством в целях эффективного использования их для расширенного воспроизводства социалистических отношений.** В выигрышном займе 1927 г., и особенно в 1-м займе индустриализации и займе укрепления крестьянского хозяйства, реализованных на основе коллективной подписки трудящихся и широкого привлечения советской общественности к делу советских займов, были найдены пути развития советского госкредита. Вместе с тем возрастала и роль займов в бюджете — в 1927/28 г. они давали уже 11% к общей массе бюджетных поступлений. При этом необходимо особо подчеркнуть, что рост удельного веса займов не находился в какой-либо связи с проблемой бюджетного дефицита, поскольку в 1924/25 г. наш бюджет был и остался полностью бездефицитным. Аккумулированные при помощи займов 1,5 млрд. руб. в восстановительном периоде говорят о том, что на основе роста благосостояния широких масс трудящихся образовались накопления, которые можно было передвинуть в фонды расширения воспроизводства через каналы государственного бюджета, тем самым реализуя задачу восстановления и реконструкции страны на основе внутренних ресурсов страны, без «помощи» иностранного капитала.

К чему вела бы такая «помощь», видно из переговоров о кредитах на Генуэзской конференции, в которой принимала участие РСФСР, имея в виду завязать экономические связи с капиталистическим окружением. «Мы шли на Генуэзскую конференцию, — говорит В. И. Ленин, — как купцы, завязываем отношения и знаем, что ты должен нам и что мы тебе, и какая может быть твоя законная и даже повышенная прибыль» ¹⁾. И вот Генуя «запросила» с нас слишком дорогую «цену», которая граничила с признанием экономической капитуляции советской власти. Совершенно правильно замечает т. Сокольников, что иностранные банкиры и промышленники тешили себя «ребяческой надеждой, что этим

¹⁾ Ленин, т. XXVII, стр. 173.

отказом в кредитах свалят с ног советское правительство... **Советская Россия не погибнет без заграничного кредита и никогда не капитулирует ради него**¹⁾. Эта задача форсирования собственных накоплений и должна была в известной части решаться системой советского госкредита.

Первый экзамен своей зрелости советский кредит выдержал в восстановительном периоде, когда через его русло было влито 1½ млрд. в народное хозяйство, вопреки «пророчествам» буржуазных экономистов-вредителей, которые утверждали, что без иностранной «помощи» выйти из хозяйственной разрухи не удастся. Так, в период подготовки к Генуэзской конференции Громан заявлял: «Общее экономическое **разложение страны продолжается и усиливается**. Чтобы превратить регрессивную линию развития в прогрессивную, необходимо иметь **10 млрд. золотых рублей в течение трех лет**. Эти деньги можно достать путем **действительной связи русского народного хозяйства с мировым**»²⁾. Г. Струмилин приводит много любопытных документов, раскрывающих вредительскую практику буржуазных специалистов Госплана. А другой эпигон «финансовой науки», проф. П. Гензель через 1½ года после Генуэзской конференции, когда мы уже развили наступление, выступил с требованием, чтобы мы обратились с «просьбой за помощью» к иностранным капиталистам, «не опасаясь превращения России в колонию». «В истории человечества еще не было примера, чтобы крупная внутренняя промышленность какой-либо страны создавалась за счет внутреннего накопления... Тот факт, что история не знает развития мощной внутренней промышленности иначе, как за счет прилива иностранного капитала, не может удивлять, ибо «из ничего ничего и не выходит» — истина, которая была известна еще и королю Лиру. И довоенная Россия прошла тот же путь... И для советской России нет иных путей привлечения иностранного капитала и получения в ближайшие годы необходимого многомиллионного фонда за счет прямого, добровольного притока капиталов, которые должны быть **соблазнены** перспективой высокой наживы, либо за счет **искусственного** превышения с.-х. экспорта над ввозом, либо комбинированием этих приемов». «Правда, — признается Гензель, — это означает в значительной степени превращение России в «колонию»... Для многих это — символ экономического и политического порабощения»³⁾.

Итоги восстановительного периода показали, что пролетариат, используя ряд рычагов, в частности займы, полностью обеспечил возможность восстановления крупной промышленности и притом невиданными в истории темпами, основываясь исключительно на внутренних накоплениях.

Превращение советского кредита уже к концу восстановительного периода в мощный фактор строительства социализма, организация принципиально отличной от капиталистических условий

¹⁾ Сокольников, «Финансовая политика революции», т. I, стр. 283.

²⁾ Цитировано из книги Струмилина «Проблемы планирования в СССР», стр. 47.

³⁾ «Социалистическое хозяйство» № 9—10 за 1923 г.

налоговой системы и быстрое возрастание удельного веса доходов от обобществленного сектора хозяйства показывают совершенно особую сущность советского бюджета. Но еще ярче особая классовая сущность нашего бюджета отражена в развитии за годы восстановительного периода расходной его части. К концу восстановительного периода, в 1926/27 г. на финансирование народного хозяйства и социально-культурные мероприятия отпущено из госбюджета 4,343 млн. руб., что составляло уже 79,3% общей суммы расходов, остальные 20% шли на расходы по управлению и на оборону страны; следовательно, мы уже тогда подошли в основном к тем пропорциям в нашем бюджете, которые остаются характерными для всей его дальнейшей эволюции. Помимо этого, огромную перераспределительную роль к концу восстановительного периода играла система местных бюджетов. В своде местных бюджетов, составившем в 1926/27 г. 1.708,7 млн. руб., на финансирование народного хозяйства и социально-культурных мероприятий расходовалось свыше 60% всего итога расходов.

Для того, чтобы показать роль и значение государственного и местного бюджетов в перераспределении народного дохода страны, приведем следующую табличку (в млн. руб.):

Г о д ы	Националь- ный доход	Государст- венный бюд- жет	Местный бюджет	Итог о свод- ный бюджет	Сводн. бюдж. в % к на- цион. доходу
1924/25	15.589	2.953,2	747,1	3.703,3	23,7
1925/26	20.252	3.986,4	1.055,9	5.042,3	24,9
1926/27	23.578	5.625,0	1.015,0	6.640,0	28,2
1927/28	25.872	6.678,2	1.097,9	7.776,5	30,0

Эти цифры показывают, во-первых, неуклонный рост народного дохода и государственного бюджета при более быстрых (обгоняющих) темпах роста последнего, с каждым годом восстановительного периода бюджет охватывал все большую долю народного дохода. Буржуазные экономисты видели в этом факте чрезмерное «давление» бюджета на народное хозяйство, ибо подходили к советскому бюджету с одинаковой, как и к капиталистическому, меркой. Действительно, если в условиях капитализма расширение бюджета может означать только усиление давления паразитической надстройки на экономический базис, то в наших условиях расширяющийся охват народного дохода бюджетом отражает победу социалистических форм хозяйства, а вместе с тем успешное выполнение бюджетом его роли, как важнейшего перераспределителя народного дохода между социально-экономическими секторами и классами в пользу социалистического сектора.

Показательны в этом отношении суммарные данные о расчетном балансе между промышленностью и бюджетом. В 1925/26 г. сальдо в пользу промышленности составляло 144,1 млн. руб., в 1926/27 г. — 219,6 млн. руб., в 1927/28 г. — 292,8 млн. руб.; в после-

дующие же годы это сальдо возрастает еще большими темпами. В последние годы восстановительного периода сотни миллионов рублей вливались через бюджет в отрасли тяжелой промышленности в порядке их финансирования; кредитование же легкой промышленности целиком уже перешло к весьма разветвленной тогда системе банков.

На ряду с ролью могучего межсекторного и межклассового перераспределителя, госбюджет играл в восстановительном периоде исключительную роль в общем народнохозяйственном планировании. Лишь к концу восстановительного периода (в 1925/26 г.) мы имеем первую попытку построить единый народнохозяйственный план развития на один год. Однако, в контрольных цифрах как 1925/26 г., так и последующего 1926/27 г. не были еще полностью нащупаны методы синтетического планирования, в народном хозяйстве, еще не были подготовлены предпосылки для такого планирования. В силу этого особая роль в общей системе плановых мероприятий принадлежала госбюджету. В нем находили отражение все элементы обобществленного сектора хозяйства, если и не полной суммой своих накоплений, то во всяком случае значительной их долей, которая перераспределялась через бюджетные каналы в интересах быстрого восстановления командных высот. Помимо этого, являясь крупным фактором внутрисекторного перераспределения, госбюджет особо выдающуюся роль играл в области межсекторного перераспределения. Значительная доля материальных ценностей, обращавшихся в частном секторе народного хозяйства, притягивалась бюджетными методами и перераспределялась под углом зрения общих народнохозяйственных задач. Аккумулируя и перераспределяя весьма заметную долю народного дохода, госбюджет (не малую роль играла в этом отношении и кредитная система) оказывал плановое воздействие на движение всего народного дохода, на все хозяйственные процессы в стране. Являясь стержнем, вокруг которого концентрировались другие хозяйственные планы, а, с другой стороны, в известной мере их обобщая, госбюджет олицетворял собою наиболее синтетическую часть планирования в условиях восстановительного периода.

Это не значит, что госбюджет в восстановительный период подменял собой народнохозяйственный план, но в общем комплексе регулирования и планирования пролетарского государства госбюджет представлял наиболее законченную, твердую и синтетическую часть народнохозяйственного планирования, с наиболее широким воздействием на народнохозяйственные процессы и взаимной их увязкой в едином плане. В восстановительный период «государственный бюджет играл (и сейчас играет) исключительно крупную роль как рычаг планового воздействия на хозяйственные процессы. Элементы цен, зарплаты, производственной себестоимости, хозрасчета и материального планирования в этот период увязываются между собой настолько тесно, что бюджетный план в огромной мере выражает и материальные элементы плана. Вряд ли кто-либо решится теперь отрицать громадную плановую роль бюджета восстановительного периода не-

па в организации всего процесса планирования материальных элементов хозяйства»¹⁾).

Отмечая исключительную роль госбюджета в организации планирования в восстановительный период, мы должны вместе с тем категорически подчеркнуть, что мы не были тогда на поводу голого принципа «финансового лимита». Это значит, что и для восстановительного периода фрумкино-шанинская концепция примата финансов над экономической политикой пролетарского государства ни в какой степени не приемлема.

4. Первые шаги синтетического финансового планирования

В последние годы восстановительного периода необходимость широкого (по всему фронту) перспективного планирования стала особенно настойчивой, так как этого требовало осуществление генерального плана социалистической реконструкции советской экономики. Эта потребность в синтетическом народнохозяйственном планировании ощущалась довольно остро и при разработке отдельных отраслевых планов промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. д. Вместе с тем успехи восстановительного периода в области социалистического строительства обеспечили создание условий для удовлетворения этой потребности; к концу восстановительного периода мы имеем уже несколько синтетических перспективных ориентировок Госплана СССР.

Перспективное планирование как в отдельных отраслях, так и синтетическое непосредственно связано с задачей перспективного финансового планирования, которое не укладывалось уже в рамки только бюджетного плана. Поэтому к этому же периоду мы можем отнести и первые попытки нащупать методологические исходные позиции для сконструирования единого финплана, дать черновой набросок финансовых перспектив в условиях перехода нашего хозяйства из восстановительного периода в период реконструкции. Основной ее дефект обуславливался тем, что на них лежит печать буржуазно-вредительской школы.

Если, как указывает Вайсберг, работавшая тогда комиссия по перспективному планированию (при Госплане СССР) была столь слаба, что не была в состоянии достаточно глубоко вникнуть в предъявляемые материалы и корректировать их с необходимой тщательностью²⁾, то это тем более относилось к плановым ячейкам Наркомфина, где преобладали буржуазные специалисты.

В основе методологии буржуазных специалистов, направленной против генеральной линии партии, лежала установка на реставрацию капитализма, скрытая за громановским «принципом» развития производительных сил безотносительно к их социальному содержанию. В комбинации с базаровскими «затухающими темпами» и кондратьевской концепцией аграризации этот тезис

¹⁾ Маймин, «Экономическая жизнь» от 7/XI 1932 г.

²⁾ «Объективная наука госплановских вредителей», «Плановое хозяйство» № 10—11 1930 г.

о «примате развития производительных сил» по существу резко выражал идею кулацко-буржуазной реставрации. Предложения строить планы «с аграрного конца» (Базаров), проектировать развитие промышленности «с этажа сельского хозяйства» (Окольников), если и имели разную субъективную подоплеку, то объективно они сходились на одной и той же позиции замедленных «затухающих» темпов индустриализации страны. Подкрепляя свою методологию рядом «аргументов», позаимствованных из арсенала правооппортунистических представлений, громано-базаровщина по линии Госплана, Макаров и Кондратьев по линии Наркомзема, Юровский, Соколов, Никитский и пр. по линии Наркомфина вели бешеную атаку на самую идею индустриализации страны, формулированную в исторических решениях XIV съезда партии.

Наиболее интересные образцы буржуазной методологии в вопросе перспективного планирования финансов в конце восстановительного периода мы находим в дискуссии, развернувшейся в нашей экономической печати по поводу опубликованных Госпланом СССР в 1927 г. «Перспектив развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.». Как известно, эти наметки Госплана, не поступившие даже на утверждение правительства и партии, устанавливали крайне медленные темпы индустриализации. Однако и эта пятилетка была встречена «в штыки» буржуазными специалистами. Так, А. Вайнштейн писал, что основным пороком пятилетки является проектировка развития всех отраслей народного хозяйства слишком быстрым темпом, **непосильным и нереальным...**¹⁾ Кондратьев и Макаров пугали, что план, проектирующий 18 млрд. накоплений, непосилен для страны, «что такого реального накопления страна в течение 5 лет дать не может». Особенно энергичной атаке была подвергнута перспективная наметка в части финансов.

Перспективы намечали прирост государственного бюджета в 1926/27 г., как в последнем году восстановительного периода, в 24,1% с последующим резким затуханием темпов с переходом к реконструкции народного хозяйства, так что прирост в 1930/31 г. снижался до 7,6%. По местному бюджету перспективы исходили из несколько более быстрых темпов, однако, средние темпы прироста сводного бюджета за 5 лет намечались в 12%. Эти темпы были объявлены совершенно «нереальными». Так, проф. Никитский в статье, помещенной в июньском номере «Вестника финансов» за 1927 г., приходит к «выводу», что «для довоенного периода, за 38 лет, был характерен коэффициент прироста в 5 — 5½%. «Как же возможно, — «возмущается» проф. Никитский, — чтобы советский бюджет 1930/31 г. превзошел бюджет 1925/26 г. на 70,8% номинальных или, с учетом изменения цен, на 90% реальных рублей, когда бюджет б. империи возрос с 1900 по 1913 г., т. е. за 13 лет, на 85% полуминальных, а с учетом изменения цен (индекс 130,6)—всего лишь на 42%, показав реальный рост лишь на 2,735% сложных в год». Пророчества для пятилетки ряд неурожайных лет, замедление темпов роста потребления и процес-

¹⁾ А. Вайнштейн, «К критике пятилетнего плана», «Экономическое обозрение» 1927 г., № 7, стр. 24.

са накопления, затруднения в экспортно-импортном плане и всякие другие «невзгоды», он заявляет: «когда нам для ближайшего пятилетия строят финансовый план реального роста бюджета на 85%, в то время как за 13 лет до войны он вырос реально на 42%, то, поскольку мы верим, что бюджет точно отображает все прочие экономические планы, указанного сопоставления достаточно, чтобы сказать: либо рост бюджета запроектирован неточно, либо все планы преувеличены, если они точно отображают их. Для возникновения такого сомнения является даже излишней роскошью наша гипотеза о том, что на конец текущего пятилетия придется ряд неурожайных лет. Они только лишний сигнал против необузданного полета творческой фантазии». Аргументам, развитым т. Струмилиным, который констатировал, что хотя «с точки зрения нормальных темпов развития капиталистических стран это чрезвычайно высокий темп роста, но делать из этого какие-либо заключения о перспективах развития народного хозяйства СССР было бы совершенно неправильно», ибо «для нас возможен путь бескризисного развития, мы не платим дани своей и зарубежной буржуазии, мы переводим наше хозяйство на более высокую техническую базу, чем капиталистические страны Запада с их огромным наследием обветшавшего прошлого, и мы имеем предпосылки для более быстрого роста народного дохода, тем более, что в истории Соединенных Штатов мы имели период, когда за одно десятилетие народное богатство умножилось по физическому объему на 140%; всем этим аргументам проф. Никитский придавал не большее значение, «чем если бы он (т. Струмилин) указал тут, что когда творец вселенной создал из ребра Адама Еву, население земного шара увеличилось в одну секунду на 100». Влияние технической реконструкции в глазах Никитского «лишено почти всякого значения не только для ближайшего, но в большой мере и для второго пятилетия 1931/32—1935/36 г.». Что касается плановых преимуществ в нашем хозяйстве, то этот довод проф. Никитский готов был признать лишь в том случае, «если бы все буржуазные страны находились в состоянии ничем непрерываемого подъема. Но это фактически неверно. Никакое плановое начало не спасет нас от заминок развития, могущих быть вызванными не только колебаниями промышленной конъюнктуры, но и рядом других причин».

Еще более рельефно выявляется общность взглядов проф. Никитского с Кондратьевым, Макаровым и др. «маститыми» представителями буржуазно-вредительского лагеря, это — его замечание по поводу проектировавшихся ассигнований по бюджету на финансирование народного хозяйства. Капитальные вложения, намеченные в 18 млрд. руб. за пятилетие, по мнению Никитского, являются непосильными и их направление необдуманно. «Не одно и то же, — читаем у Никитского, — для темпа ближайшего пятилетия будет значит вложение 200 млн. руб. в Днепрострой или в минеральные удобрения полей, купив их за границей» при чем «чем больше будут насаждаться сразу самые разнообразные производства, до сих пор не имевшие места в Советском союзе, тем медленнее будет темп его развития и в ближайшем и будущем пятилетии».

Проф. Никитский не был самым «талантливым» представителем буржуазной плеяды финансистов, но его большая откровенность делает его статью наиболее отражающей и обобщающей всю концепцию вредителей, как она складывалась к концу восстановительного периода. Основной лейтмотив, звучавший во всех этих «научных» обоснованиях перспективного финансового планирования: отрицание плановой природы нашего хозяйства, отрицание экономической (и финансовой, следовательно) политики пролетарского государства как рычага, активно воздействующего на происходящие в стране экономические процессы, «обреченность» нашей экономики на прозябающие темпы и неизбежность буржуазно-кулацкой реставрации.

Эти буржуазно-вредительские «теории» тесно смыкались с правсопортунистическими концепциями в вопросах нашей экономической и финансовой политики. Механически перенося категории капиталистической экономики и финансов на советскую почву, все эти теории не могли постичь социальной сущности советских финансов как органической части экономической политики пролетарского государства и в частности дать верную оценку роли финансовых рычагов в восстановительный период. Они не поняли того, что финансовые методы были использованы как орудие социалистического наступления, что определяет их особое содержание.

Финансовые рычаги в общей системе экономической политики пролетариата действовали и в восстановительном периоде в пользу социализма и в ущерб капитализму, развивая социалистическое наступление на отдельных участках, подготавливая тем самым наступление по всему фронту в последующие этапы. Финансовые категории, отображая диалектику нашего развития, скрывая за собой противоречивость происходящих в нашей экономике процессов, являются категориями строящегося социализма.

Нельзя поэтому согласиться с т. Шахновской, что в «восстановительный период роль финансов проявляется преимущественно в проведении стабилизации рубля и регулировании цены, а в реконструктивный период и особенно на новом этапе социалистического строительства значение финансов уже характеризуется все более растущей социально-перераспределительной ролью их и перерастанием в метод учета, контроля и планирования народного хозяйства»¹⁾. **Во-первых**, неверно противопоставление процесса регулирования в условиях СССР процессу планирования народного хозяйства, так как регулирование есть одна из форм планирования. **Во-вторых**, нельзя сводить роль финансов в восстановительный период только к задаче регулирования цен и стабилизации рубля. Реконструктивный период определил иной, более широкий, масштаб социально-перераспределительной роли финансов, создал предпосылки для более глубокого синтетического, народнохозяйственного и финансового планирования; однако, и в восстановительном периоде перераспределительная функция финансов между социальными секто-

¹⁾ «На новом этапе», сборник Госплан СССР, т. II, стр. 269.

рами и классами была огромна, и плановое воздействие финансовых рычагов на народнохозяйственные процессы выходило далеко за рамки регулирования цен. Финансы были мощным оружием социалистического наступления.

Совершенно справедливо отмечает т. Шахновская, что в первые годы новой экономической политики нами было многое позаимствовано в смысле форм и методов изъятий, а также строения финансовых институтов, из капиталистической практики. «Тем не менее, — заявляет т. Шахновская, — ошибочны те возражения, которые полагают, что советская финансовая система представляет собой целиком осколок с капиталистической»¹⁾, Выходит, что если не целиком, то в значительной части наша финансовая система все же представляла собой осколок капиталистических финансов. Ошибочность такой трактовки кроется в том, что т. Шахновская приписывает слишком большую роль организационным формам выражения финансовых категорий. Наша финансовая система не была «осколком» капиталистических финансов, даже и в известной мере, ибо сущность финансовых категорий определяется социальной их функцией в системе общественного воспроизводства. Поэтому нельзя рассматривать нашу финансовую систему в восстановительный период, как известную трансформацию капиталистических финансов, при чем будто бы только с переходом к реконструкции народного хозяйства наши финансы превращаются в категорию имманентную социалистической природе нашей экономики.

Самый переход к реконструкции финансовой системы т. Шахновская объясняет «решительным переходом от методов косвенного перераспределения доходов к прямым и дальнейшим преодолениям рыночных форм связей». В тесной связи с этой концепцией следует и другой тезис т. Шахновской, который гласит: «По мере того, как финплан становится все более адекватным народнохозяйственной модели строительства социализма, происходит как бы самоотрицание финплана». Короче говоря, схема т. Шахновской выглядит в таком виде: в восстановительный период наши финансы были трансформированной категорией капитализма; в реконструктивный же период, когда мы переходим к прямым методам перераспределения и преодоления рыночных форм связи (мы имеем здесь дело с «левацким» упрощением проблемы перехода на прямое распределение), наступает момент самоотрицания финансов в категории единого финплана.

Такое противопоставление восстановительного и реконструктивного периодов в области наших финансов сугубо неверно. Разница между этими двумя этапами в развитии наших финансов лежит в другой плоскости, а именно: в степени охвата, глубине самого финансового планирования, как результата разной степени создания общих предпосылок народнохозяйственного планирования. Имевшийся в восстановительном периоде в отдельных случаях разрыв между содержанием и формой советских финансов, правильно констатированный т. Шахновской, был обусловлен тем, что на этом этапе нашего социалистического на-

¹⁾ «На новом этапе», т. II, стр. 270.

ступления социалистическое содержание советских финансов загромождалось еще обилием «обломков старого». Однако неверно представлять дело таким образом, что мы имели чисто внешнюю форму, «приклеенную» к чуждому ей содержанию. Применение «старой» формы вытекало из противоречий нэпа на этом этапе нашего социализма. В условиях, когда лишь подготавливалось наступление по всему фронту, когда у пролетариата еще не накопилось достаточно организационного опыта, когда он еще не создал свои кадры, которые могли взять на себя задачу реконструкции советских финансов, неизбежно и необходимо было применение ряда «старых» организационных форм, обеспечивающих, однако, совершенно особый характер и направление развития народного хозяйства. Особо важно подчеркнуть значение кадров в деле реконструкции советских финансов, ибо реконструкция методов и форм финансовой работы отнюдь не укладывается в понятие финансовой техники.

5. Финансовое планирование в реконструктивном периоде нэпа

На исходе восстановительного периода (декабрь 1925 г.) XIV съезд партии сформулировал генеральный путь развития нашего хозяйства как социалистическую индустриализацию СССР, обеспечивающую на основе дальнейшего упрочнения диктатуры пролетариата, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, усиление экономической независимости нашей страны, построение бесклассового социалистического общества.

Через два года XV съезд партии уже констатировал крупные достижения в области социалистической индустриализации, которые нашли яркое выражение в быстрых темпах развития социалистической промышленности, в увеличении удельного веса и командной роли социалистических форм хозяйства, в том, что Советский союз «из аграрной страны становится индустриальной страной» (Сталин).

«Страна наша, — указал т. Сталин в политотчете ЦК, — идет к социализму уверенно и быстро, оттесняя на задний план и вытесняя шаг за шагом из народного хозяйства капиталистические элементы». «Этот факт, — продолжает т. Сталин, — вскрывает перед нами основу вопроса: «кто—кого»? Этот вопрос поставлен Лениным в 1921 г. после введения новой экономической политики. Сумеем ли мы связать нашу социализированную индустрию с крестьянским хозяйством, оттеснив частного торговца, частного капиталиста и научившись торговать, или частный капитал одолеет нас, учинив раскол между пролетариатом и крестьянством? — вот как стоял тогда вопрос. Но теперь вопрос «кто — кого» приобретает уже другой характер. Теперь этот вопрос переносится из области торговли в область производства, в область производства кустарного, в область производства сельскохозяйственного, где частный капитал имеет свой удельный вес и откуда его нужно систематически выживать».

При быстрых, небывалых темпах развития социалистической промышленности мы имели сравнительно медленный темп раз-

вития сельского хозяйства. Распыленное, раздробленное мелко-крестьянское хозяйство неспособно было к расширенному воспроизводству, к таким темпам развития, которые дала промышленность и которые представляют собою **«прямое и несомненное доказательство превосходства советской системы производства перед системой капиталистической»** (Сталин). Вместе с тем сельское хозяйство оставалось еще питательной почвой для возникновения капиталистических элементов. Со всей остротой вставала задача социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Поддерживая необходимость дальнейшего усиления темпов развития социалистической промышленности, обеспечивающих решение проблемы «догнать и перегнать капиталистические страны», т. Сталин на XV съезде партии с особой силой указал на то, что пришло время **«поставить очередной практической задачей нашего строительства в деревне постепенный перевод разпыленных крестьянских хозяйств на рельсы объединенных крупных хозяйств, на общественную коллективную обработку земли на основе интенсификации и механизации земледелия в расчете, что такой путь развития является важнейшим средством ускорения темпа развития сельского хозяйства и преодоления капиталистических элементов в деревне»**.

«Нельзя, — говорил т. Сталин на пленуме ЦК от 19 ноября 1928 г., — без конца, т. е. в продолжение слишком долгого периода времени, базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух **разных** основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства. Нужно постепенно, но систематически и упорно переводить сельское хозяйство на новую техническую базу крупного производства, подтягивая его к социалистической промышленности». Эти указания определили новый этап **в социалистическом преобразовании деревни**.

Директивы XV съезда по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства характеризуют перевод нашего планирования с переходом к реконструктивному периоду на более высокую качественную ступень сравнительно с методами и формами планирования в восстановительный период. Реконструктивный период умножил и усилил комплекс мероприятий пролетарского государства в области воздействия на мелкотоварное хозяйство и дальнейшего вытеснения капиталистических элементов, как результат превращения нашей страны из аграрной в индустриальную, на основе «социалистической индустриализации, развертывания строительства совхозов и колхозов, массового применения контрактации и машинно-тракторных станций как средства установления производственной смычки между индустрией и сельским хозяйством» (Сталин).

Грандиозные задачи коренной реконструкции промышленности на новой технической базе и социалистической перестройки сельского хозяйства диктовали необходимость раздвижения масштаба планирования во времени. Нельзя было уже ограничиться разработкой годовых контрольных цифр, необходимо было перейти к многолетнему **перспективному** планированию,

конкретизирующему ленинский план построения фундамента социалистической экономики и выкорчевывания корней капитализма, что диктовало необходимость и отыскания новых методов и форм планирования. От частных планов, охватывающих отдельные участки народнохозяйственного фронта, не всегда достаточно увязанных и согласованных между собой, перспективное планирование в реконструктивный период превращается в комплексно-синтетическое планирование, строго взаимно увязывающее и согласовывающее отдельные народнохозяйственные планы в единый план.

Результатом и выражением этих огромных сдвигов в области социалистического планирования и явился план развития народного хозяйства СССР на пятилетие 1928/29 — 1932/33 г., содержание, основная задача которого получила классическую характеристику в следующих словах т. Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в январе 1933 г.:

«В чем состояла основная задача пятилетнего плана? Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой на рельсы новой, современной техники.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы превратить СССР из страны аграрной и немощной, зависимой от капризов капиталистических стран, в страну индустриальную и могучую, вполне самостоятельную и независимую от капризов мирового капитализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы, превращая СССР в страну индустриальную, вытеснить до конца капиталистические элементы, расширить фронт социалистических форм хозяйства и создать экономическую базу для уничтожения классов в СССР, для построения социалистического общества.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна в целом, но и транспорт и сельское хозяйство на базе социализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести мелкое и раздробленное сельское хозяйство на рельсы крупного коллективного хозяйства, обеспечить тем самым экономическую базу социализма в деревне и ликвидировать таким образом возможность восстановления капитализма в СССР.

Наконец, задача пятилетнего плана состояла в том, чтобы создать в стране все необходимые технические и экономические предпосылки для максимального поднятия обороноспособности страны, дающей возможность организовать решительный отпор всем и всяким попыткам военной интервенции извне, всем и всяким попыткам военного нападения извне».

Чем диктовалась эта основная задача пятилетки, чем она обосновывалась?

Необходимостью ликвидации технико-экономической отсталости Советского союза, обрекающей его на незавидное существование, необходимостью создать в стране такие предпосылки,

которые дали бы ей возможность не только догнать, но со временем и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны».

Переход к реконструкции народного хозяйства, бурные темпы и успехи социалистической реконструкции, огромный качественный рост планирования определило изменение роли и задач советских финансов по сравнению с восстановительным периодом.

Перспективный народнохозяйственный план, синтезируя в едином внутреннеувязанном комплексе сложнейшие цели и задачи развития народного хозяйства, потребовал отыскания соответствующих методов и форм синтетического финансового планирования. В восстановительный период отдельные планы финансовых институтов (госбюджета, местного бюджета, кредитной системы, госстраха и т. д.) не были достаточно увязаны и взаимно согласованы между собой, не охватывая в целом всего процесса аккумуляции и перераспределения ресурсов. Разработка пятилетнего плана, намечавшего огромную программу капитальных вложений, широкий размах социально-культурного строительства и т. д., требовала сводной характеристики, за счет каких ресурсов, при помощи каких рычагов и финансовых институтов будет осуществлена финансовая программа плана и как взаимно увязываются и сочетаются они между собой. Необходимо было взаимно увязать оперативные планы финансовой системы (бюджет, кредитный план, план госстраха, трудсберкасс и т. д.) между собой и с планами отдельных отраслей народного хозяйства, а также с планами социально-культурных мероприятий, построить единый финансовый план, в котором должны были получить выражение общие линии финансовой политики, органически вытекающие из общих задач народнохозяйственного плана. Таким образом, хотя проблема синтетического финансового планирования возникла уже в конце восстановительного периода, задача такого планирования встала в связи с составлением пятилетнего плана.

В процессе составления финансового плана первой пятилетки получили яркое выражение вредительские и оппортунистические представления о роли финансов и задачах финансового планирования. Так, вредитель проф. Юровский выдвинул «тезис», что финансовый план не что иное, как расширенный бюджет, который имеет не мало «претендентов» в практике «планирования» капиталистических финансов. «Еще 150 лет тому назад, — утверждал Юровский, — при Сперанском и Вяземском был восстановлен бюджет, который давал достаточно полное обозрение государственного хозяйства; так как через госбюджет этой цели целиком нельзя достигнуть, то на сцену выступает финплан». Следовательно, по мысли Юровского, работа над финпланом есть лишь простая эволюция той работы, которая «начата» за полтора столетия до нашего времени, продолжение «эволюции» капиталистических финансов, разве только с тем «добавлением», что наше финансовое планирование менее «совершенно» по своим образцам по сравнению с практикой буржуазных финансов. Этот тезис о финплане, как расширенном бюджете, защищался и ря-

дом других финансистов (проф. Соболев, Шмелев), а также и т. Сокольниковым, утверждавшим, что идея единого финансового плана подтверждает **«необходимость такой перестройки госбюджета, которая превратила бы его в государственный финансовый план, охватывающий всю совокупность финансовых отношений в пределах советского хозяйства»**¹⁾. В основе этого тезиса лежало понимание нашего госбюджета как плана государственного хозяйства, имеющего свои налоги в практике буржуазных финансов.

Какое влияние имели эти буржуазно-вредительские концепции в понимании наших финансов и сущности единого финплана, видно хотя бы из того, что эта точка зрения пробралась на страницы официального издания НКФ «Единый финплан на 1929/30г.». «Можно утверждать, — сказано в этом документе, — что каждой хозяйственной системе соответствует своя особая форма финансового планирования. Капиталистическое хозяйство нашло необходимую ему форму не сразу... Капиталистическое государство получило в государственном бюджете тот финансовый план и тот документ, который соответствовал условиям его хозяйственной системы. Имеет ли уже советская хозяйственная система, находящаяся на пути от капитализма к социализму и стоящая при этом уже во многих отношениях ближе к последнему, чем к первому, финансовый план, адекватный по форме новым социально-экономическим условиям? Она еще не имеет его. Она только имеет его в настоящее время в формах единого финансового плана»²⁾. Такая трактовка сущности финплана приводила ряд «теоретиков» к требованию сжатия его объема до пределов охвата только капитальных вложений в сферу государственного хозяйства или к охвату всех финансовых отношений государственного хозяйства. Вся сущность единого финансового плана, как плана синтетического, этим выхолащивалась; вся специфичность его, как категории, рожденной только планированием в условиях нашего хозяйства, сводилась к нулю. На ряду с этими «теориями», стремившимися втиснуть понятие единого финплана в рамки какой-то «трансформирующейся» капиталистической категории, мы имели попытку со стороны ряда экономистов расширить финплан до охвата всех ресурсов народнохозяйственного плана, отождествить финплан с народнохозяйственным балансом. Эта точка зрения, которая была развита группой работников Госплана УССР³⁾, основана на недооценке роли финансов в реконструктивный период. Стремясь охватить финпланом весь комплекс финансовых отношений в народном хозяйстве, она навязывала финплану хозяйственные функции и превратила его из действенного, могущего рычага межсекторного, межклассового и межотраслевого перераспределения ресурсов, из синтетического плана, приводящего к единству весь комплекс методов, рычагов и финансовых институтов (не лишая их своей специфичности и автономных в общей, финансовой системе), в какой-то конгломерат разных при-

¹⁾ Сокольников, «Финансовая наука», стр. 6, 1930 г., изд. ВЗИФЭН.

²⁾ «Единый финансовый план», Госиздат, 1930 г., стр. 14.

³⁾ «Единый финплан», труды Госплана УССР, Харьков, 1925 г.

ближенных вариантов, статистических выкладок, примерных ориентировок, лишенных всякой оперативно-плановой значимости.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 мая 1930 г., которым был завершен первый опыт работы над единым финпланом, последний был определен в следующих словах: «Достигнутые успехи планового хозяйства делают возможным и необходимым поднять планирование финансов на более высокую ступень и охватить финансы обобщественного сектора единым финансовым планом. Этот план, не устраняя отдельных оперативных финансовых планов (госбюджет, финансовый план промышленности, кредитные планы и т. д.), должен облегчить и улучшить их взаимное согласование и обеспечить наиболее целесообразное направление и экономное использование средств на нужды народного хозяйства, управления и обороны Союза ССР».

В едином финансовом плане наиболее полное выражение находят органическое единство финансов и народного хозяйства в условиях советской экономики, неразрывность народнохозяйственного и финансового планирования. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. в своих резолюциях отметил это огромное завоевание нашего социалистического строительства. «Успехи планового социалистического хозяйства позволили перейти в области финансов к системе единого финансового плана, охватившего все средства страны, идущие на капитальное строительство, пополнение оборотных средств обобщественного сектора, на культуру, управление и оборону СССР».

Подчеркивая идею единства финансового и народного хозяйственного плана, пленум дал решительный отпор всем теориям недооценки роли финансов в период наступления социализма. «Без строгого выполнения финансового плана невозможно осуществление хозяйственного плана во всех отраслях народного хозяйства».

6. Реконструкция налоговой системы

Успехи социалистической реконструкции народного хозяйства и огромное возрастание планового начала обусловили возможность и необходимость радикальной реконструкции нашей кредитной и налоговой системы, осуществленной двумя тесно увязанными одна с другой реформами — кредитной и налоговой.

Налоговая система в своем развитии должна следовать за изменениями общих форм управления народным хозяйством. В условиях огромного усиления темпов социалистического наступления недостаточно дифференцированный подход налоговых методов к двум разным социальным секторам народного хозяйства — к обобщественному, социалистическому сектору и частному, допустимый ранее, стал крупнейшим недостатком. Применение одинаковых методов и форм изъятия, позаимствованных к тому же в ряде случаев из арсенала буржуазной налоговой практики, к этим двум противоположным по своей социальной природе секторам снижало их социально-классовую эффективность, не говоря уже о их чрезмерной сложности и недостаточной эластичности как формы связи финансовой системы с обобществен-

ным хозяйством. Все более возрастающая роль социалистического сектора при уменьшающемся удельном весе частного хозяйства требовала отыскания нового критерия и иных методов налоговых изъятий из обобществленного хозяйства, отличных от методов изъятий из частного сектора.

Задача реконструкции налоговой системы и состояла в том, чтобы найти форму налоговых взаимоотношений, адекватную этому процессу обобществления народного хозяйства. С другой стороны, изменившаяся роль частного сектора, политика решительного наступления на капиталистические элементы, развернутая уже в первые годы реконструктивного периода, требовали также изменений и методов обложения частного сектора. В итоге мы имеем ряд отдельных реконструктивных моментов в области нашей налоговой политики, завершенных коренной налоговой реформой, проведенной на основе постановления ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г.

Реконструкция налоговой системы была начата с реорганизации системы акцизного обложения и проведения опытов однократного обложения в обобществленном секторе. Акцизное обложение со всеми присущими ему техническими приемами акцизная отчетность, надзор за предприятиями, правила передвижения товаров и т. д. безусловно сыграли положительную роль в первые годы восстановительного периода, когда этими мероприятиями мы стимулировали правильную постановку промышленного учета и отчетности. Но уже в последние годы восстановительного периода, когда организационное управление отраслями обобществленного хозяйства достигло высокого уровня, когда охват плановым воздействием со стороны государства значительно усилился, система акцизного обложения вступила в противоречие с природой и сущностью государственных предприятий и с формами хозяйственного управления. Практика постоянного акцизного надзора, провозных документов, специальной акцизной отчетности и пр. теряла в новых условиях всякую положительную роль.

Переход к централизованной системе начисления и взимания акцизов с отменой акцизного надзора за предприятиями происходил очень медленными темпами. Чрезмерная осторожность, проявленная Наркомфином в этом вопросе, объясняется, очевидно, активным и пассивным сопротивлением старых специалистов, которые играли тогда немаловажную роль в финансовом аппарате, в особенности в области акцизного обложения. Самая идея реорганизации исходила не из Наркомфина, а от НКРКИ, которому пришлось приложить не мало усилий, чтобы сломить консерватизм финансовых практиков в отдельных звеньях финансового аппарата. Уже первые опыты введения и применения централизованной системы исчисления и взимания акцизов дали значительное сокращение и упрощение работы аппарата, и с 1928/29 хоз. года централизованная система была распространена на все виды обобществленной подакцизной промышленности. Этой частичной реконструкцией методов налогового изъятия были опровергнуты на деле все опасения и сомнения, с которыми приступил Наркомфин к реформе, была доказана необходимость более

решительных шагов по проведению коренной реконструкции, для которой уже имелись налицо все необходимые предпосылки в народном хозяйстве.

На ряду с системой централизованного акцизного обложения встал также вопрос об унификации ряда платежей промышленности госбюджету, которые относились к так называемой категории «неперелагаемых» платежей: подоходный налог, отчисления из прибылей, отчисления на профтехническое образование и в резервные капиталы. Разрабатывался ряд проектов об унификации всех платежей в виде единого платежа — отчисления от прибылей. Хотя эти проекты и не были осуществлены, но они сыграли большую роль в последующем проведении налоговой реформы, поставив на повестку дня необходимость разрешения ряда принципиальных вопросов в области налоговой теории и практики.

Наконец, последним этапом в развитии системы обложения были налоговые новеллы 1929/30 г., положившие начало к переходу к однократному обложению в системе промыслового налога, которым облагался оборот каждого предприятия. Налог с оборота ложился далеко не равномерно на отдельные предприятия, так как степень налоговой нагрузки зависела от числа звеньев, проходимых товаров от производителя до потребителя. Переход к однократному обложению должен был устранить эти недостатки как в отношении равномерности обложения, так и чрезмерной сложности методов изъятия. Вначале однократное обложение было распространено на некоторые виды товаров (мануфактура, табачные изделия и друг.), при чем, как правило, однократному обложению подвергался производитель в лице синдиката, через который проводилась реализация товаров; все же другие звенья товаропроводящей системы от обложения освобождались.

Опыт проведения однократного обложения подвел вплотную к вопросу о дальнейших путях налоговой реформы. Это прежде всего касалось слияния промналога с акцизом. При однократном обложении вся разница между этими двумя видами обложения сводилась к тому, что в одном случае масштабом обложения являлась цена, а в другом — весовая или натуральная единица товаров (хотя в некоторых акцизах обложение строилось по ценам товара). С точки зрения источников, образующих эти налоги, и тот и другой виды обложения отлагались в цене товара. Слиянию акциза с промналогом было положено начало в области акциза с текстиля, замененного соответствующим увеличением ставки промналога.

Необходимость максимального упрощения налоговой системы, унифицирования ряда налоговых и неналоговых изъятий в небольшом количестве платежей обобщественного сектора госбюджету была столь очевидна, что реакционные, буржуазно-вредительские элементы не посмели открыто выступить против назревшей налоговой реформы. Отдельные финансисты школы Юровского тем не менее сделали ряд попыток доказать вред «нововведения» и всячески восхваляли «установившийся порядок». Так, проф. А. Соколов говорил, что «природа налогов глубоко отличается от природы цены и что к объектам обложения,

которые в настоящее время существуют, нащупаны в порядке длительного опыта и теоретических изысканий и отбора, лучших, чем те, которые есть, отыскать нельзя» (из выступления на I все-союзной финансовой конференции), а проф. Юровский защищал систему промышленного налога тем аргументом, что «высокая прибыль, которая была бы неизбежна в случае замены промышленного налога отчислениями от прибылей, нецелесообразна, так как стоимость реконструкции путем введения единого платежа обобщенного могла быть основанием для требований таких повышений заработной платы, которые не оправдались бы высотой производительности труда» (из доклада на той же конференции).

Если не считать этих «возражений», необходимость коренной реконструкции всей системы налоговых платежей обобществленного сектора получила всеобщее признание. Но весьма спорным оказался вопрос о том, на какой основе должна быть проведена генеральная реконструкция. В финансово-экономической литературе было высказано не мало точек зрения, не всегда достаточно сведенных в экономическую теоретическую концепцию. В основном боролись между собой две концепции, в которых отразилось разное понимание сущности и роли финансов в условиях реконструктивного периода. Одна точка зрения доказывала необходимость реконструкции путем введения единого платежа обобществленного сектора или единого канала, другая же исходила из необходимости введения двух каналов платежей — унификации всех налоговых изъятий в едином налоге и сохранения на ряду с этим отчислений от прибылей госпредприятий.

Сторонники первой концепции полагали, что осуществлением принципа единого платежа разрешаются противоречия финансовой системы. Вся проблема сводилась «к попыткам нахождения, определения коэффициента начисления на себестоимость продукции. Если отвлечься от платежей частного сектора и привлеченных средств населения, то все расходы финплана должны быть покрыты за счет разницы между ценой и себестоимостью товаров обобществленного сектора. Отсюда «коэффициент начисления при едином платеже обобществленного сектора должен быть равен отношению между сальдо расходов финплана и себестоимостью всей продукции в сфере производства и обращения»¹⁾. Определение коэффициента начисления на себестоимость, который должен быть распределен и дифференцирован по отдельным звеньям производства в соответствии с общей политической цен, разрешало, по мнению этого направления, все противоречия финансовой системы. Эта позиция обосновывалась тем, что рост социалистического накопления и планового использования цены, рост укрепления планового начала и плановой дисциплины» устраняет метод финансового принуждения, налогового воздействия и переключает финансовые отношения на расчетные²⁾. Таким образом, в основе этой позиции сторонников единого платежа лежало полное игнорирование специфичности финансовых рычагов как методов перераспределения народного дохода в ус-

¹⁾ С. Шахновская, «Проблема реконструкции финансовой системы» в сборнике «На новом этапе», т. II, стр. 293.

²⁾ Там же, стр. 292.

ловиях реконструктивного периода. Рост планового регулирования цен в результате возросшего планового воздействия государства на весь ход воспроизводства рассматривался этой концепцией как момент «отмирания» финансов, как полное «растворение» финансовых категорий в общей системе распределительных отношений. За финансами отрицалось значение рычага воздействия на ход воспроизводства. Необходимость финансового маневрирования и воздействия всей совокупностью бюджетных методов на отдельные звенья обобщественного сектора в процессе выполнения народнохозяйственного плана выдавалось за нечто «несовместимое» с теми глубокими сдвигами, которые произошли в нашем хозяйстве после наступления социализма по всему фронту. Финплану все больше придавалось значение единого расчетного плана с полным растворением в нем отдельных финансовых институтов и отдельных, специфических по своей природе, методов перераспределения. Значение хозрасчета и проверки рублем, как методов планирования, недооценивалось или, более того, игнорировалось. Это был «левацкий загиб» с характерным для него «перепрыгиванием» через этапы.

На правильной позиции стояли сторонники необходимости сохранения на данном этапе двух каналов платежей, хотя ряд аргументов в защиту этой концепции некоторых финансистов и содержит грубейшие теоретические ошибки ¹⁾. В частности. «теория» противопоставления налога в обобщественном секторе прибыли, т. е. соцнакоплению, проведение грани, между двумя категориями в том смысле, что налоги-де покрывают «общие генеральные издержки производства», в то время как прибыль непосредственно связана с процессом производства, представляет собой полнейшее непонимание роли этих категорий и взаимную их связь (см. сборник статей «Реконструкция системы налоговых и неналоговых изъятий», ГИЗ, 1931 г., стр. 25).

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г. были установлены два канала платежей, что дало значительное упрощение разбухшей налоговой системы, как она сложилась в восстановительном периоде, и вылилось в коренную реформу налогового обложения всей системы обобщественного сектора.

7. Роль финансов в реконструктивном периоде

Развитие народного хозяйства на основе социалистической индустриализации обеспечило победу обобщественного сектора над сектором капиталистическим; вопрос «кто—кого» в промышленности был решен в пользу социалистических форм промышленности окончательно и бесповоротно (Сталин).

За все же эти годы произошли социально-экономические и технические сдвиги в сельском хозяйстве. На основе массового колхозного движения трудящегося крестьянства, начавшего собой период великого перелома в жизни нашей страны, партия перешла от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов в деревне к политике ликвидации кулачества как клас-

¹⁾ О налоговой реформе, ее содержании и проведении см. в гл. V.

са на основе сплошной коллективизации. «Судьбу сельского хозяйства, — говорил т. Сталин на XVI съезде партии, — отныне определяет не индивидуальное крестьянское хозяйство, а колхозы и совхозы». Громадный рост производительных сил на основе форсированных темпов социалистического строительства разрешил висевшую грузом проблему безработицы и повысил благосостояние широких масс трудящихся. «Эти гигантские успехи, — констатировал XVI съезд партии, — в деле строительства социализма в промышленности и в сельском хозяйстве стали возможны только на базе огромной активности рабочего класса и идущих за ним трудящихся масс, выразившейся в широком развитии среди рабочих социалистического соревнования и ударничества, в начавшейся перестройке работы всех органов пролетарской диктатуры, партийных, профсоюзных, советских и кооперативных организаций под лозунгом мобилизации масс за большевистские темпы социалистической реконструкции страны».

Финансы сыграли немаловажную роль в этих грандиозных успехах социалистического строительства. Они обеспечили аккумуляцию и перераспределение огромнейших ресурсов на основе дальнейшего совершенствования форм и методов перераспределения в соответствии с теми глубочайшими социальными сдвигами, которые произошли в экономике страны. Еще более возросла роль сельскохозяйственного налога как одного из важнейших рычагов проведения экономической политики пролетарского государства в области сельского хозяйства. В условиях поворота середняка в сторону коллективизации, массового роста коллективизации и ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, в условиях неизбежного при этом резкого обострения классовой борьбы сельхозналог должен был перестроен в сторону резкого усиления обложения кулачества и, наоборот, льгот колхозному строительству. XVI партийная конференция дала ряд директив о принципах построения сельхозналога в новых условиях, указав на необходимость предоставления ряда льгот колхозному хозяйству по сравнению с единоличным, оставляя вместе с тем в силе политику полного освобождения маломощных хозяйств и стимулирование заинтересованности середняка в осуществлении мероприятий, повышающих культурный и технический уровень его хозяйства. На ряду с этим сельхозналог должен был быть использован как острейшее орудие борьбы с кулацким хозяйством, как составной элемент в общем комплексе мероприятий по ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Число хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке в 1929/30 г., возросло по сравнению с 1928/29 г. с 220 тыс. до 706 тыс., т. е. составляло 2,8% общего количества хозяйства, а суммы налога увеличились с 55,8 млн. руб. до 114,1 млн. руб.

В отношении обложения частного сектора в городе наша налоговая политика в этот период строится с расчетом дальнейшего вытеснения со всех экономических позиций частнокапиталистических элементов, одновременно поощряя кооперирование мелкотоварных производителей. Эта политика была отражена в соответствующем повышении прогрессии в шкале обложения не-

трудовых элементов подоходным налогом и разной системой ставок обложения оборота частных предприятий по сравнению с государственно-кооперативным сектором.

Роль налогов как фактора социалистического наступления не исчерпывается только вышеуказанными моментами. На ряду с ними мы должны учесть их перераспределительную функцию, ту роль, какую они сыграли в общей перераспределительной программе, осуществленной через финансовую систему. Наиболее обобщающим показателем процессов перераспределения является госбюджет, поскольку он занимает центральное место в системе единого финплана. Характерной чертой развития госбюджета в период с 1927/28 по 1929/30 гг. является более быстрый темп его прироста по сравнению с народным доходом. Прирост народного дохода и госбюджетов за эти годы рисуется в следующем виде (в процентах к предыдущему году):

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Темп прироста народного дохода	109,4	116,0	113,2
Темп прироста госбюджета	125,0	126,7	156,5

Общий объем государственного и местного бюджетов возрос с 8.027 млрд. в 1927/28 г. до 9.339 млрд. в 1928/29 г. и 13.138 млрд. в 1929/30 г. ¹⁾

Те социальные сдвиги, которые произошли в нашем народном хозяйстве с переходом на рельсы реконструктивного периода, естественно, отразились на структуре доходной и расходной части госбюджета, где мы имеем значительные изменения по сравнению с годами восстановительного периода.

Единый государственный бюджет СССР (в млн. руб.) ²⁾

Д о х о д ы	1928/29 г.	1929/30 г.	Особ. квартал 1930 г.
Доходы обобщественного сектора . . .	5.236,5	9.239,8	3.460,0
Мобилизация ресурсов населения . . .	969,6	1.422,1	424,5
Прочие доходы	448,0	568,4	164,1
И т о г о	6 654,1	11.230,3	4.048,6
Остаток по исполн. бюджета	205,4	186,8	651,5
Б а л а н с	6.859,5	11.417,1	4 700,1

¹⁾ Цифра по общему объему бюджета 1927/28 г. приведена к сопоставимому виду с бюджетом 1929/30 г. Этим объясняется расхождение с объемом бюджета за этот год, приведенным раньше.

²⁾ Следует иметь в виду, что данные по бюджету как в данной таблице, так и в последующих приведены в суммах, сравнимых по объему и составу отдельных групп доходов и расходов с бюджетом 1932 г.

Таким образом, в структуре доходной части мы наблюдаем сдвиг в сторону роста обобществленного сектора. Огромную роль уже начинает играть в эти годы аккумуляция в форме налога с оборота, на долю которого падало около 60% всех доходов обобществленного сектора. Резко усилился процент отчислений от прибылей государственной промышленности и заметно выросли доходы железнодорожного транспорта, который стал входить в бюджет всей своей валовой прибылью. Среди мобилизованных средств населения на первое место выдвигается организованное накопление населения в массовых займах. Рост этого источника в государственном бюджете обусловлен повышением материально-бытового уровня широких масс трудящихся и перестройкой всей нашей займовой работы путем максимального охвата накоплений трудящихся масс. Значительно свертываются займы так называемого «фондового рынка», и весь центр тяжести в области госкредита переносится на выпуск массовых займов, ориентирующихся исключительно на сбережения трудящихся. Для обеспечения полной эффективности госзаймов, аккумулирующих накопления трудящихся в каналы долгосрочного кредита, распоряжение облигациями по настоянию самих же масс было поставлено под контроль общественности в лице выборных комиссий содействия госкредиту, что и нашло свое законодательное оформление в постановлении ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1930 г.

Реконструктивные сдвиги в народном хозяйстве и активная роль финансовых рычагов в деле ускорения темпов социалистического строительства с особой яркостью находят свое выражение в расходной части государственного бюджета.

Р а с х о д ы	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		Особ. кварт.	
	В млн. руб.	В % к итогу	В млн. руб.	В % к итогу	В млн. руб.	В % к итогу	В млн. руб.	В % к итогу
Народное хозяйство . .	2.416,5	47,9	3.436,5	51,5	6 031,9	56,0	2.608,7	65,3
Соц - культ. мероприя- тия	357,3	7,0	416,1	6,3	740,3	6,9	296,3	7,4
Управл., регул. нар. хоз. администр. соц. культ. расходы и оборона	1.204,0	23,8	1.256,0	18,8	1.474,6	13,7	558,8	14,0
Займы (погашение и выигрыш)	299,5	5,9	317,5	4,8	405,7	3,8	74,9	1,9
Средства, передаваемые в местн бюджет . . .	580,0	11,4	1.045,6	15,7	1 460,8	13,5	205,3	5,1
Проч. расходы.	200,9	4,0	198,6	2,9	652,3	6,1	249,7	6,3
И т о г о . .	5.058,2	100,0	6.670,3	100,0	10 765,6	100,0	3.994,1	100,0
Превышение доходов над расходами	205,4	—	189,2	—	651,5	—	706,0	—
Б а л а н с . .	5163,6	—	6.859,5	—	11.417,1	—	4.700,1	—

Во-первых, эта таблица дает картину той громадной роли, которую сыграл госбюджет как рычаг перераспределения ресурсов на цели расширенного воспроизводства. Расходы по народному хозяйству в реконструктивном периоде показывают резкий скачок вверх по сравнению с годами восстановительного периода. В последний год восстановительного периода (1926/27 г.) на долю расходов на народное хозяйство приходилось около 40% итога, что составляло, примерно, 1,5 млрд. руб. Первые же два года пятилетки дают этой расходной статье решающий перевес в общей массе расходов государственного бюджета. В 1929/30 г. на их долю приходится уже свыше 6 млрд. руб., что составляет 56% итога.

В особом квартале мы имеем значительный сдвиг — расходы на народное хозяйство составляют уже 65,3% итога, и эта тенденция роста характеризует и последующие годы первой пятилетки. При резком абсолютном росте расходов на социально-культурные мероприятия, их удельный вес в бюджете остается все время примерно на уровне 7%. Резко падает удельный вес расходов, связанных с управлением и обороной. Таким образом, мы можем констатировать расширение роли госбюджета как перераспределителя ресурсов на осуществление форсированных темпов социалистического строительства. Производительный характер нашего госбюджета, его слитность с планом народнохозяйственного строительства, черта, свойственная эволюции нашего госбюджета и в годы восстановительного периода, получает в реконструктивный период еще более рельефное и очерченное выражение. На ряду с ростом госбюджета и изменением его качественной структуры мы имеем в годы реконструктивного периода заметные сдвиги количественного и качественного порядка и по линии местного бюджета.

Доходная структура местных бюджетов СССР за первые два года пятилетки рисуется в следующем виде:

	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		Особый кв-л 1930 г.	
	В млн руб.	В % к ито- гу	В млн руб.	В % к ито- гу	В млн. руб.	В % к ито- гу	В млн. руб.	В % к ито- гу
Налоговые	984,6	49,3	1255,6	52,2	1561,9	45,8	426,1	34,1
Неналоговые	596,8	29,9	693,3	28,7	991,0	19,1	358,2	28,7
Прочие (включ. остат- ки бюдж. средств) . .	415,6	20,8	463,0	19,1	850,5	25,1	466,4	37,2
Итого	1997,0	100,0	2411,9	100,0	3403,4	100,0	1250,7	100,0

Мы имеем заметный рост как налоговых, так и неналоговых источников в местном бюджете по сравнению с восстановительным периодом. Кроме того, в первой пятилетке местный бюджет приобретает новый источник дохода в форме отчислений от государственных займов. Но более характерным для качественных

сдвигов в структуре местных бюджетов является его расходная часть, которая выражается в следующем виде:

Р а с х о д ы	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		Особ. кварт.	
	В млн. руб.	В % к итогу	В млн. руб.	В % к итогу	В млн. руб.	В % к итогу	В млн. руб.	В % к итогу
Народное хозяйство	575,1	29,6	649,4	28,0	1.018,8	31,5	191,9	20,3
Социально-культ. мероприятия	769,3	39,6	992,5	43,2	1.365,9	42,3	446,0	47,2
Управление, регулир. нар. хоз-ва, адм. соц. культ. мероприятий .	327,6	16,9	371,1	16,1	500,0	15,5	121,7	12,9
Прочие	268,6	13,9	291,6	12,7	349,5	10,7	185,7	19,6
Итого . . .	1.940,6	100,0	2.304,6	100,0	3.234,2	100,0	945,3	100,0

По сравнению с последними годами восстановительного периода, в первые годы реконструктивного периода повысились расходы по народному хозяйству, также заметно выросли расходы по социально-культурным мероприятиям за счет сокращения удельного веса управленческих расходов. Таким образом, и для местных бюджетов оказались характерными, тенденции, которыми отмечено развитие госбюджета в реконструктивный период.

Но эти две важнейшие тенденции не вскрывают еще полностью роли финансовой системы в реконструктивном процессе. Для этого надо обратиться к цифрам, характеризующим исполнение синтетического сводного плана финансовых институтов и финансовых планов отраслей народного хозяйства — к единому финансовому плану.

Выполнение финансового плана за первые два года пятилетки может быть представлено в следующих цифрах:

Р е с у р с ы	1928/29 г.		1929/30 г. и особ. квартал	
	В млн. руб.	В % к итогу	В млн. руб.	В % к итогу
Доходы обобществленного сектора	9.357,5	72,3	19.391,5	70,8
в том числе:				
1) промышленность . .	4.341,4	33,5	8.808,1	32,1
2) сельск. хозяйство . .	117,5	0,9	293,0	1,1
3) транспорт и связь . .	1.203,1	9,3	2.264,2	8,3
Средства населения . .	2.517,9	19,4	5.320,0	19,4
В том числе:				
1) обязательные платежи	1.417,5	11,4	3.743,8	13,7
2) добровольные платежи	1.046,4	8,0	1.576,2	5,7
Прочие доходы	1.076,7	8,3	2.698,1	9,8
Всего . . .	12.952,1	100,0	27.409,6	100,0

Общий объем ресурсов финансового плана, запроектированный на первый год пятилетки в 11,4 млрд. руб., а на второй — на 13,4 млрд. руб., оказался выполненным за этот период (плюс особый квартал) на 6 млрд. руб. больше. Темпы развития народного хозяйства, которые обогнали запроектированные наметки, отразились, естественно, резким перевыполнением ресурсов, вовлеченных в финансовую систему, при чем рост ресурсов сопровождался широким охватом единым финансовым планом ресурсов обобщественного сектора, которые стали занимать до трех четвертей всего финансового плана. Среди ресурсов обобщественного сектора исключительные темпы прироста показывают фонды социалистического накопления в промышленности. Накопления обобщественного сектора сельского хозяйства остаются в первые два года пятилетки на низком уровне. Среди мобилизованных средств населения характерным моментом является усиление массовых добровольных платежей. Эта наметившаяся тенденция была закреплена в развитии нашей финансовой системы на новом этапе.

В общем, **единый финплан** в наиболее концентрированном виде **отражает глубочайшие сдвиги в народном хозяйстве**. В синтетических показателях единого финплана мы видим, что фонды накопления в народном хозяйстве в подавляющей своей массе оказались созданными в обобщественном секторе; с другой стороны, в плане мобилизации ресурсов населения показана огромная роль финансовой системы в деле мобилизации ресурсов других социальных секторов и населения для осуществления темпов социалистического строительства.

Направление ресурсов	1928/29 г.		1929/30 г.	
	В млн. руб.	В % к итогу	В млн. руб.	В % к итогу
Вложения в народн. хозяйство	7.181,6	55,4	17.823,6	65,1
Финансир. соц. - культ. мероприятий	2.973,5	23,0	5.327,2	19,4
Управление и оборона .	1.588,1	12,3	2.551,9	9,3
Прочие расходы . . .	1.208,9	9,3	1.706,9	6,2
Всего . . .	12.952,1	100,0	27.409,6	100,0

Направление ресурсов на расширение воспроизводства социалистических отношений и на развертывание культурной революции составляет основной стержень единого финплана. В 1928/29 г. на эти цели было направлено 78,4% всех ресурсов, в 1929/30 г. — 84,5%. Капитальные вложения направляются главным образом в отрасли тяжелой промышленности и на электрификацию. Вложенные на расширенное производство этих отраслей ресурсы в 1½—2 раза превысили проектировки пятилетнего плана развития народного хозяйства.

Система финансирования была поставлена на службу важнейшим участкам социалистического строительства — промышлен-

ности, электрификации и транспорту и тем самым способствовала борьбе за экономическую независимость нашей страны, разрешению задачи догнать и обогнать передовые капиталистические страны.

Обслуживая темпы социалистической реконструкции распределением ресурсов по важнейшим артериям народнохозяйственного организма, финансовая система максимально активизировала свою роль и в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства. Общая сумма вложений в сельское хозяйство в 1928/29 г. составила 1.240 млн. руб., а в 1929/30 г. — 3.686,2 млн. руб. Система финансирования сельского хозяйства осуществляла указание т. Сталина относительно «насаждения совхозов и объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, как единственный путь разрешения проблемы сельского хозяйства вообще, зерновой проблемы в частности». Вложения в сельское хозяйство характеризуется следующими цифрами:

	1928/29 г.	1929/30 г.	Рост в %
	В млн. руб.		
Совхозы	149	525	+ 252,3
Колхозы	139	560	+ 302,9
МТС	—	101	—
Индивидуальное хозяйство	484		
Сельскохоз. кооперация	206	135	— 77,1

Финансирование социально-культурных мероприятий осуществлялось через ряд финансовых институтов — бюджетную систему, соцстрах, хозорганы и по другим источникам.

В едином финплане они показывают большие темпы по линии финансирования просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и охраны труда. Финансирование просвещения составило в 1928/29 г. 147,5 млн. руб., а в 1929/30 г. и в особом квартале 1930 г. — 3.150,5; финансирование здравоохранения за соответствующие годы выразилось в 699,4 млн. руб. и 1.193,1 млн. руб. Таким образом, 1929/30 г. дает почти удвоение этих расходов. В эти годы мы уже сделали решающие шаги по подготовке кадров и широкого социально-культурного обслуживанию широких масс трудящихся.

Государственный бюджет явился важнейшим фактором развертывания хозяйственного и культурного строительства. Перевыполнение пятилетки в финансовом плане сопровождалось перевыполнением расходных статей по хозяйству и культуре (важнейшим элементом единого финплана госбюджета), соответственно изменяя их структуру.

Не останавливаясь на роли других финансовых институтов — местного бюджета, кредитной системе, госстрахе и т. д., поскольку они уже отражены в обобщенных показателях единого финплана, мы в праве констатировать, что в период между XV и XVI съездами партии, которым охватывается два года первой пятилетки, наша финансовая система справилась с задачами, возложенными на ней партией, участвуя в осуществлении программы развернутого социалистического наступления по всему фронту,

ибо «сущность большевистского наступления состоит, далее, в том, чтобы мобилизовать максимум средств на дело финансирования нашей индустрии, на дело финансирования наших совхозов и колхозов» (Сталин, из политотчета на XVI съезде партии).

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем заключается значение перехода от продразверстки к продналогу для развития советских финансов?

2. Какие задачи поставил XI съезд партии в области финансовой политики?

3. Почему задача проведения денежной реформы являлась центральной задачей финансовой политики в первые годы нэпа?

4. Какие мероприятия в области финансового строительства обеспечили ликвидацию бюджетного дефицита и завершение денежной реформы и какое значение имела денежная реформа для дальнейших успехов в области финансового строительства?

5. Какие основные задачи стояли перед финансовой системой в восстановительном и реконструктивном периодах нэпа и чем определялись эти задачи?

6. Как развивалась и какую роль сыграла налоговая система на различных этапах новой экономической политики?

7. Как изменялись содержание, роль и значение финансового планирования на различных этапах нэпа и чем был обусловлен переход к синтетическому финансовому планированию?

8. Какую роль (факты и цифры) сыграла финансовая система в восстановительном и реконструктивном периодах нэпа (перераспределительная роль госбюджета за 1922—1930 гг.)?

НАРОДНЫЙ ДОХОД И ЕДИНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ПЛАН**I. Исходные моменты анализа**

Последние годы социалистического строительства дают яркую картину возрастания роли финансов в перераспределении народного дохода. Запроектированные темпы хозяйственного и культурного строительства в первом пятилетнем народнохозяйственном плане предусматривали огромную программу мобилизации средств, выполнение которой требовало коренной перестройки финансовой системы как в отношении методов изъятий народного дохода, так и в взаимоотношении между отраслями хозяйства и социальными группами населения. Общая программа мобилизации средств была намечена в сумме 86 млрд. руб., из которых на капитальное строительство предполагалось направить в основные фонды 51 млрд. руб. и на финансирование соц.-культурных мероприятий 22 млрд. руб.

Итоги выполнения пятилетки в четыре года показали не только реальность принятой программы, но и возможность ее перевыполнения. Политика индустриализации, социалистическая реконструкция сельского хозяйства создали огромные возможности финансовой системе в перераспределении народного дохода. За годы первой пятилетки народный доход увеличился на 85% против уровня 1928 г., составляя в 1932 г. 45,1 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.). Чистая продукция обобщественного сектора увеличилась почти в три раза — с 13,3 млрд. руб. в 1928 г. до 37 млрд. руб. в 1932 г., чистая продукция частного сектора упала от уровня 1928 г. на 56%.

Финансовая программа, запроектированная в объеме 86 млрд. руб., выполнена за 4¼ года в размере 120 млрд. руб. Государственный бюджет — главный рычаг перераспределения средств — составил в 1932 г. 31 млрд. руб. против 14 млрд. руб. предположений пятилетки по сводному бюджету для 1932—1933 гг.

Задача ускорения темпов индустриализации, обеспечивающей социалистическую реконструкцию народного хозяйства, переделка мелкотоварного сельского хозяйства, повышения обороноспособности нашей страны и освобождения нас от иностранной зависимости, потребовала больших капиталовложений.

За четыре года вложено в новое строительство 53,2 млрд. руб. Капитальные вложения по линии тяжелой индустрии составили за

4 года 16,6 млрд. руб., затраты на электрификацию с 300 млн. руб. в 1928/29 г. возросли до 2,5 млрд. руб. в 1932 г.; капитальное строительство по линии транспорта потребовало от финплана около 10 млрд. руб.; на осуществление программы реконструкции сельского хозяйства на основе развития совхозов и колхозов вложено около 10 млрд. руб.

На ряду с расходами на народное хозяйство произведены огромные затраты по социально-культурному строительству. Осуществление всеобщего начального обучения, рост обучающихся в средней и высшей школах, мероприятия по здравоохранению потребовали 24 млрд. руб., из которых около 2 млрд. руб. в виде капитальных вложений.

Все это обусловило систему конкретных взаимоотношений между единым финансовым планом и его основной частью — бюджетом с отраслями народного хозяйства и социальными группами населения по перераспределению как чистой продукции — народного дохода, так и части ранее накопленных ресурсов.

Осуществляя перераспределение средств, финансовая система организует, изменяет и направляет тем самым движение народного дохода в интересах развития социалистического строительства. На современном этапе социалистического строительства объем ресурсов, перераспределенных финансовой системой, превышает половину объема народного дохода страны. Этим определяется роль, которая принадлежит финансовой системе в процессе расширенного воспроизводства. Выявляя, аккумулируя и перераспределяя средства в народном хозяйстве по отдельным отраслям народного хозяйства и социальным группам населения, финансовая система ускоряет темпы расширенного воспроизводства всего хозяйства на основе роста социалистического сектора, регулирует накопления частнокапиталистических групп населения. Чтобы исчерпывающе определить роль финансовой системы в процессе социалистического воспроизводства, необходимо осветить такие моменты:

активную роль финансовой системы в создании народного дохода и форсировании темпов накопления, в образовании фонда расширенного воспроизводства, в перераспределении подавляющей доли фондов накопления (с анализом взаимоотношений финансового плана с отраслями народного хозяйства);

активную роль и значение финансовой системы в регулировании накоплений различных секторов народного хозяйства, в перераспределении накоплений между отдельными секторами хозяйства; направление и каналы этого перераспределения;

и, наконец, взаимоотношения финансовой системы с отдельными группами населения, систему конкретных связей, обеспечивающих регулирование, аккумуляцию и перераспределение фондов и сбережений различных социальных групп населения, а также содержание методов мобилизации средств населения.

Вместе с тем необходимо решить под углом зрения этой роли, какова должна быть конкретная организация финансовых связей как по объему, так и по методам охвата процессов расширенного воспроизводства.

В частности необходимо:

1). выяснение оптимального соотношения объема народного дохода и единого финансового плана;

2) определение объема тех средств единого финансового плана, которые должны быть направлены в качестве капитальных вложений, что имеет колоссальное значение для определения распределения народного дохода на фонды накопления и потребления, руководствуясь указаниями XV съезда ВКП(б), что «нельзя исходить из **одновременно** максимальной цифры того и другого (как этого требовала оппозиция теперь), ибо это неразрешимая задача, или исходить из одностороннего **интереса накопления** в данный отрезок времени (как того требовал Троцкий, выставя пароль жесткой концентрации и усиленного нажима на рабочих в 1923 г.), или исходя из однородного **интереса потребления**... Необходимо исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов» (директивы по составлению пятилетнего плана)¹⁾;

3) определение оптимального объема мобилизации средств населения дифференцировано в отношении отдельных социальных групп, и не только под углом зрения фискального значения для государственного бюджета, но и значения для регулирования «процессов накопления путем прямого обложения имущества, доходов и т. д. В этом отношении налоговая политика является главным орудием революционной политики пролетариата в переходную эпоху» (резолуция XI съезда РКП(б));

4) определение системы и значения на каждом этапе методов, которыми финансовая система перераспределяет народный доход (цена, налог, займы, эмиссия и пр.), соотношения их между собой в их общем объеме и объема каждого метода в отдельности, которые определяются в свою очередь задачами, стоящими перед единым финпланом, и той ролью, которую играет данный метод в общем процессе перераспределения народного дохода.

Основным источником ресурсов, мобилизуемых и перераспределяемых финансовой системой, является **народный доход**. Поэтому, прежде чем приступить к решению поставленных вопросов, мы должны дать определение народного дохода.

В отличие от капиталистического хозяйства, где движение народного дохода обусловлено стихийными законами воспроизводства, в нашем хозяйстве народный доход создается, распределяется, перераспределяется и потребляется под непосредственным воздействием плана. Его объем, структура и темп роста определяются законом построения социализма в нашей стране. Следовательно, народный доход СССР включает качественную и количественную характеристику процесса расширенного воспроизводства социалистических отношений.

«Вопрос о национальном доходе, абсолютно неразрешимый при самостоятельной постановке этого вопроса и плодивший только схоластические рассуждения, дефиниции и классификации,... оказывается вполне разрешенным, когда проанализирован процесс производства всего «общественного капитала»²⁾. Отсюда в осно-

¹⁾ Директивы ВКП(б) по хоз. вопросам — М. Савельев, А. Поскребышев, 1931 г., стр. 411.

²⁾ Ленин, изд. 3-е, т. III, стр. 34.

ву исследования народного дохода должны быть положены следующие основные принципы:

1. **Определение народного дохода, обобщающее и фиксирующее общие его моменты, должно иметь конкретное содержание,** так как «наиболее всеобъемлющие абстракции... возникают только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же свойство обще многим или всем элементам» ¹⁾. Оторванные от конкретности определение неизбежно приводит к неправильным методическим приемам анализа и к искажающим действительность выводам. Таким абстрактным, оторванным от действительности изучением народного дохода занимается буржуазная «наука». Ни одно, как мы увидим ниже, исчисление народного дохода, пореланное буржуазными экономистами, не дает правильных результатов, полно противоречий, не объясняет, а извращает действительность и вместе с тем затрудняет изучение объема, структуры и роста народного дохода, а следовательно, изучение капиталистического общественного воспроизводства.

2. **Полное и всестороннее изучение в связи и в единстве с другими социально-экономическими явлениями.** Бурный рост нашего народного дохода становится понятным, например, только тогда, когда мы уясним природу нашего хозяйства, конкретное содержание политики, проводимой нашей партией как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства, формы и методы выполнения хозяйственных и финансовых планов (сопереживание, ударничество и т. д.). Точно так же правильный анализ народного дохода современного капиталистического государства может быть дан только на основе развернутой конкретной характеристики современного всеобщего кризиса капиталистического хозяйства.

3. **Динамическое, в противоположность статическому изучение,** т. е. познание народного дохода в развитии, движении, изменении. Мы берем народный доход, исчисленный в том или другом объеме, как результат хозяйственной деятельности данного года, но производство данного года обусловлено уровнем производительных сил, накопленных за предшествующие годы; следовательно, и народный доход отражает в себе характер хозяйственной деятельности предшествующих лет. Возрастание народного дохода в 1932 г. на 85% к уровню 1928 г., стало возможным не только вследствие хозяйственных успехов 1932 г., но и вследствие тех достижений, которые имели место до 1932 г. и которые позволили запроектировать воспроизводство, дающее увеличение народного дохода на 11 млрд. руб. Поэтому для правильного изучения народного дохода данного года необходимо проанализировать воспроизводство не только данного года, но и ряда предшествующих лет.

Это положение подтверждается и анализом народного дохода капиталистических стран. Всеобщий экономический кризис капитализма непосредственно отображен в народном доходе капиталистических государств, но анализ экономического кризиса по данным народного дохода предполагает изучение последнего не только за текущий год, но и за ряд предшествующих лет.

¹⁾ Маркс, «К критике политической экономии», изд. 1929 г., стр. 41.

При этом огромное значение имеет изучение народного дохода не только в общем объеме, но особенно по социально-экономическим секторам в разрезе отдельных классов и групп населения. Рост преобладающего значения обобществленного сектора в нашем хозяйстве особенно наглядно подтверждается ростом удельного веса его в народном доходе; повышение материального и культурного положения трудящихся масс отражается в огромном росте удельного веса доходов трудящихся, в народном доходе и т. д. и т. п.

4. Решающее значение при изучении народного дохода имеет **методология определения его количественной и качественной стороны**, которая отнюдь не является «произвольно» выработанной системой приемов и методов: ее содержание определяется реальным содержанием определяемого объекта. Например, социальная группировка при определении социальной структуры народного дохода всецело определяется социальной структурой народного хозяйства и классовой структурой населения; всякая иная группировка будет находиться в прямом противоречии с действительностью, а исчисление народного дохода, в основу которого будет положена произвольно выработанная социальная группировка, не даст правильных результатов.

Только соблюдение указанных основных принципов дает возможность вскрыть действительное содержание общественного воспроизводства, элементом которого и является создаваемая в производстве чистая продукция, т. е. народный доход.

2. Понятие народного дохода

Для капиталистического хозяйства народный доход представляет собой вновь созданную стоимость, распределенную между основными классами, размер которой определяется количеством затраченного в течение данного года общественно-необходимого производственного труда.

Стоимость всего общественного продукта, произведенного за данный период, складывается из стоимости средств производства (сырье, вспомогательные материалы, орудия производства), перенесенной на новый продукт (с), и из вновь созданной занятыми производительными рабочими стоимости, которая, в свою очередь, распадается на фонд воспроизводства рабочей силы или зарплату рабочих (v) и на прибавочную стоимость, присваиваемую капиталистами (m). Распадение стоимости общественного продукта на эти его составные части ($c + v + m$) определяется законом капиталистической эксплуатации, возможностями получения максимальной прибыли, при чем фонд зарплат (v) должен обеспечить воспроизводство рабочей силы как объекта эксплуатации, воспроизводство же средств производства (с), являющихся собственностью капиталистов и составляющих поэтому основу эксплуатации, и возрастание прибавочной стоимости (m) обеспечивают сохранение и расширение капиталистического способа производства. Следовательно, и состав всего общественного продукта, и структура народного дохода, т. е. вновь созданной стоимости ($v + m$), включают всю

совокупность противоречий капиталистического хозяйства. Народный доход является категорией классовой, его специфика определяется характером воспроизводства, его движение выражает движение данного способа производства.

Изучение народного дохода включается, следовательно, как один из моментов изучения процесса воспроизводства и отдельных его элементов — производства, распределения, обмена и потребления. «Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное, согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из общественной циркуляции и становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе пользования»¹⁾. Этим единством процесса воспроизводства определяется совершенная необходимость неразрывного изучения каждой стадии движения народного дохода. С другой стороны, нельзя отождествлять все эти стадии, ибо их единство не уничтожает свойственного им различия. Распределение определяется производством, но «с изменением распределения изменяется производство, например, с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней и т. д. Наконец, нужды потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие»²⁾. Изучение народного дохода должно состоять в рассмотрении его производства, распределения, перераспределения и потребления, в единстве этих процессов.

Капиталистическая экономика развивается на основе действия стихийного закона стоимости. Противоречие между общественным характером производства и частной капиталистической формой присвоения есть основное противоречие капиталистического способа производства. Наиболее ярко это противоречие вскрывается в анализе производства и распределения народного дохода. Труд рабочих является единственным источником стоимости создаваемой продукции, однако, продукты присваиваются не их производителями — рабочими, а классом капиталистов. Развитие капитализма влечет за собой постоянное возрастание той доли народного дохода, которая присваивается буржуазией за счет уменьшения фонда заработной платы. Эти отношения распределения полностью вытекают из существа капиталистического способа производства потому, что «так называемые распределительные отношения создаются исторически определенными специфическими общественными формами процессов производства и теми отношениями, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и соответствуют этим формам и отношениям»³⁾. В капиталистическом хозяйстве эти отношения носят антагонистический характер, и категория народного дохода для нас имеет значение постольку, поскольку при помощи ее мы скрываем реальное содержание этих антагонистических отношений.

¹⁾ Маркс, «К критике политической экономии», изд. 1929 г., стр. 22.

²⁾ Там же, стр. 35.

³⁾ Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 343.

В отличие от капиталистической экономики наше хозяйство является хозяйством плановым, в основе его развития лежит закон построения социализма. Отношения производства, распределения, перераспределения и потребления принципиально отличаются по их содержанию от соответствующих отношений в условиях капиталистического хозяйства, следовательно, и чистая продукция — народный доход, — создаваемая в условиях экономики переходного периода, представляет собой принципиально отличную категорию от категории народного дохода для капиталистического хозяйства. Только на основе уяснения принципиального различия нашей экономики, а следовательно, и свойств ее категорий, мы можем правильно подойти и вскрыть внутреннее содержание народного дохода, а следовательно, и вопросов, связанных с его перераспределением.

Народный доход СССР представляет собой вновь созданный общественный продукт, поступающий в распределение между обобществленным и необобществленным секторами, а также между различными группами населения, при чем процесс движения народного дохода через сферу производства, распределения, перераспределения и потребления происходит на основе нашего социалистического плана.

Установление принципиальной разницы между народным доходом СССР и народным доходом капиталистических стран имеет существенное значение не только с точки зрения внутреннего содержания, но и с точки зрения той методологии, которую мы должны применить при его исчислении.

Буржуазные экономисты, пытающиеся выдумать «общие» законы, свойственные всем социально-экономическим формациям, не видят или извращают отличие, которое существует между нашим и капиталистическим хозяйством; поэтому их «исследование» не вскрывает того специфического содержания, которое присуще народному доходу в условиях экономики переходного периода. В качестве примера можно указать на исчисления народного дохода СССР, сделанные проф. Литошенко. В основе этих «исчислений» лежит буржуазное определение народного дохода. Так, Бенхем дает след. определение: «Доход нации носит название национального дохода или национального дивиденда. Обычно он измеряется за год. Национальный доход за любой год может быть определен как общая сумма всех доходов, полученных членами данной нации в течение этого года, при условии, что учреждения, правительственные органы, акционерные компании и прочие лица включены в качестве членов и что ни одна статья дохода не упущена и не сосчитана более одного раза». Другой буржуазный экономист Стэмп, устанавливая сущность народного дохода, приходит к выводу: «Я определяю его (т. е. народный доход) как суммарное денежное выражение тех благ и услуг, которые были произведены жителями данной страны за год и которые фактически обмениваются на деньги». Все, что «производится» в течение года, всякие «оказанные услуги», всякая «новая полезность» является частью «национального дохода»; следовательно, в народный доход «входит» и выгода, извлеченная из совета врача и удовольствие,

полученное от слушания профессионального певца, и т. д. **Чичек** определяет народный доход как ценность, находящую свое выражение в благах и услугах — чистая выручка народного хозяйства за какой-либо определенный срок, обычно за год.¹ **Хернберг** утверждает, что «народным доходом является сумма меновых ценностей», получаемых потребительским хозяйством от производства для удовлетворения своих потребностей, тем самым эта хозяйственная категория принадлежит только той хозяйственной форме, где все поступающие потребительские хозяйства получают от производственных хозяйств, как сумму меновых ценностей».

Несмотря на внешнее различие между всеми приведенными определениями народного дохода, все они рассматривают народный доход вульгарно как счетную «категорию», не анализируя внутреннего содержания, присущего этой категории в условиях различных социально-экономических формаций.

Даже самое первое ознакомление с народным доходом какой-либо страны вызывает вопрос о причинах, которые обуславливают структуру и содержание этой категории. Так, в народном доходе капиталистического государства доля рабочего значительно меньше, чем доля буржуазии. В нашем хозяйстве, наоборот, доля трудящихся определяется основной массой народного дохода, достигает в 1932 г. 80 % всего народного дохода. Чем обуславливается это различие? Очевидно, оно есть следствие принципиального различия между капиталистическим способом производства и экономикой переходного периода.

Всеобщий экономический кризис капитализма вызвал резкое сокращение производства, что не могло не отразиться на народном доходе, который в последние годы не только не дает абсолютного прироста, но значительно сокращается. В САСШ народный доход сократился с 84 млрд. долл. в 1929 г. до 40 млрд. долл. в 1932 г., в Германии с 70,6 млрд. марок 1930 г. до 57,1 млрд. марок 1931 г., в Англии с 4,4 млрд. ф. ст. 1930 г. до 4 млрд. ф. ст. 1931 г. Это разрушение производительных сил, падение народного дохода в первую очередь отражается на рабочем классе; во всех капиталистических странах наряду с увеличением безработных значительно сокращается уровень заработной платы.

Приведенная иллюстрация различной структуры народного дохода подтверждает ту принципиальную разницу, которая существует между нашим народным доходом и народным доходом капиталистического хозяйства.

Бурный рост нашего хозяйства нашел свое яркое выражение в росте народного дохода; общая сумма народного дохода за 1-ю пятилетку возросла до 45.1 млрд. руб. в 1932 г., или на 85% к уровню 1928 г. Доля трудящихся СССР достигает 80%, при чем фонд зарплаты пролетариата возрос до 30 млрд. руб., капиталистические же группы получают лишь 0,1% общей суммы народного дохода.

Из всего изложенного мы можем дать следующее определение народного дохода.

Под народным доходом мы понимаем социально-историческую категорию, выражающую совокупность результатов затрат общественно-необходимого производительного труда и их распределение между различными отраслями хозяйственной деятельности и различными классами за определенный отрезок времени¹⁾. Исторический характер этой категории определяется распадом общества на классы и историческим характером процесса воспроизводства. Когда продукт труда становится непосредственно продуктом общественного труда, уничтожено деление общества на классы, распределение продуктов общественного труда осуществляется на основе прямого соответствия количеству и качеству труда, затрачиваемого каждым членом общества, **начинается процесс отмирания категории народного дохода**. Своеобразие переходной экономики заключается в том, что здесь в значительной мере уже осуществлено обобществление средств производства, хозяйство развивается в сторону полного устранения несоциалистических форм и методов распределения. Благодаря этому осуществлена ликвидация паразитического расхищения народного дохода и обеспечено направление постоянно возрастающей доли народного дохода на расширенное воспроизводство социалистических отношений.

3. Методы исчисления народного дохода

Реальность категории народного дохода столь же бесспорна, как и реальность процесса воспроизводства. Воспроизводство общественной жизни есть воспроизводство средств производства (с), воспроизводство рабочей силы (v) и воспроизводство фонда расширения производства и потребления (m). Если потребление средства производства лишь переносит овеществленное в них рабочее время на вновь создаваемую продукцию (амортизация, стоимость сырья, вспомогательных материалов и т. д.) и, следовательно, не увеличивает фонда потребления и накопления, то потребление рабочей силы в процессе производства увеличивает общественный продукт, расширяет власть человека над природой, создает новые ценности. Этот прирост общественного продукта за определенный отрезок времени и образует материальное содержание народного дохода. Задача исчисления народного дохода сводится к тому, чтобы уловить и количественно выразить реальные результаты затрат общественно-необходимого производительного труда ($v + m$) за определенный отрезок времени. Трудность такого исчисления обуславливается тем, что **во-первых**, процесс воспроизводства есть в действительности непрерывный, безостановочный процесс, **во-вторых**, учет трудовых затрат мы не можем осуществить в порядке непосредственно трудового учета, **в-третьих**, процессы распределения и перераспределения народного дохода скрывают за собой первоначальный источник доходов и основные производственные и распределительные отношения.

¹⁾ В. Дьяченко, «Классификация доходов на первичные, основные и производные в связи с исчислением народного дохода» — «Финансовые проблемы планового хозяйства» № 4 за 1930 г.

Из связи, существующей между категорией народного дохода и процессом воспроизводства общественной жизни, вытекают и основные исходные позиции в области исчисления народного дохода. Нельзя рассматривать проблему народного дохода только как проблему распределения — перераспределения. Как эти отношения распределения — перераспределения могут быть поняты лишь в связи с анализом отношений производства, так и объем и структуру народного дохода можно понять, лишь беря в качестве отправного момента общественный способ производства в целом, экономическую классовую структуру общества.

Практика исчисления народного дохода выработала два метода — **личный и реальный**. Под личным методом понимается такой метод исчисления, который охватывает совокупность доходов отдельных социальных групп населения; под реальным методом исчисления — метод, который устанавливает народный доход на основе его распределения между отдельными отраслями хозяйства. Установление совокупности доходов населения дает картину распределения народного дохода между отдельными классами и его общий объем для данного отрезка времени. Определение чистой продукции, создаваемой в различных отраслях народного хозяйства и в общей сумме по всему народному хозяйству, дает производственную характеристику народного дохода.

Несмотря на внешнюю разобщенность этих методов, между ними имеется внутреннее единство, так как объект исследования у обоих методов один и тот же — **вновь созданный общественный продукт**. Поскольку прохождение народного дохода от сферы производства через сферу распределения — перераспределения до сферы потребления не увеличивает его объема, то и сумма народного дохода, исчисленного личным методом, должна быть равной сумме его, исчисленной реальным методом. Однако практика показывает наличие разрыва в результатах исчисления этими двумя методами. Народный доход, установленный путем личного метода, обычно в своем объеме превышает сумму народного дохода, исчисленного реальным методом.

Расхождение объясняется непоследовательностью применения личного метода для исчисления народного дохода. Созданный в сфере производства народный доход, попадая в сферу перераспределения, служит источником доходов целого ряда социальных групп населения, непосредственно не участвующих в его производстве.

Поэтому при личном методе народный доход, учтенный как доход непосредственно участвующих в его создании производителей, учитывается второй раз как опосредствованный доход лиц, получающих его в сфере перераспределения. Например, рабочий, труд которого создает чистую продукцию, получает в виде заработной платы определенную ее часть, которая позволяет ему удовлетворять свои материальные и культурные потребности. Удовлетворение культурных потребностей, сопровождаемое оплатой целого ряда услуг, заставляет рабочего расходовать зарплату, т. е. производить обмен созданной чистой про-

дукции на услугу, получаемую им от другого лица. Народный доход, таким образом, учтенный как доход рабочего (зарплата), обычно учитывается и как доход лица, оказывающего услугу и получающего за это часть созданного рабочим народного дохода. Получается увеличенная сумма народного дохода, которая, однако, основана не на реальном его увеличении, а на простом дублировании одной и той же части как дохода рабочего, и как дохода лица, создающего услуги. Последовательное применение личного метода предполагает исключение всех доходов в сфере перераспределения, источником которого является созданная в сфере производства и уже учтенная чистая продукция.

Правильное применение личного метода предполагает правильное представление о движении народного дохода через различные сферы общественного воспроизводства (производство — распределение — обмен — потребление), что прежде всего требует решения вопросов о производительном и непроизводительном труде, об основных и производных расходах.

Маркс установил, что в условиях капитализма производительным трудом является всякий капиталистически организованный труд, создающий прибавочную стоимость. Следовательно, производительным трудом является не только труд в сфере материального производства, но и труд в сфере нематериального производства, если он создает прибавочную стоимость. «Школьный учитель, — если позволительно взять иллюстрацию вне сферы материального производства, — является производительным рабочим, если он не только обрабатывает детские головы, но и обрабатывает самого себя для обогащения предпринимателя. Вложит ли этот последний свой капитал в фабрику для обучения или в колбасную фабрику, от этого рассматриваемое отношение нисколько не меняется. Поэтому понятие производительного рабочего отнюдь не исчерпывается отношением между рабочим и продуктом его труда: оно включает в себя также специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием возрастания капитала¹⁾. И дальше: «Определенный вещественный характер труда, а следовательно, и его продукта», сам по себе не имеет никакого отношения к этому различию между производительным и непроизводительным трудом. Например, повара и лакеи гостиницы являются производительными рабочими, поскольку их труд превращается в капитал для владельца гостиницы²⁾.

Следовательно, понятие производительного труда может быть правильно выяснено только с точки зрения исторически определенной общественной формы производства. Всякий труд, воспроизводящий общественные отношения, присущие данному исторически определенному способу производства, является трудом производительным, независимо от его конечных результатов (материальная вещь или услуга).

¹⁾ Маркс, «Капитал», Госиздат, 1929 г., т. I, стр. 395.

²⁾ Маркс, «Теория приб. ценности», т. I, стр. 169, Соцгиз, 1931 г.

Если в капиталистическом хозяйстве производительным трудом является всякий труд, создающий прибавочную стоимость, поскольку последняя представляет прямое выражение производственных отношений, присущих капиталистическому способу производства, то в условиях экономики переходного периода содержание производительного и непроизводительного труда должно быть совершенно иное, принципиально отличное от его содержания в капиталистическом хозяйстве. Господствующей формой производственных отношений являются отношения социалистические; развитие переходного хозяйства есть процесс расширенного воспроизводства социалистических отношений, переделки мелкотоварного и ликвидация капиталистического сектора народного хозяйства. Поэтому производительным трудом здесь является всякий труд, направленный на воспроизводство социалистических отношений, путем расширенного воспроизводства обобщественного сектора, переделки мелкотоварного сектора, ограничения, вытеснения и ликвидации капиталистического сектора.

Следовательно, и труд работника умственного труда, направленный на подготовку кадров, будет трудом производительным постольку, поскольку он, создавая кадры для нашего хозяйства, содействует тем самым воспроизводству социалистических отношений.

Однако при исчислении народного дохода необходимо исходить из определения труда, создающего народный доход, т. е. только из такого труда, который затрачивается в сфере материального воспроизводства. Всякий общественно необходимый труд, затраченный в сфере материального производства, необходимо считать трудом, создающим народный доход. Труд же, затрачиваемый в сфере нематериального производства, несмотря на свою общественную полезность, не создает народного дохода. Это необходимо учесть при рассмотрении сферы перераспределения, поскольку этот труд обуславливает передвижение и освоение известной части народного дохода в форме так называемых производных доходов.

Понятие производных доходов связано с наличием сферы перераспределения. Народный доход, произведенный в сфере производства, распределяется прежде всего между основными участниками его производства. В частности в нашем хозяйстве к основным доходам необходимо отнести все доходы лиц, образующиеся в стадии первоначального распределения народного дохода (зарплата рабочих, доходы самостоятельных производителей и т. д.), а также доходы обобщественного сектора (накопления предприятий обобщественного сектора, создающих народный доход). Определение основных доходов, т. е. доходов, образующихся в сфере первоначального распределения чистой прибыли между основными участниками общественного процесса производства, дает возможность правильно подойти к определению производных доходов, а тем самым и правильно координировать между собой результаты личного и реального методов исчисления народного дохода.

К производным доходам относятся все доходы, осваиваемые в

порядке перераспределения основных доходов. Поскольку процессы производства, распределения, обмена и потребления не отделены друг от друга, а осуществляются одновременно и в сложном переплетё, при чем процесс распределения не выступает вне процессов перераспределения, но скрывается за ними, практически чрезвычайно трудно статистически отграничить сферу производства и распределения народного дохода от сферы его перераспределения. Однако трудность разграничения не означает абсолютной невозможности, на основе правильной методологии статистически установить размер производных доходов.

Признаком основных доходов служит так называемая производственная сфера общественного воспроизводства. Доходы, распределяемые в этой сфере между участниками производства, образуют основные доходы. К производственной сфере относятся все отрасли народного хозяйства, которые создают народный доход: 1) промышленность, 2) сельское хозяйство, 3) строительство, 4) транспорт, 5) связь и 6) торговля и общественное питание.

Во всех этих отраслях необходимо брать лишь доходы, связанные с производственной деятельностью. С этой точки зрения особенные трудности представляет определение основных доходов в области торговли, где необходимо отграничить элементы, увеличивающие стоимость общественного продукта, и исключить затраты, составляющие издержки обращения. Такое исключение, конечно, не умаляет значения и необходимости этих издержек, однако обособление торговых функций не превращает их в производственные, так как «само собой ясно, что если какая-нибудь функция, сама по себе не производительная, но являющаяся необходимым моментом воспроизводства, вследствие разделения труда превращается из побочной функции многих в исключительную функцию немногих, в их особое занятие, от этого самый характер функции не изменится¹⁾. На современном этапе социалистического строительства «интересы дальнейшего укрепления смычки рабочего класса с крестьянством и улучшения материального положения трудящихся города и деревни требуют всемерного развертывания советской торговли и в частности торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян (пост. пленума ЦК ВКП(б), сентябрь 1932 г.). Но это развертывание советской торговли увеличивает народный доход только в той части, в какой торговля увеличивает общественную стоимость (переработка сырья, транспортирование, погрузка-разгрузка и т. д.), т. е. включается в производственную сферу, создавая тем самым основные доходы (зарплата рабочих). В той же части, в какой ею выполняются функции по купле-продаже, она должна учитываться по линии непроизводственной сферы и производных доходов. Кроме этих функций торговли, к непроизводственной сфере относятся также социально-культурные учреждения (просвещение, здравоохранение, социальное обеспе-

¹⁾ Маркс, «Капитал», т. II, стр. 80.

чение), административные учреждения, а также учреждения общественных организаций.

Народный доход, исчисленный по личному методу, должен состояться из суммы основных доходов за вычетом той их части, которая затем перераспределяется, плюс сумма производных доходов. Последняя должна равняться как раз той части основных доходов, которая подвергается перераспределению. Следовательно, вся сумма доходов, исчисленная по личному методу, должна равняться сумме основных доходов, или, что то же самое, народному доходу, исчисленному по реальному методу.

При исчислении народного дохода принципиальное значение имеет социальная группировка, определяющая классовую структуру его производства, распределения, перераспределения и потребления. Эта группировка определяется характером воспроизводства. Для советского хозяйства является обязательным следующее секторальное расчленение народного дохода:

а) Обобществленный сектор, в том числе: 1) государственный и 2) кооперативный; б) необобществленный сектор, в том числе: 1) мелкотоварный и 2) капиталистический.

Секторальная группировка должна быть положена в основу исчисления народного дохода реальным методом, что обеспечит определение роли и значения каждого сектора в процессе расширенного воспроизводства. Что касается социальной группировки для исчисления народного дохода по личному методу, то она должна соответствовать реально существующим социальным группам населения и должна удовлетворять следующим основным требованиям: 1) выяснять долю в народном доходе каждой в отдельности взятой группы населения; 2) выяснять долю города и села в общей сумме народного дохода; 3) устанавливать долю народного дохода, освоенную предприятиями обобществленного сектора.

Доля каждой группы населения в народном доходе определяет ее место и роль в производстве и распределении, характеризует классовую сущность нашего хозяйства и те сдвиги, которые мы имеем в деле социалистического строительства. Последнее особенно важно, ибо «вопрос о распределении народного дохода по классам является коренным вопросом с точки зрения материального и культурного положения рабочих и крестьян»¹⁾.

Превращение нашей страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную увеличивает долю городского населения в народном доходе. Это на протяжении последних лет характеризуется следующими показателями (в процентах к итогу):

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Удельный вес сельскохозяйственного населения в народном доходе	56,5	52,7	54,1	53,2
Удельный вес несельскохозяйственного населения	43,5	47,3	45,9	46,8
В т. ч. пролетариат	31,2	36,1	36,2	37,8

¹⁾ Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 667, Партиздат, 1932 г.

При общем возрастании доходов несельскохозяйственного населения, в еще большем темпе возрастают доходы пролетариата, при значительном сокращении доли капиталистической группы (с 4% в 1928 г. до 1,4% в 1931 г.).

Что касается доли обобщественного сектора, то ее объем и темп роста определяются огромным ростом предприятий обобщественного сектора. В народном доходе, исчисленном личным методом, эта доля возросла с 8,2% в 1928 г. до 17,5% в 1931 г. Исходя из изложенного, социальная группировка для исчисления народного дохода личным методом должна быть следующей:

1. Несельскохозяйственное население:

1) пролетариат: а) рабочие, б) служащие, в) прочее пролетарское население (поденно-переменные рабочие и т. д.); 2) ремесленники и кустари: а) кооперированные производители, б) некооперированные производители; 3) капиталистическая группа: а) промышленники, б) мелкие торговцы; 4) прочее население.

2. Сельскохозяйственное население:

1) сельскохозяйственный пролетариат, 2) колхозники, 3) единоличники: а) бедняки, б) середняки, в) кулаки.

3. Доходы обобщественного сектора.

Вульгарные буржуазные экономисты, отрицая в категории народного дохода исторически определенное классовое содержание, в качестве объекта исчисления устанавливают «сумму индивидуальных доходов, образующихся в любом хозяйстве». При этом ими совершенно игнорируются единство производства и распределения, единство процесса воспроизводства в целом, благодаря чему получается полный разрыв результатов применения личного и реального методов исчисления. В целом же результаты исчисления не вытекают из реального процесса общественного воспроизводства; более того, отрицая реальность общественного продукта, которым должен оперировать исследователь, устанавливающий величину народного дохода, они утверждают, что в основе реального метода лежит «фиктивное представление» о совокупности вновь созданной общественной стоимости. Отсюда предпочтение, которое отводится ими личному методу исчисления. Так, по мнению **Л. Н. Литошенко**, сумма материальных ценностей, произведенных в течение года в данной стране, представляет объект исчисления реальным методом. На ряду с этим подчеркивается, что «понятие национального продукта (под национальным продуктом понимается сумма материальных ценностей, произведенных в течение данного года. — **Ред.**) недостаточно уже потому, что оно исходит из представления о народном хозяйстве как о едином «псевдохозяйстве...». Поэтому Литошенко считает, что «национальный доход складывается из индивидуальных доходов, а каждый индивидуальный доход есть уже полная реальность и действительно существующая величина» ¹⁾. Такое противопоставление двух методов логически «оправдывает» множественность понятий народного дохода, которое предлагается буржуазными экономистами. «Есть два понятия народ-

¹⁾ Литошенко, «Национальный доход, стр. 6—7.

ного дохода и соответственно этому два метода его исчисления»¹⁾. С другой стороны, оно необходимо для того, чтобы обойти или даже завуалировать внутреннее социально-классовое содержание народного дохода с таким расчетом, чтобы структура исчисленного дохода не отражала в себе ни характера существующего способа производства, ни существующую систему классового распределения.

Так, например, проф. **Литошенко** устанавливает в качестве «критерия» для определения класса не отношение к средствам производства, а высоту дохода. «Этот принцип является единственным средством подойти к социальной группировке общества... по размерам получаемых доходов, независимо от источника их получения»¹⁾. На таких же позициях по существу стоит **С. А. Фалькнер**, который в своем «позитивном разрешении важнейших вопросов» исчисления народного дохода совершенно забыл о классах, заменив их «доходами лиц», «простым суммированием индивидуальных доходов», «народным продуктом». В итоге, как и у всех других буржуазных экономистов, под народным доходом понимается счетная категория, составляющая «совокупность доходов всех физических лиц и хозяйственных объединений» (**Б. Ледерер**), или «сумму всех доходов, полученных членами данной нации в течение этого года» (**Бенхам**), или «сумму поступлений, получаемых из любых источников индивидуально или коллективно лицами, проживающими в стране» (**Боули и Стэмп**) и т. д.

4. Перераспределение народного дохода и роль финансовой системы

Финансы переходного периода, как было выяснено в первой главе, представляют собою орудие планового перераспределения народного дохода. Отсюда задача изучения их перераспределительной роли заключается в определении всего внутреннего механизма финансовой системы, действие которого обеспечило перераспределение в 1932 г. более половины всей суммы народного дохода.

Народный доход, созданный в процессе производства и распределенный между секторами и социальными группами населения (прибыли обобществленного сектора, фонды зарплаты рабочих и кооперированных кустарей и ремесленников, доходы колхозников и единоличников-крестьян, доходы самостоятельных производителей города, занятых в сфере материального производства, и прибавочная стоимость капиталистических элементов в производственных отраслях) подвергается затем перераспределению как в порядке обмена товаров и услуг (процессы ценообразования), так и через финансовые рычаги пролетарского государства.

Основными направлениями перераспределительных процессов являются: 1) перераспределение между обобществленным и частным секторами хозяйства и между различными классами и группами населения; 2) перераспределение внутри секторов хо-

¹⁾ Литошенко, «Национальный доход», стр. 7.

²⁾ Там же, стр. 12.

зяйства; между отдельными предприятиями и внутри социальных групп населения; 3) перераспределение между городом и селом, включающее в себя также и перераспределение между промышленностью и сельским хозяйством; 4) перераспределение между экономическими районами страны. Конкретная характеристика каждого направления перераспределения может быть дана только на основе развернутой схемы движения народного дохода через сферы производства, распределения, перераспределения и потребления.

Закономерностью развития советского хозяйства является постоянное возрастание удельного веса обобщественного сектора в производстве и распределении народного дохода.

За годы первой пятилетки возрастание роли обобщественного сектора иллюстрируется следующими показателями (в ценах 1926/27 г., в процентах к итогу):

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Государственный сектор	43,9	48,2	52,4	56,2	—
Кооперативный	9,8	14,1	21,3	25,5	—
Всего обобществен. сектор	53,7	62,3	73,7	81,7	91,0
Частный сектор	46,3	37,7	26,3	18,3	9,0

Доля обобщественного сектора из года в год неуклонно возрастает с 53,7% в 1928 г. до 91% в 1932 г. В соответствии с этим снижается роль частного сектора. Этот процесс осуществляется на основе огромных темпов роста народного дохода СССР как следствие и показатель преимущества нашего планового хозяйства перед стихийным капиталистическим хозяйством.

За 1925—1932 гг. мы имели следующие данные о движении народного дохода по главнейшим капиталистическим странам и в СССР:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
САСШ (млрд. долл.)	79,5	82,0	83,0	83,5	84,0	71,0	—	40,0
Англия (млрд. фунт. ст.)	4,1	3,8	4,3	4,2	4,4	4,4	4,0	—
Германия (млрд. марок)	54,3	56,2	62,5	69,0	70,6	70,2	57,1	—
СССР (млрд. руб. в неизменных ценах)	—	—	—	26,4	28,8	33,4	37,8	45,1

Совершенно незначительному росту, а в 1930—32 гг. падению объема народного дохода в странах капитала противостоит из года в год увеличивающийся объем народного дохода в СССР. Так, в 1929 г. народный доход у нас возрос на 9,2%, в 1930 г. — на 15,8%, в 1931 г. — на 13,2%, а по плану 1932 г. он должен воз-

расти на 29,9%. К уровню 1928 г. наш народный доход возрос в 1931 г. на 185%.

На ряду с общим ростом народного дохода СССР увеличивается в нем доля, падающая на тяжелую индустрию. Удельный вес ценовой промышленности с 21,7% в 1928 г. возрос до 35,2% в 1931 г., промышленности группы «А»—соответственно с 11,6 до 17,6%. Удельный вес промышленности вместе с транспортом и строительством соответственно повысился с 34,2 до 54%.

Перераспределяя народный доход, финансовая система тем самым оказывает мощное влияние в области самого создания народного дохода. Значение здесь финансовой системы определяется направлением ресурсов по линии капитального строительства, прироста оборотных фондов народного хозяйства и социально-культурного строительства, а также повседневным осуществлением контроля рублем за деятельностью предприятий обобщественного сектора.

Чистая продукция, созданная внутри обобщественного сектора, распадается в основном на следующие части: заработная плата рабочих, со включением в нее социализированного фонда, накопления предприятий в форме прибавочного продукта, доходы кооперированных производителей (зарплата членов промкооперации и др. видов производственной кооперации) и денежные получения колхозников по трудодням. Соотношение этих частей в общем доходе обобщественного сектора устанавливается планом, свидетельствуя тем самым об отсутствии между ними антагонизма, свойственного товарнокапиталистическому хозяйству. Если в капиталистическом хозяйстве образование фонда накопления находится в прямом противоречии с заработной платой, то в нашем хозяйстве политика заработной платы, например, находится в единстве с политикой накопления обобщественного хозяйства. Вследствие этого **быстрое возрастание фонда накопления предприятий обобщественного сектора сопровождается не менее значительным возрастанием и фондов заработной платы** (в процентах к предыдущему году):

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Рост народного дохода, созданного в ценовой промышленности . .	24,2	27,0	25,2	38,0
Рост доходов рабочих городов	20,9	33,6	48,3	25,2
Рост социализированного фонда зарплаты .	9,8	34,7	75,0	—

Весь фонд зарплаты, включающий в себе и зарплату, образующуюся в порядке перераспределения народного дохода, возрастает с 9 580 млн. руб. 1929 г. до 26,8 млрд. руб. 1932 г. Помимо этого, большой рост имеем и по линии социализированного фонда зарплаты. Таким образом, перераспределение народного дохо-

да, созданного внутри обобщественного сектора, происходит при одновременном росте доходов трудящихся и накоплений предприятий.

Вновь созданная чистая продукция в мелкотоварном секторе поступает в распоряжение производителей в форме основных доходов мелких товаропроизводителей. Благодаря коллективизации сельского хозяйства доля неколлективизированных крестьянских хозяйств за последние годы сокращается с 43,4% в 1928 г. до 6,8% по плану 1932 г. То же самое происходит и в группе мелких производителей города, где процессы обобществления (кооперирования) увеличивают долю кооперированных производителей, соответственно сокращая долю некооперированных.

В процентах к итогу соотношение между кооперированными и некооперированными кустарями и ремесленниками в общей сумме их народного дохода характеризуется следующими данными:

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Доходы кооперированных кустарей и ремесленников . .	31,1	40,2	50,8	63,2	77,5
Доходы некооперированных кустарей и ремесленников . .	68,9	59,8	49,8	36,8	22,5

Что касается народного дохода, созданного в капиталистическом секторе, то он распределяется на заработную плату рабочих, занятых в этом секторе, и на прибавочную стоимость буржуазии. Бурное возрастание обобщественного сектора ограничивает, вытесняет и ликвидирует этот сектор в нашем хозяйстве. На данном этапе строительства в создании народного дохода роль капиталистического сектора совершенно незначительна. В 1932 г. роль капиталистических групп города и села в народном доходе составляет около 0,8%. Эта незначительная роль, однако, не означает «замирания» классовой борьбы. **Наоборот, усиление классовой борьбы в связи с процессом ликвидации последних капиталистических элементов в нашем хозяйстве проявляется в стремлении их завоевать себе большее место в доходах.** Этим определяется необходимость усиления классовой бдительности, особенно в связи с тем, что вытесненный из сферы производства частный капитал переключается на спекуляцию и тем самым стремится урвать долю народного дохода, не участвуя в его создании. На данном этапе социалистического строительства капиталистические элементы полностью превратились в паразитические элементы в нашем народном хозяйстве.

Такова в основном характеристика распределения народного дохода между социальными группами и секторами хозяйства. Как уже указывалось, народный доход подвергается затем дальней-

шему перераспределению, что изменяет его первоначальное распределение, образуя при этом систему производных доходов.

Перераспределение народного дохода осуществляется целым рядом методов, при чем основную роль играет наша финансовая система. Мобилизуя определенную часть народного дохода по отдельным секторам и социальным группам населения путем целого ряда конкретных финансовых методов, направляя его в народное хозяйство, наша финансовая система тем самым влияет на ход расширенного воспроизводства, активно участвуя в создании фондов накопления в общественном секторе, а также регулируя накопления капиталистического сектора.

Конкретная характеристика методов перераспределения, применяемых финансовой системой, обуславливается характером источников создания народного дохода, конкретным соотношением классов и секторов. Методы перераспределения накоплений общественного сектора отличаются от методов перераспределения накоплений необщественного сектора. Обложению налогом с оборота подвергаются только предприятия общественного сектора, в то время как в системе обложения необщественного хозяйства налог с оборота отсутствует, но зато имеется ряд других методов налоговых изъятий (промышленный налог, подоходный, налог на сверхприбыль и т. д.).

Роль финансовой системы в перераспределении народного дохода неизменно возрастает на всем протяжении переходной экономики, при чем основным источником перераспределения средств становится общественный сектор. Из общей суммы доходов госбюджета 1932 г. в 30,9 млрд. руб. около 22 млрд. руб., или 80% всех доходов, падают на доходы, получаемые от общественного сектора; в 1933 г. намечено получить от общественного сектора 28 млрд. руб. при 35 млрд. руб. всех доходов госбюджета. Такое возрастание объема и роли накоплений общественного сектора стало возможным лишь на основе практической реализации 6-го исторического условия т. Сталина о необходимости для дальнейшего развертывания промышленности и сельского хозяйства «добиться того, чтобы пустить в дело новые источники накопления, ликвидировать бесхозяйственность, внедрить хозрасчет, снизить себестоимость и поднять внутрипромышленное накопление»¹⁾.

Преобладающее значение общественного сектора в нашем хозяйстве создало все предпосылки для разворота огромной финансовой программы перераспределения средств не только внутри общественного сектора, но и в порядке привлечения средств населения. Рост социалистической индустрии увеличил число лиц, занятых в производстве, значительно увеличил их денежные доходы, полностью уничтожил безработицу в нашей стране. На ряду с этим коллективизация сельского хозяйства и развертывание колхозной торговли обеспечивают рост доходов колхозников и единоличного трудового крестьянства, кооперирование кустарей и ремесленников и развертывание их производственной программы увеличивает рост накоплений у на-

¹⁾ Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 770.

селения и включение их, главным образом путем организованного накопления, в дело социалистической стройки.

На ряду с этим не только не ослабляется, но возрастает активная роль финансовой системы в ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации и в борьбе с перекупщиком-спекулянтом, значительно активизируется программа изъятия накоплений этих групп населения путем прямых налогов и сборов.

Аккумуляция финансовой системой накоплений обобщественного сектора и накоплений отдельных социальных групп населения определяет общую программу перераспределения средств, а следовательно, и общую программу перераспределения народного дохода.

Направление финансовой системой средств в народное хозяйство также подчинено хозяйственно-политическим задачам данного периода времени. В целом это направление средств носит у нас производительный характер в отличие от перераспределительной роли капиталистических финансов. На современном этапе подавляющая доля ресурсов финплана идет у нас на финансирование капитального строительства. Если в капиталистическом государстве 60—80% расходов бюджета связано с военными расходами и погашениями обязательств по военным государственным займам, то в нашем бюджете расходы на управление и оборону составляют только 6% (1932 г.) всех расходов.

Перераспределительная роль финансовой системы определяется тем, что направление средств прежде всего по объему не совпадает с объемом средств, мобилизуемых финансовой системой по источникам. Так, накопления транспорта могут быть направлены в промышленность, накопления государственного сектора — в кооперативный сектор и обратно, средства необщественного сектора расходуются внутри обобщественного хозяйства и т. д.

Анализ этих взаимоотношений или сальдо расчетов по аккумуляции и перераспределению средств вскрывает конкретное содержание и роль деятельности финансовой системы.

Указанные еще XI съездом партии задачи налоговой политики по регулированию процессов накопления «путем прямого обложения имущества, доходов и т. п.» имеют огромное значение и по настоящее время.

Регулирование накоплений капиталистического сектора, с одной стороны, ограничивает, вытесняет и ликвидирует его воспроизводство, а с другой, перераспределяет средства на социалистическое строительство. Вредители типа Юровского, ограничивая понятие финансов рамками ресурсов, создаваемых внутри обобщественного сектора, стремились парализовать это регулирующее значение и перераспределительную роль налоговой политики по отношению к капиталистическому сектору. Все расчеты их по прямым налогам, падающим на частнокапиталистический сектор, были явно преуменьшены, что на практике могло привести к более быстрому воспроизводству этих элементов в нашей экономике.

Правые оппортунисты, объективно отражая буржуазную идеологию в финансовом планировании, навязывали партии такую политику, которая должна была практически также привести к расширению роли частнокапиталистического сектора. Эта политика подкреплялась специально созданными теориями «равновесия», «мирного вхождения кулака в социализм», «устойчивости крестьянского хозяйства», «феодалной эксплуатации крестьянства» и т. д. Партия вскрыла подрывную работу вредителей, разоблачила правый оппортунизм и неуклонно проводит ленинскую политику построения бесклассового социалистического общества в нашей стране, всемерно развивая при этом обобществленный сектор, переделывая мелкотоварный и сужая, вытесняя и ликвидируя капиталистический сектор.

Наиболее показательным примером внутрисекторного распределения является движение средств через финансовую систему внутри обобществленного сектора. Реконструкция народного хозяйства предполагает изменение первоначального распределения накоплений отраслей народного хозяйства. Развиваются новые отрасли, строятся новые фабрики и заводы, оборудованные на основе последних достижений науки и техники. Для этого накопления одних отраслей, фабрик, заводов перераспределяются на другие участки обобществленного сектора, на другие объекты строительства. Задача финансовой системы сводится прежде всего к тому, чтобы выявить максимальное количество средств по отдельным отраслям и предприятиям обобществленного сектора и направить их на удовлетворение нужд нового капитального строительства. Основными направлениями такого перераспределения внутри обобществленного сектора являются: перераспределение средств между отраслями тяжелой и легкой индустрии, образование фонда, идущего на развитие социально-культурного строительства и на покрытие расходов, связанных с управлением и обороной нашей страны.

Реконструкция отраслей тяжелой индустрии предполагает некоторое изъятие ее накоплений и затрату их на развитие новых отраслей, на постройку новых фабрик и заводов и на развитие новых экономических районов. Поэтому финансовая система, в лице государственного бюджета, при помощи отчислений от прибыли и налога с оборота мобилизует средства предприятий отраслей тяжелой индустрии и направляет их обратно в тяжелую же индустрию, но по совершенно другим путям.

Что же касается накоплений легкой индустрии, то они направляются в порядке перераспределения между отдельными отраслями и предприятиями легкой индустрии, но в значительной доле — в отрасли тяжелой индустрии, ибо «необходимо иметь в виду, что более быстрый оборот в легкой индустрии (производство предметов первой необходимости) позволяет использовать ее капиталы и для строительства тяжелой индустрии при условии развития легкой индустрии» ¹⁾. Это перераспределение оп-

¹⁾ Из резолюции XV съезда ВКП(б) о пятилетнем плане. М. Савельев. А. Поскребышев, «Директивы ВКП(б) по хоз. вопросам», стр. 411, Соцэкгиз, 1933 г.

ределяется тем, что технической базой развития легкой индустрии является наша тяжелая промышленность. Именно благодаря успехам индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства на современном этапе оказалось возможным наряду с ростом тяжелой индустрии форсированное развитие и отраслей легкой индустрии. Еще на XVI съезде партии т. Сталин отметил, что «новое в развитии нашей промышленности состоит, между прочим, в том, что мы имеем теперь возможность развивать ускоренным темпом и тяжелую и легкую индустрию». «До сих пор мы экономили на всем, в том числе и на легкой индустрии, для того, чтобы восстановить тяжелую индустрию. Но тяжелую индустрию мы уже восстановили. Ее нужно только развернуть дальше. Теперь мы можем повернуться к легкой индустрии и двинуть ее вперед ускоренным темпом»¹⁾.

Следовательно, задачи финансовой системы сводятся на современном этапе к тому, чтобы, исходя из заданных оптимальных соотношений развития легкой и тяжелой индустрии, определить программу перераспределения средств как внутри легкой индустрии, так и между нею и тяжелой индустрией.

Перераспределение средств между городом и селом, между промышленностью и сельским хозяйством находит также свое конкретное выражение в деятельности нашей финансовой системы. Если в капиталистических странах основная масса крестьянства неизбежно разоряется, а противоположность между городом и деревней углубляется, то в нашем хозяйстве социалистическая индустриализация является могучим рычагом социалистического преобразования сельского хозяйства. Противоположность между городом и деревней постепенно уничтожается путем подведения под сельское хозяйство новой технической базы, переключения индивидуальных трудовых крестьянских хозяйств на крупный способ производства на основе развертывания колхозного строительства. Задача финансовой системы сводится здесь к тому, чтобы путем перераспределения средств активно содействовать ликвидации противоположности между городом и деревней — этого наследия капитализма. Мобилизуя часть средств из сельского хозяйства, финансовая система направляет в значительно большем объеме средства в сельское хозяйство в виде капитальных вложений и социально-культурного строительства деревни. Переключение мелкораздробленного индивидуального с.-х. производства на путь крупного обобщественного производства требует создания твердой технической базы путем снабжения деревни тракторами и современными с.-х. машинами. За четыре года первой пятилетки в сельское хозяйство финансовой системой направлено 13,8 млрд. руб. вместо предполагавшихся 7,8 млрд. руб. за пять лет.

5. Понятие единого финансового плана

Организационными формами, при помощи которых финансовая система аккумулирует и перераспределяет народный доход,

¹⁾ Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 697, Партиздат, 1932 г.

являются в нашем хозяйстве бюджетная система и финансовые планы. Только анализ бюджета и финансового плана может нам дать конкретную иллюстрацию роли финансов в перераспределении народного дохода. Однако предпосылкой для правильного анализа должно служить четкое установление различия между бюджетом и единым финансовым планом по их перераспределительной роли.

Практика финансового планирования последних лет характеризуется внутренними качественными сдвигами, происшедшими в финансовой системе, выразившимися в частности в переходе к составлению единого финансового плана наряду с государственным бюджетом. В постановлении правительства от 23 мая 1930 г. отмечено, что «достигнутые успехи планового хозяйства делают возможным и необходимым поднять планирование финансов на более высокую ступень и охватить финансы обобществленного сектора единым финансовым планом».¹⁾

В решениях декабрьского пленума ЦК ВКП(б) (1930), также отмечено, что «успехи планового социалистического хозяйства позволили перейти в области финансов к системе единого финансового плана, охватывающего все средства страны, идущие на капитальное строительство, пополнение оборотных средств обобществленного хозяйства, на культуру, управление и оборону СССР».

Составление единого финансового плана стало возможным только в условиях нашего хозяйства, развивающегося на основе социалистического плана, при чем непосредственный переход к его составлению определен усилением планового начала, возрастанием обобществленного сектора в доходах и расходах финансовой системы, а также необходимостью развития и укрепления синтетического финансового планирования как основного метода проверки целого ряда балансовых проблем финансов в целом (капитальные вложения, мобилизация средств населения, баланс доходов обобществленного сектора и т. д.). Мы уже указывали, что буржуазные экономисты-вредители стремились с первых же дней опорочить социально-классовую сущность нашего финансового плана. Так, например, М. Боголепов пришел к «выводу», что само «понятие финансового плана» и в особенности этот термин не является совершенно новостью. Наоборот, за ним стоит длинная история... Можно привести несколько примеров общих финансовых планов... Такой план был разработан знаменитым финансовым деятелем Англии Вильямом Питтом-младшим... В 1879 г. Бисмарк составил общий финансовый план для вновь образованной Германской империи.. В 1890 г. прусский государственный деятель Минель составляет план для прусских финансов... Опыт построения общего финансового плана был сделан в старой России в самом начале XIX в., когда М. М. Сперанский выработал основные положения финансового устройства русского государства, и т. д., и т. д.»²⁾.

¹⁾ «Бюджетная система и единый Финплан СССР» — сборник общесоюзного законодательства, составленный С. Глезиным, стр. 12. «Сов. законодательство».

²⁾ М. Боголепов, «Финплан первого пятилетия», стр. 9—10.

Стремясь сорвать ход нашего строительства, эти экономисты пытались использовать финансовый фронт работы для осуществления своих буржуазных установок как в теории, так и в практике своей подрывной работы. Поэтому не случайны рассуждения вредителя Микеладзе, видевшего в финплане техническое средство для соединения в единый финансовый документ всех планов финансовых институтов (госбюджет, местный, госстрах, соцстрах, кредитная система) и планов отраслей народного хозяйства ¹⁾).

Сущность единого финансового плана обусловлена его ролью в финансовом планировании и перераспределении народного дохода. В частности появление финплана продиктовано переходом к синтетическому финансовому планированию, которое дает возможность вскрыть и выявить финансовые процессы во всей их совокупности. Поэтому народный доход отражается в едином финансовом плане в гораздо большем объеме, чем та часть народного дохода, которая проходит через государственный бюджет. Вместе с этим и роль финплана в перераспределении народного дохода иная в сравнении с ролью, принадлежащей госбюджету. Если финансовый план охватывает и перераспределяет народный доход постольку, поскольку он предварительно охватывается входящими в него финпланами финансовых институтов и отраслей хозяйства, то государственный бюджет представляет собою самостоятельный план перераспределения народного дохода.

Финансовый план охватывает как ту часть народного дохода, которая перераспределяется финансовыми институтами, так и ту его часть, которая представляет собой накопление отраслей хозяйства и не подвергается перераспределению. Кроме того, в финансовом плане отражаются амортизационные накопления, которые не относятся к народному доходу. Следовательно, по своему характеру средства, включаемые в единый финплан, могут быть разбиты на следующие группы: а) средства, перераспределяемые финансовыми институтами; б) средства, аккумулируемые планами отраслей хозяйства в виде прибылей, и в) амортизационные накопления.

Этим объемом определяются сущность единого финансового плана и границы охвата им народного дохода. По мере накопления опыта в составлении единого финплана различные авторы по-разному подходили к определению его задачи и сущности. При чем их определение финплана были чрезвычайно общие.

Такое определение имеем в опубликованных Планово-экономическим управлением НКФ СССР «Опытах составления финансового плана на 1928/29 г.» ²⁾:

«Основные задачи, стоящие перед финансовым планом, — говорится в этих опытах», — могут быть сведены: 1) к определению способов оптимального и наиболее целесообразного финансового обслуживания народнохозяйственного плана; 2) к активному воздействию на народное хозяйство по линии финан-

¹⁾ М. Микеладзе, «Единый финансовый план».

²⁾ «Вестник финансов» 1929 г. № 2, стр. 66.

сово-политических мероприятий с точки зрения достижения определенных социально-экономических целей, поскольку в условиях денежного хозяйства финансовая система является одним из наиболее мощных рычагов такого регулирования; 3) к достижению этим путем определенного, наперед заданного, перераспределения народного дохода между классами населения, районами и отраслями хозяйства; 4) к выявлению взаимной обусловленности отдельных финансовых мероприятий.

По своей общности это определение, в сущности, не раскрывает тех особенных задач, которые должен разрешать единый финансовый план. В главном пункте его говорится о «способах оптимального варианта и наиболее целесообразного финансового обслуживания народнохозяйственного плана», но ведь определение задач единого финансового плана должно состоять не в общем указании на такое «обслуживание», а в определении того, в чем это обслуживание, именно посредством единого финансового плана, должно заключаться. Второй пункт определения говорит об «активном воздействии на народное хозяйство по линии финансово-политических мероприятий». Но и это определение не указывает, **какими** своими сторонами единый финансовый план обеспечивает активное воздействие на народное хозяйство. А ведь именно в этом и заключается его роль по перераспределению народного дохода. Третий пункт говорит об одной из основных задач всего народнохозяйственного плана, а вовсе не об основных задачах **собственно финансового** плана. По последнему пункту определения, в задачи финансового плана входит также «выявление взаимной обусловленности финансовых мероприятий». Это утверждение неверно: в финансовом плане дело идет не о «выявлении» взаимной обусловленности, а об установлении определенной финансовой системы аккумуляции ресурсов и их расходования на отдельные мероприятия.

По другому определению, принадлежащему группе работников Госплана Украины, единый финансовый план «является завершительной синтетической частью народнохозяйственного плана, в которой на основании запроектированного в хозяйственном плане уровня продукции и уровня дохода устанавливается система финансовых мероприятий: 1) по перераспределению народного дохода, 2) по обеспечению и аккумуляции необходимых размеров накопления и 3) по перемещению обращающихся ресурсов и обеспечению народного хозяйства оборотными средствами и резервами в соответствии с установками плана развития народного хозяйства и социально-культурных мероприятий»¹⁾.

По этому определению задача единого финансового плана заключается в «установлении системы финансовых мероприятий», направленных на «перераспределение народного дохода», на «обеспечение необходимых размеров накопления» и на финансирование народного хозяйства и социально-культурных потребностей в соответствии с намечаемым планом их развития.

¹⁾ «Единый финансовый план (методология и схема построения)», стр. 10. Составили тт. Шмидт, Богорад, Поляков и Шафир. Труды Госплана УССР. Харьков, 1928 г.

Здесь, таким образом, говорится об общих задачах народнохозяйственного плана, но, за исключением последнего пункта, во все не говорится о специфических задачах собственно **финансового** плана; другими словами, здесь не говорится о том, что должен давать именно финансовый план для обеспечения надлежащего регулирования народного хозяйства.

В этом основной дефект определения задач единого финансового плана, даваемого группой работников Госплана Украины. Но это не есть просто **дефект формулировки**. Он в значительной степени связан с особым пониманием методов составления единого финансового плана и порядка его применения. Указание на это содержится уже в вводной части приведенного определения. Вследствие принятой установки единый финансовый план совершенно **отрывается** от отдельных оперативных финансовых планов, которыми прямо регулируется финансовое хозяйство государственных и общественных организаций; другими словами, единый финансовый план утрачивает свойство быть реализованным в оперативных финансовых планах за отсутствием надлежащей реальности показателей, намечаемых их схемами.

Третье определение задач единого финансового плана было выдвинуто **С. В. Шахновской** в докладе на конференции по финансовым вопросам пятилетнего плана 16/19 апреля 1929 г. при Госплане СССР.

С. В. Шахновская утверждала, что «единый финансовый план:

- 1) показывает, как, какими путями, с применением каких организационных методов и форм, с какой аккумуляцией и каким использованием ресурсов достигается равновесие между расширенным воспроизводством народного хозяйства и финансами и равновесие финансовой системы как таковой;

- 2) дает единый план финансовой политики по линиям основных задач налоговой политики, госзаимов, политики накопления и кредитной политики;

- 3) дает план финансирования народного хозяйства в соответствии с задачами экономической политики;

- 4) определяет условия выполнения социальных задач;

- 5) устанавливает оптимальный тип развития структуры финансовой системы, адекватной народнохозяйственной модели строящегося социализма (бюджет, кредиты и цены в их оптимальном сочетании)».

Это определение выгодно отличается от первых двух тем, что оно **пытается** определить задачи именно **финансового** плана, имеющего своим объектом финансовое хозяйство государства и общественных организаций, а не оперирует с общими народнохозяйственными понятиями подобно первым двум определениям.

Однако и оно страдает существенным недостатком. Оно игнорирует значение цифровых выражений и видит в финансовом плане скорее план финансовой политики, в котором цифровые выражения играют лишь подсобную роль. А между тем в наших условиях самым существенным для единого финансового плана являются именно цифровые выражения: 1) финансовый

план должен прежде всего давать **баланс** намечаемых ресурсов и затрат для всего государственного или даже обобщественного хозяйства; 2) он должен, далее, в цифрах выражать целый ряд элементов и отношений в финансовом хозяйстве государства с различными социальными группами населения и секторами хозяйства. Не давая баланса доходов и расходов и не выражая в цифрах целого ряда других элементов и отношений в финансовом хозяйстве государства и общественных организаций, единый финансовый план в наших условиях теряет почти всякое значение. Без придания ряду цифр в едином финансовом плане директивного, планового значения не может быть намечен и план финансовой политики для всего обобщественного хозяйства.

Единый финансовый план должен давать такую характеристику элементов и отношений в финансовом хозяйстве государства и общественных организаций (кооперации, профессиональных союзов и др.), которые бы обеспечили **в достаточной мере единое** финансовое планирование государственного хозяйства и важнейших общественных организаций, занятых хозяйственной деятельностью или обслуживающих культурно-социальные нужды населения. Его содержание и значение определяются исчерпывающим и выдержанным решением следующих основных моментов:

1) определение общей суммы ресурсов, аккумулируемых системой единого финансового плана и подлежащих плановому перераспределению;

2) методы их аккумуляции (строение доходов государственно-го и обобщественного хозяйства);

3) место и роль отдельных институтов государственного и обобщественного хозяйства в аккумуляции ресурсов и затратах на отдельные отрасли народного хозяйства;

4) источники и формы финансирования отдельных отраслей народного хозяйства, социально-культурного строительства, управления и обороны;

5) распределение средств единого финансового плана по отраслям народного хозяйства и видам финансирования;

6) сравнительная характеристика отдельных институтов обобщественного хозяйства по доходам, ими получаемым, и расходам, ими производимым (характеристика отдельных институтов, аккумулирующих ресурсы и расходующих их, как элементов обобщественного хозяйства);

7) расчетные отношения между отраслями народного хозяйства и государственного управления и финансовой системой;

8) расчетные отношения внутри финансовой системы;

9) перераспределение ресурсов между обобщественным и не-обобщественным секторами народного хозяйства;

10) капитальные вложения в народное хозяйство за счет ресурсов обобщественного хозяйства и состояние основных фондов обобщественного сектора.

Следовательно, единый финансовый план дает развернутую картину финансовых отношений, складывающихся внутри обобщественного сектора, а также между обобщественным сектором и населением по перераспределению народного дохода. Это

обеспечивает определение строгой зависимости между движением финансовых ресурсов и материальных ценностей, которое достигается балансовым методом финансового планирования. Активное значение финансов в организации расширенного воспроизводства социалистических отношений вскрывается исчерпывающе тогда, когда мы берем всю совокупность финансовых отношений, выраженных в правильно составленном финансовом плане.

Действительно, изучая госбюджет, этот основной, решающий элемент финплана, мы все же не можем исчерпать роль финансовой системы. В частности один из наиболее обобщающих показателей — капитальное строительство — не полностью отражается государственным бюджетом. В 1932 г., например, общий объем капитальных вложений составил 22 млрд. руб., а по бюджету было отпущено только 13,0 млрд. руб.; в плане 1933 г.: общий итог — 18 млрд. руб., а по бюджету — 13,3 млрд. руб. Полный объем финансирования капитального строительства отражается только в едином финансовом плане. То же самое по социально-культурному строительству, темп роста которого обусловливается общим ростом производства нашего хозяйства. Общая сумма финансирования этой отрасли в 1933 г. намечена в 11 млрд. руб., а по госбюджету отражается только около 2 млрд. руб.

С другой стороны, определить общие размеры и источники накопления всего обобщественного сектора можно только путем их синтетической увязки: То же самое и в отношении мобилизации средств населения. Наконец, анализ методов перераспределения народного дохода, которыми пользуется финансовая система, в огромной степени определяется составлением единого финплана.

Этим определяется роль единого финплана во всей системе финансового планирования. Однако единый финансовый план в данное время не является оперативным планом. К оперативному звену финансовой системы относятся те ее части, которые **непосредственно** перераспределяют народный доход. Таким звеном на современном этапе является госбюджет. От выполнения госбюджета зависит и полное выполнение единого финансового плана. Поэтому оперативное наблюдение устанавливается над этой решающей частью финплана. В этом отношении необходимо помнить указание в опубликованных НКФ СССР «Правилах и формах составления единого финплана на 1932 г.», что «на нынешней стадии единый финплан является лишь ориентировочным экономическим сводом всех ресурсов обобщественного сектора народного хозяйства и не подлежит специальному утверждению в форме бюджетного закона» (см. предисловие).

Роль и значение единого финансового плана с исчерпывающей ясностью изложены в постановлении ЦИК и СНК СССР от 23 мая 1930 г.: «не устраняя отдельных оперативных финансовых планов (госбюджет, финансовый план промышленности, кредитные планы и т. д.), единый финплан должен облегчить и улучшить их взаимное согласование и обеспечить наиболее целесообразное направление и экономное использование средств на нужды народного хозяйства, культуры, управления и обороны

СССР». Попытки придать финплану характер оперативного плана, подменяющего собою госбюджет, отражают в себе непонимание его сущности и его конкретного значения в деле финансового планирования.

Синтетический характер финплана не превращает его в план, непосредственно перераспределяющий народный доход. Перераспределительная его роль осуществляется через в него входящие оперативные финпланы отдельных институтов финсистемы (госбюджет, местный бюджет, кредитная система и т. д.). Это, однако, не устраняет перераспределительной роли единого финплана. Устанавливая, например, объем капитальных вложений, определяя источники их покрытия, приводя в соответствие между собою отдельные планы, за счет которых они финансируются, финплан тем самым оказывает активное влияние на перераспределение средств. Поэтому не правы те, кто пытается вообще снизить роль финплана в перераспределении средств. При этом особенностью финплана является то, что он включает в себя также и те накопления, которые вообще не перераспределяются, в частности определенную долю прибылей ряда отраслей и амортизацию.

Единый финансовый план представляет собою метод синтетического финансового планирования, обеспечивающий увязку аккумулярованных в народном хозяйстве средств, направляемых на капитальное строительство, пополнение оборотных фондов, финансирование культуры, управления и обороны страны.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Что мы понимаем под народным доходом и какая связь существует между содержанием народного дохода и общественным характером процесса воспроизводства?
2. В чем общность и различие между личным и реальным методом исчисления народного дохода? Почему результаты, получаемые каждым из этих методов, должны совпадать?
3. Какую роль в перераспределении народного дохода играет финансовая система и каковы основные каналы и методы этого перераспределения?
4. В чем основное содержание и значение составления единого финансового плана?

С О Д Е Р Ж А Н И Е В Ы П У С К А I.

	стр
От составителей	3
I. Предмет и задачи курса. Сущность финансов СССР	5
1. Двойственный характер советских финансов	5
2. Сущность финансов капиталистических государств	8
3. Основы существования финансов в СССР	11
4. Сущность финансов СССР	14
5. Вредительские и оппортунистические „теории“ финансов СССР	21
6. Право-„левацкие“ извращения в вопросах теории советских финансов	28
7. Задачи курса „Финансы СССР“	32
Вопросы для повторения	35
II. Финансы в период Октября и военного коммунизма	36
1. О необходимости поэтапного изучения советских финансов	36
2. Финансы дооктябрьской России	39
3. Финансовая программа партии на путях к Октябрю	43
4. Финансы в период от Октября до военного коммунизма	47
5. Распределительные отношения в период военного коммунизма	52
6. Налоги и продразверстка	56
7. Эмиссия и прочие неналоговые доходы	62
8. Бюджетное строительство в годы военного коммунизма	65
Вопросы для повторения	69
III. Финансы в восстановительном и реконструктивном периодах нэпа	70
1. Переход к нэпу и финансы. (XI съезд партии о задачах финансовой политики)	70
2. Денежная реформа и госбюджет	76
3. Финансовое строительство после денежной реформы	84
4. Первые шаги синтетического финансового планирования	95
5. Финансовое планирование в реконструктивном периоде нэпа	100
6. Реконструкция налоговой системы	105
7. Роль финансов в реконструктивном периоде	109
Вопросы для повторения	117
IV. Народный доход и единый финансовый план	118
1. Исходные моменты анализа	118
2. Понятие народного дохода	122
3. Методы исчисления народного дохода	126
4. Перераспределение народного дохода и роль финансовой системы	133
5. Понятие единого финансового плана	140
Вопросы для повторения	147

ЦЕНА 2 руб. 10 коп.

Государственное
финансовое
издательство

МОСКВА,
ЦЕНТР,
ИЛЬИНКА, 9

Книжный магазин:
ул. Горького, 24

Отделения:

Ленинградское —
Ленинград,
Канал
Грибоедова, 30/32

Украинское —
Харьков,
Горькоязыкий
п. р., 7